

АНДРЕЙ НЕКРАСОВ

84Р6
Н48

Приключения капитана Воруженя

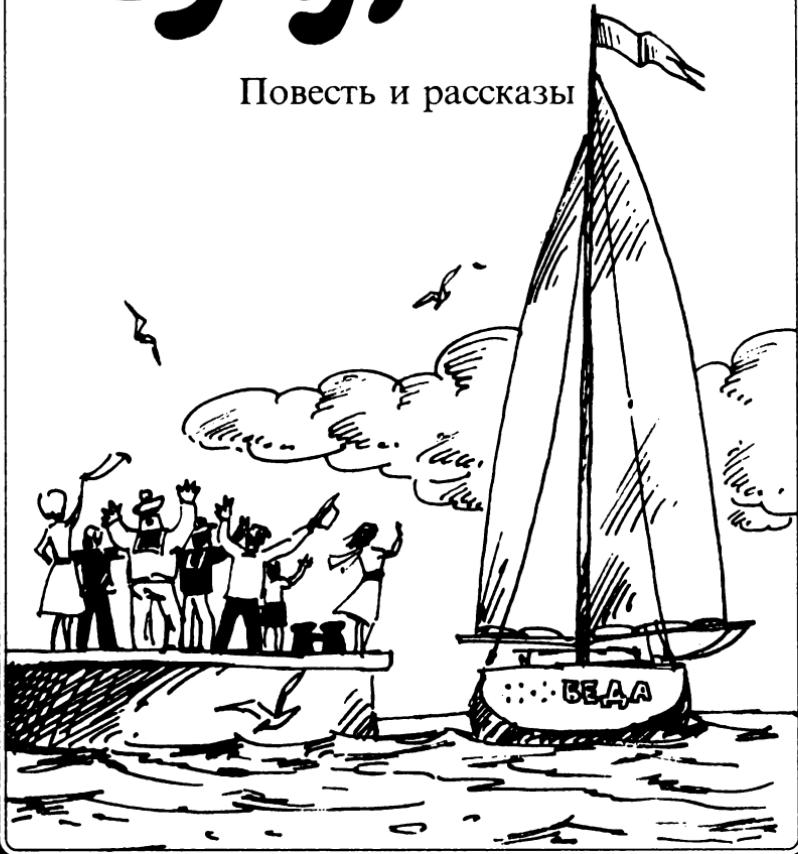
ОНИКС • МОСКВА • АСТ
2000

Андрей Некрасов

Приключения капитана **Врунгель**

Повесть и рассказы

**УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н48**

Дизайн серии «Золотая библиотека»

Л. Бабаджаняна, Д. Капельникова

Иллюстрация на переплете А. Чукавина

Иллюстрации А. Ильина

Некрасов А.С.

Н48 Приключения капитана Врунгеля. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», ЗАО «Издательский Дом ОНИКС», 2000.— 352 с., илл. — Серия «Золотая библиотека».

ISBN 5-237-02100-X

В этой книге серии «Золотая библиотека» вы прочитаете юмористическую повесть о фантастическом кругосветном путешествии бесстрашного капитана Врунгеля и его спутников Лома и Фукса. В книгу также вошли три рассказа из сборника «Морские сапоги».

**УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 5-237-02100-X

© А.С. Некрасов, текст, наследники, 1999
© ООО «Астрель», иллюстрации, 1999
© ЗАО «Издательский Дом ОНИКС»,
оформление, 1999

ГЛАВА I,

*в которой автор знакомит
читателя с героем
и в которой
нет ничего необычайного*

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

— Навигация, — сказал он на первом уроке, — это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация, — добавил он напоследок, — наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель — не иначе, как старый морской волк на покое. Навигацию он знал

блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избороздил все моря и океаны.

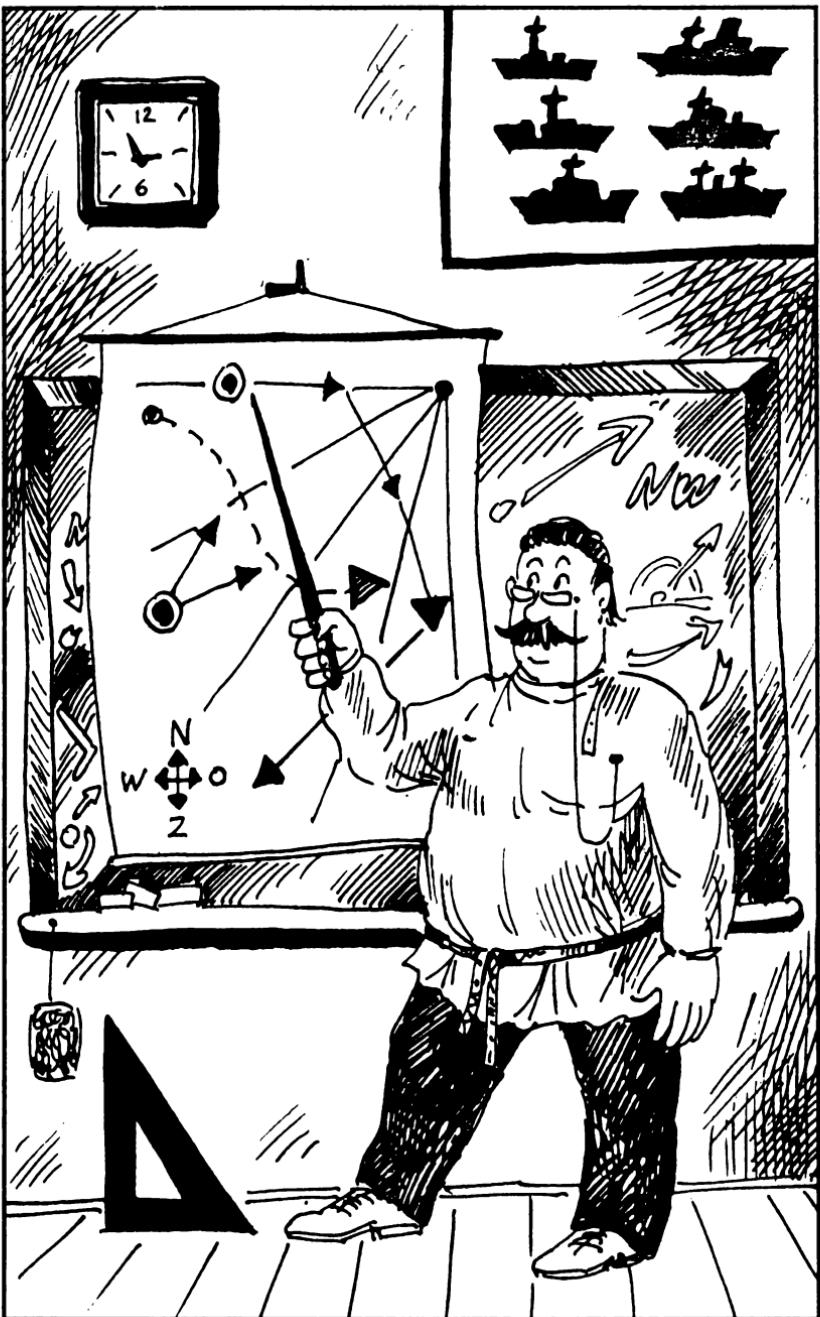
Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор, в отличие от прочих навигаторов, сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приводили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

— Ну, что вы! Не время сейчас, — возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции

устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что, в отличие от прочих навигаторов, Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно, не посчастливилось услышать от самого Врунгеля рассказ о его необычайно смелом кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае галоши, промочил ноги, простудился и слег в постель. А время стояло горячее: весна, зачеты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.

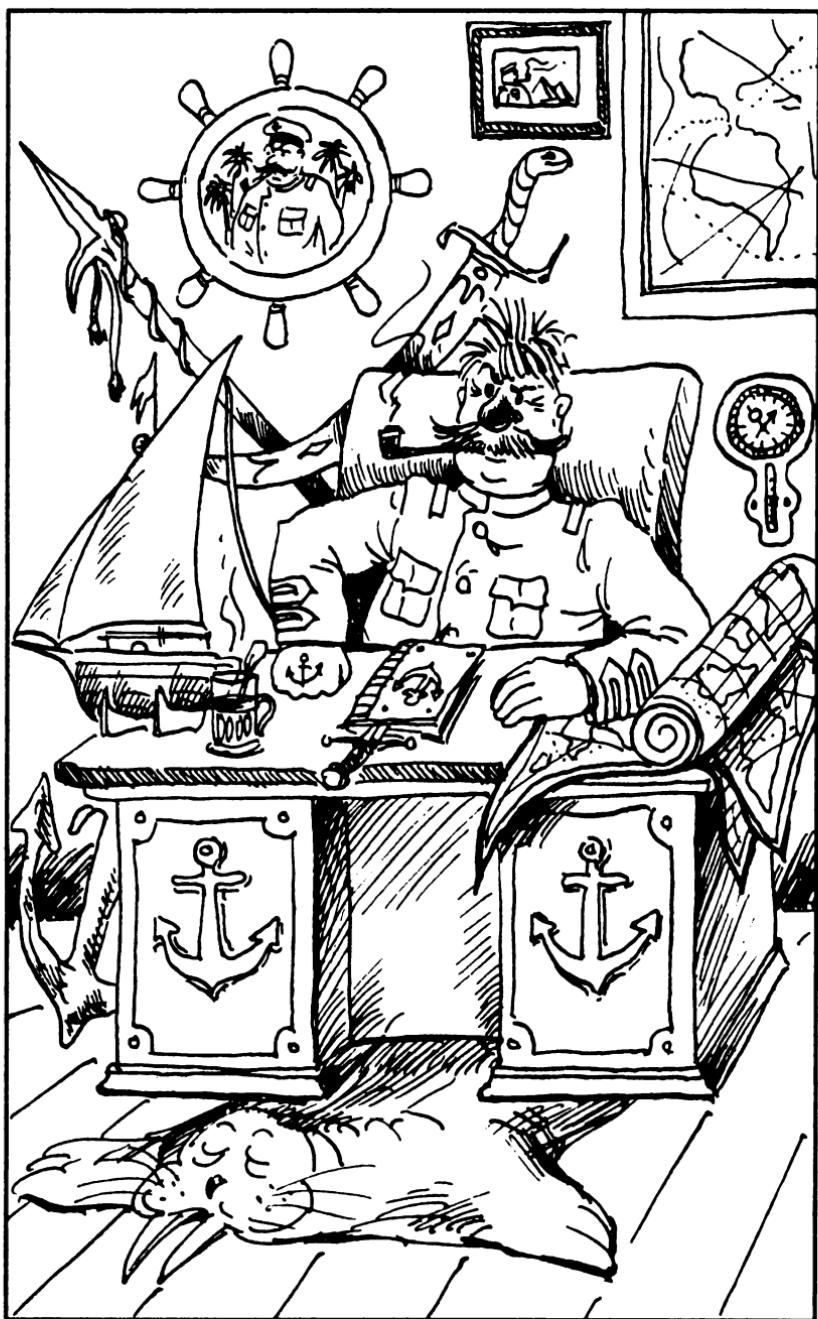
Я отправился. Без труда нашел квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... осталбенел от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые, растрепанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он действительно и покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Врунгелем в специальной стоечке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант. Небрежно брошенный сверток карт наполовину закрывал сушеный акулий плавник. На полу вместо ковра распласталась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками ржавой цепи, на стене висел криевой меч, а рядом с ним — зверобойный гарпун. Было еще что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом,

поднялся и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.

— Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич, — произнес он громовым басом, протягивая мне руку. — Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

— Да вот, Христофор Бонифатьевич, на счет тетрадок... ребята прислали... — начал было я.

— Виноват, — перебил он меня, — виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Стар стал, ничего не поделаешь... Да... так, говорите, за тетрадями? — переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столом.

Наконец он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

— Вот, извольте, — сказал он, предварительно громко, со вкусом, чихнув, — у всех «отлично»... Да-с, «отлично»! Поздравляю! С полным знанием науки кораблевождения пойдете бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждет вас впереди!

Тропинки, полюса, плаванье по дуге большого круга... — прибавил он мечтательно. — Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не поплавал.

— А вы разве плавали? — не подумав, воскликнул я.

— А как же! — обиделся Врунгель. — Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение, — добавил он, помолчав. — Многое, так сказать, предстает теперь в ином свете, но все же, знаете, оглянешься вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятного и поучительного в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте...

С этими словами Христофор Бонифатьевич пододвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как на кресло, а Врунгель стал рассказывать.

ГЛАВА II,

*в которой капитан Врунгель
рассказывает о том,
как его старший помощник Лом изучал
английский язык,
и о некоторых частных случаях
практики судовоождения*

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной — и тряхнул. Так тряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. Да-с. Вам, простиште, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнем по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так чтобы вовсе мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воробей, на хорошем счету, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил:

пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка — пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашел. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили. Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением ее в два счета привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль на два фута, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта — игрушечка! Сорок футов по палубе. Как говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

Успех подобного предприятия, как вы знаете, во многом зависит от личного состава экспедиции. Поэтому я особенно тщательно выбирал своего спутника — единственного помощника и товарища в этом долгом и трудном пути. И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос — как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всем

том отличное знание дела, поразительная скромность — словом, все, что требуется первоклассному моряку. Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьезный: полное незнание иностранных языков. Это, конечно, важный порок, но это не остановило меня. Я взвесил положение, рассудил, подумал, прикинул и приказал Лому в срочном порядке овладеть английской разговорной речью. И, знаете, Лом овладел. Не без трудностей, но овладел за три недели.

Для этой цели я избрал особый, дотоле неизвестный метод преподавания: я пригласил для моего старшего помощника двух преподавателей. При этом один обучал его с начала, с азбуки, а другой с конца. И, представьте, с азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно с произношением. Дни и ночи напролет мой старший помощник Лом разучивал трудные английские буквы. И, знаете, не обошлось без неприятностей. Вот так однажды он сидел за столом, изучая девятую букву английского алфавита — «ай».

— Ай... ай... ай... — твердил он на все лады, все громче и громче.

Соседка услышала, заглянула, видит: здоровый детина сидит, кричит «ай». Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скорую помощь». Приехали. Накинули на парня смирительную рубашку, и я с трудом на другой

день вызволил его из лечебницы. Впрочем, кончилось все благополучно: ровно через три недели мой старший помощник Лом донес мне рапортом, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот наконец долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. Сенсация, так сказать. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запрудили берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль и скомандовал:

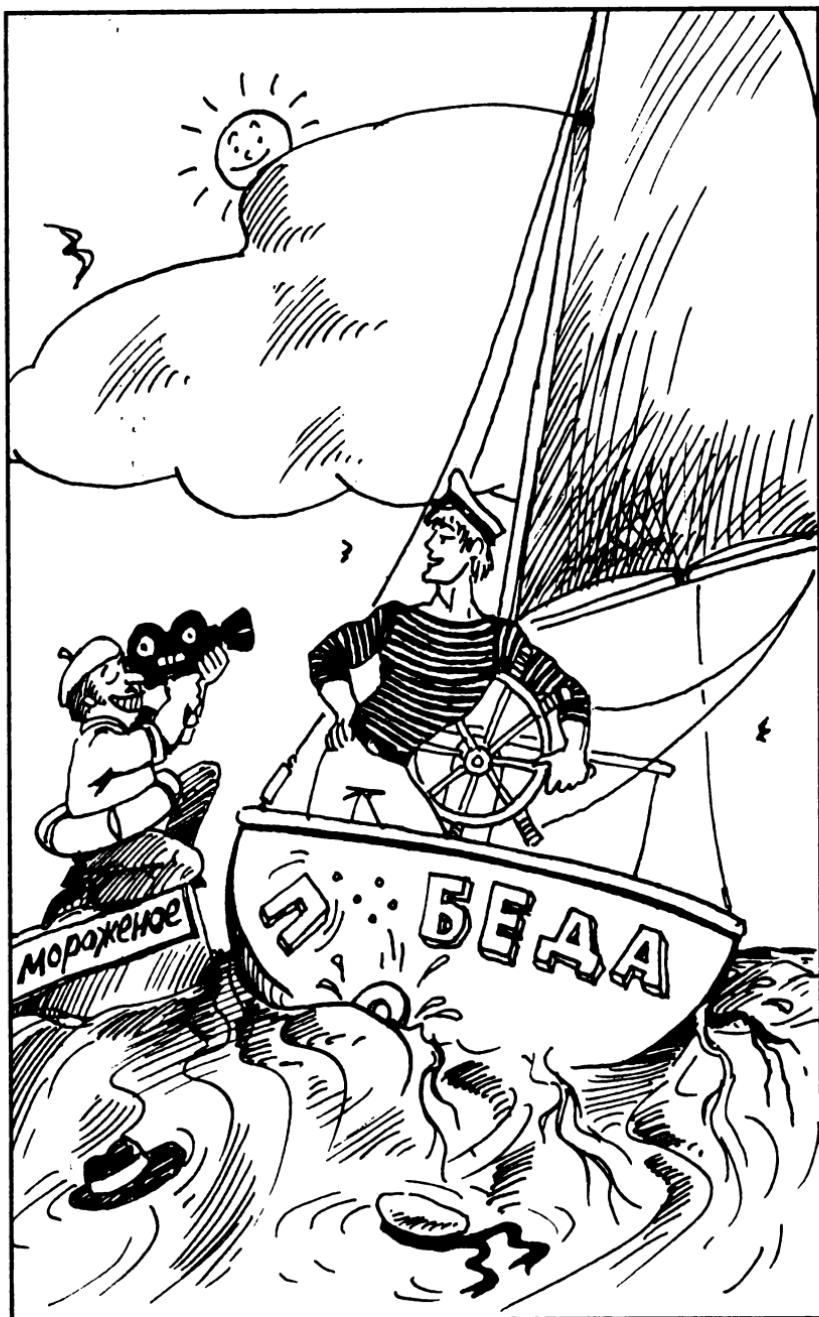
— Поднять паруса, отдать носовой руль, на правую!

Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит. Отдали кормовой конец — все равно стоим. Ну, вижу, нужно принимать решительные меры. А тут как раз буксир шел мимо. Я схватил рупор, кричу:

— Эй, на буксире! Прими конец, черт побирай!

Буксир потянул, пыхтит, мылит воду за кормой, только что на дыбы не встает, а яхта — ни с места... Что за притча?

Вдруг что-то ухнуло, яхта накренилась, я на мгновение потерял сознание, а когда

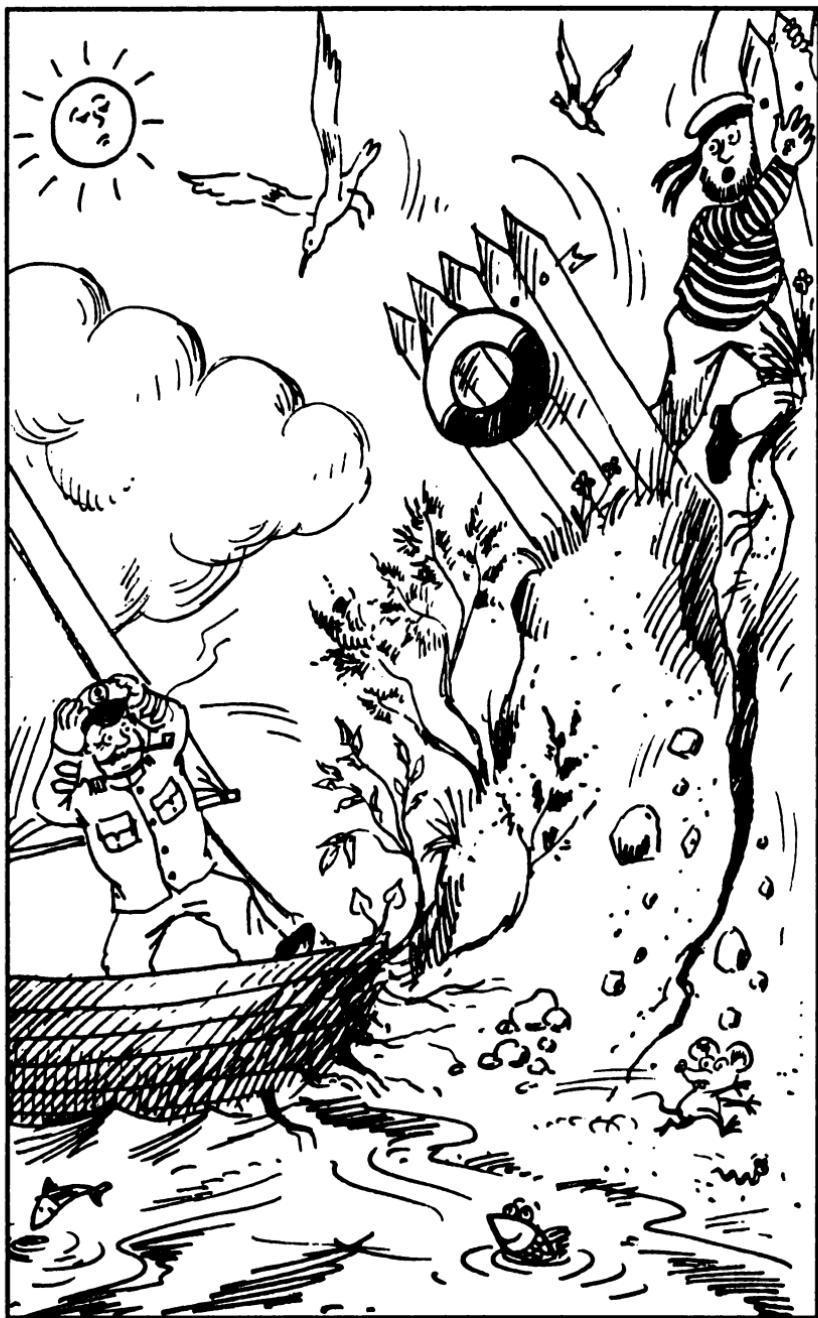

очнулся, смотрю — конфигурация берегов резко изменилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же плавает будка с мороженым, верхом на ней сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.

А под бортом у нас целый зеленый остров. Я посмотрел — и все понял: плотники недоглядели, поставили свежий лес. И, представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла. А я еще удивлялся: откуда такие красивые кустики на берегу? Да. А яхта построена крепко, буксир добрый, канат прочный. Как дернули, так полберега и отнесло вместе с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, все кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, понятно, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форс-мажор» — непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь — рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признались, изрядно, вымокли, замерзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звезды

высыпали на небе, на судах бьют полночную склянку. Я отпустил Лома спать, а сам остался на вахте. Стою, размышляю о трудностях и прелестях предстоящего похода. И так это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сутки хода потерял с этой аварией — я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля — то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был — Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» — перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назовите свое судно «Корыто» — оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имен, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное

имя для славного корабля! Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнем горели. За полмили можно было прощать: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль, порт еще не проснулся, после бессонной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу — пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и — хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок. Но все мы люди, все люди, как говорится, и каждому, знаете, приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...»

Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чем разговор. Хватаю другую газету, третью...

Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посередине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Беда», на которой он отправляется...»

Тогда я все понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы — «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделять уже ничего невозможнo: у газетчиков длинные языки. Брунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».

Но долго горевать не пришлось. С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лома и стал поднимать якорь. И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как назло, кричали:

— Эй, на «Беде», счастливого плавания!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Беде» и пошли.

Вышли в море. Я еще не успел оправиться от огорчения. И все-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете, еще древние греки говорили, что море все невзгоды смыкает с души человека.

Идем. Тишина, только волны шелестят вдоль бортов, мачта поскрипывает, а берег уходит, тает за кормой. Погода свежеет, белячки пошли по волнам, откуда-то прилетели буревестники, ветерок стал крепчать. Работает, свистит в снастях настоящий морской солнечный ветер. Вот и последний маяк остался позади, берегов как не бывало, только море кругом; куда ни взглянешь — везде море.

Я проложил курс, сдал командование Лому, постоял еще минутку на палубе и пошел вниз, в каюту — вздремнуть часок-другой перед вахтой. Недаром у нас, у моряков, говорится: «Не высаться всегда успеешь».

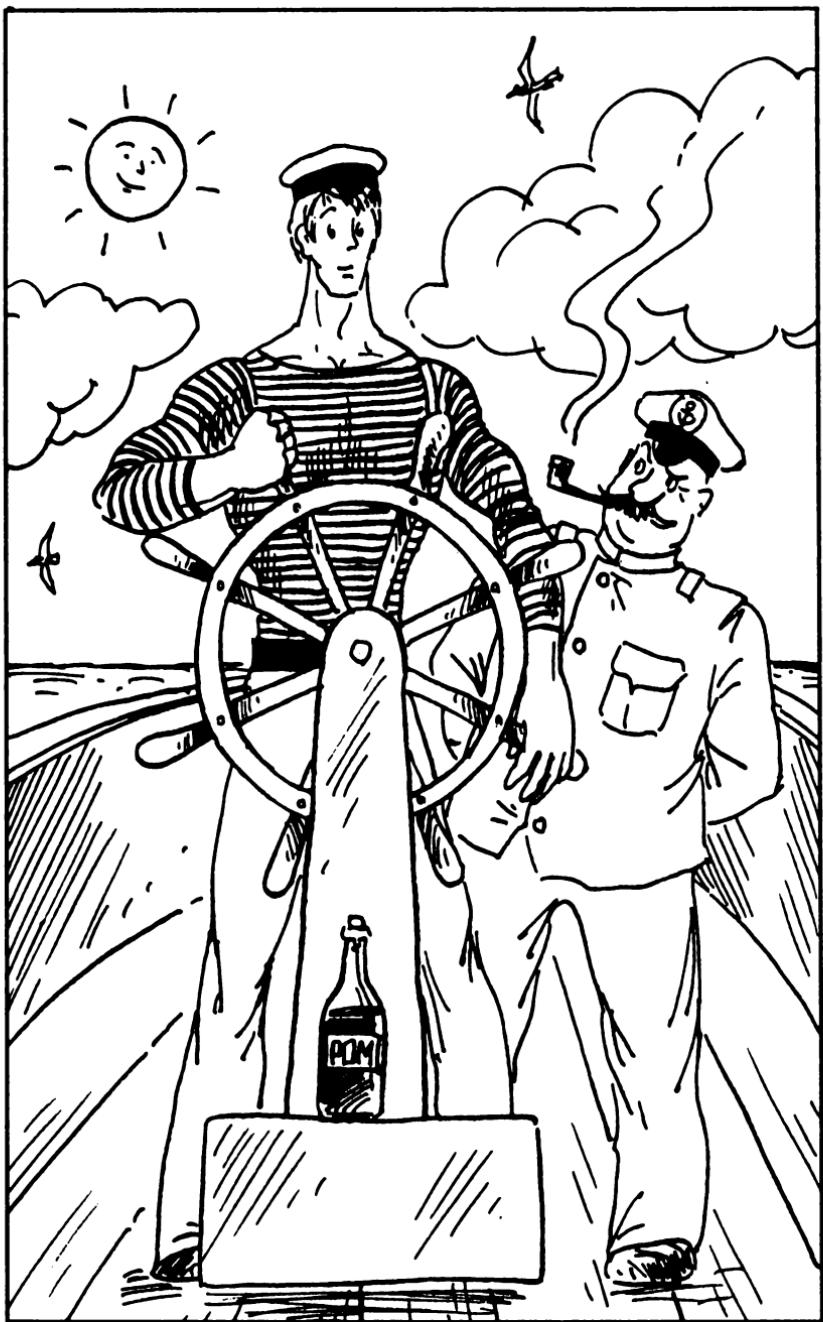
Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лег на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаясь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперед... и в глазах у меня потемнело.

На первый взгляд — ничего, конечно, особенного: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но впереди, прямо перед носом «Беды», — едва заметная, как серая ниточка, встает над горизонтом полоска берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагается быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразие. Стыд и позор для вас! Я был потрясен, возмущен и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать — так заедешь, что и не выберешься, — особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вышло, но тут, к счастью, все объяснилось. Лома выдал нос. Мой

старший помощник все время сворачивал нос налево, жадно втягивал воздух, и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я все понял: в моей каюте, по левому борту, осталась незакупоренная бутылка прекрасного рому. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так — значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой.

Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенес бутылку на правый борт.

Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатилось туда же, а два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку впереди, у мачты, и Лом больше не сбивался с курса. Он вел «Беду», как по ниточке, и только один раз особенно жадно втянул воздух и спросил:

— А что, Христофор Бонифатьевич, не привезти ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Вот таким образом и началось наше дальнее плавание.

ГЛАВА III

*О том, как техника и находчивость
могут возместить недостаток
храбрости, и о том,
как в плавании надо использовать
все обстоятельства,
вплоть до личного недомогания*

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А «плавание»? Плавание — это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит, так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И все же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чем тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетелями которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас превратная судьба мореплавателя.

Но в море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер, главным образом. А что вы можете пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простоя на мелях...

Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествия, и в нашем походе их было немало, но, в основном, про воду, про ветер, про туманы и мели много не расскажешь.

Рассказать-то, положим, можно бы. Рассказать есть что: бывают, допустим, смерчи, тайфуны, жемчужные отмели — мало ли что! Все это поразительно интересно. Ну, рыбы, там, корабли, спруты — тоже и об этом можно рассказать. Да вот беда: столько уж об этом порассказано, что не успеете вы рот раскрыть — все ваши слушатели сразу разбегутся, как караси от акулы.

Другое дело — заходы, новые берега, так сказать. Там, знаете, есть на что посмотреть, есть чему удивиться. Да-с. Недаром говорят: «Что город, то норов».

Вот поэтому такой моряк, как я, любознательный и не связанный коммерческими интересами, старается всячески разнообразить свое плавание заходами в чужие страны. И в этом отношении плавание на маленькой яхте представляет бесчисленные преимущества.

А как же, знаете! Встали вы, допустим, на вахту, склонились над картой. Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам не велит? Руль на борт... и вот уже входной маяк на горизонте! Вот так-то!

Да-с. Мы шли с попутным ветром, туман лежал над морем, и «Беда» бесшумно, как призрак, милю за милей глотала пространство. Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагерак...

И вот на пятые сутки, на рассвете, туман рассеялся, и по правому борту у нас открылись берега Норвегии.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я скомандовал:

— Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде. Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры, другими словами — это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутанные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мохом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

— А что, Лом, — предложил я, — не сойти ли нам погулять до обеда?

— Есть погулять до обеда! — гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Беда... беда... беда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя, конечно, на иностранный манер, ударение не там, но все же, знаете, приятно и удивительно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиордах... Да одно ли эхо! Там, батенька, сказочные места и сказочные бывают происшествия. Вы послушайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошел переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я

уже совсем готов, шнурую ботинки, — вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встревоженный, вскакиваю, пулей вылетаю на палубу, и глазам моим представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

Я понял, что сам виноват: не учел особенностей грунта, а главное — прилив прозевал. Якорь зацепился, держится, как влитой, а вода подпирает. И цепь потравить невозможно: весь нос в воде, поди-ка ныряй к брашпилю. Куда там!

Едва мы успели задраить наглухо вход в каюту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Ну и пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь. Спаслись на корме. Так там и пересидели до вечера, пока вода начала спадать. Вот так.

А вечером, умудренный опытом, я ввел судно в узкий пролив и причалил к берегу. Такто, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, зажгли огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

— Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура

наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

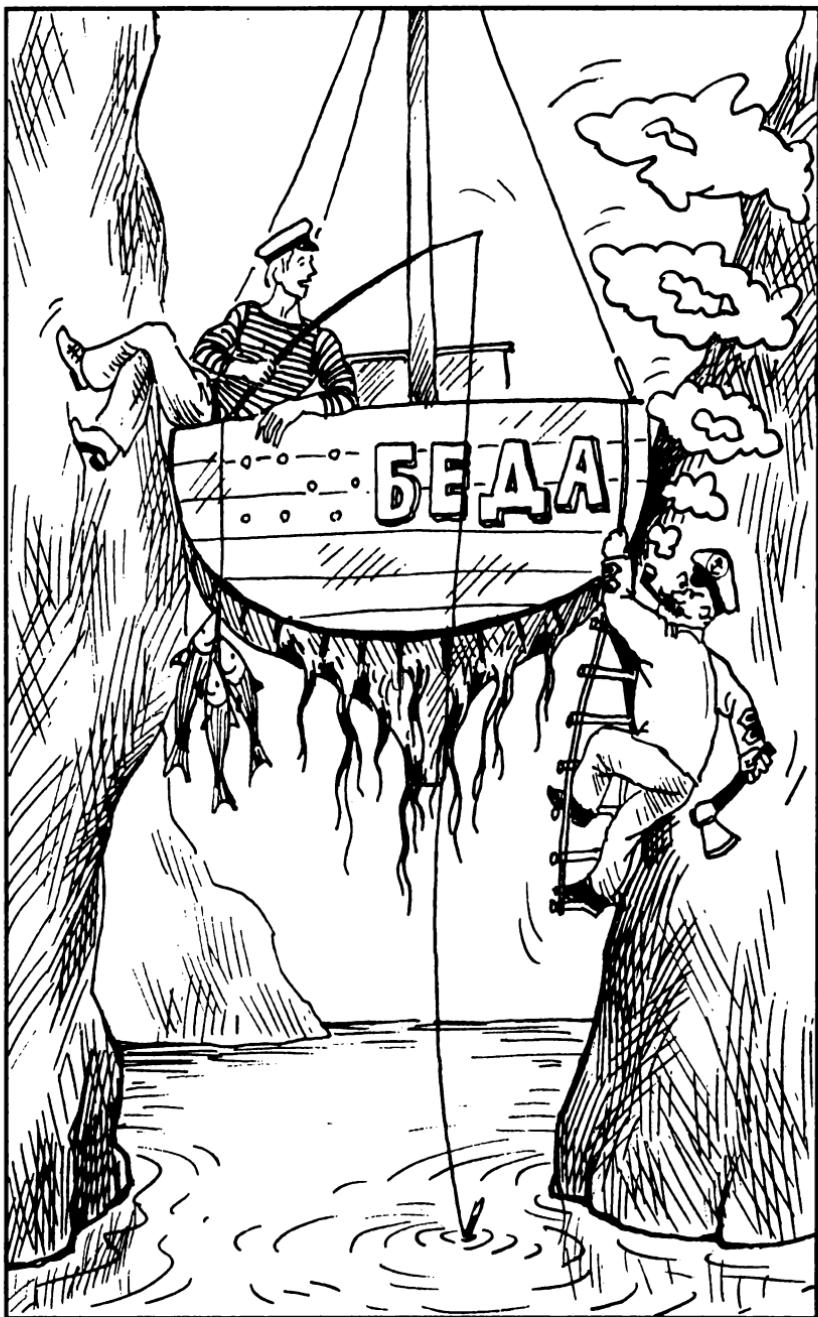
Я спросонья не сразу и понял, о чем он говорит.

— То есть как это «за отсутствием»? — спрашиваю. — Куда же она девалась?

— Ушла с отливом, — рапортует Лом. — Судно заклинилось между скалами и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Вышел я, вижу — та же песня, да на новый лад. То прилив нас попутал, теперь отлив шутки шутит. То, что принял я за проливчик, оказалось ущельем. К утру вода сошла, и мы встали на твердый грунт, как в сухом доке. Под килем — пропасть в сорок футов, выбраться нет никакой возможности. Куда там выбраться! Одно остается — сидеть, ждать погоды, прилива, вернее сказать.

Но я не привык тратить время по-пустому. Осмотрел яхту со всех сторон, бросил за борт штурмтрап, взял топор, рубанок, кисть. Заподлицо обтесал борта в тех местах, где остались сучья, закрасил. А когда вода пошла на прибыль, Лом закинул с кормы удочку и наловил рыбы на уху. Так что, видите, даже такое неприятное обстоятельство, если с умом взяться, можно обернуть на пользу делу, так сказать.

После всех этих событий благоразумие подсказывало покинуть этот предательский фиорд. Кто ж его знает, какие он еще готовит сюрпризы? Но я человек, как вы знаете, смелый, настойчивый, даже несколько упрямый, если хотите, и не привык отказываться от принятых решений.

Так и в тот раз: решил гулять — значит, гулять. И как только «Беда» встала на воду, я перевел ее на новое, безопасное место. Вытравил цепь подлиннее, и мы отправились.

Идем между скалами по тропинке, и чем дальше идем, тем поразительнее окружающая природа. На деревьях белки, птички какие-то — «чик-чирик», а под ногами сухие сучья трещат, и кажется: сейчас выйдет медведь и заревет... Тут же ягоды, земляника. Я, знаете, нигде не видел такой земляники. Крупная, с орех! Ну, мы увлеклись, углубились в лес, забыли совсем про обед, а когда спохватились, смотрим — поздно. Уже солнце склонилось, тянет прохладой. И куда идти, неизвестно. Кругом лес. Куда ни посмотришь, везде ягоды, ягоды, одни ягоды...

Спустились вниз, к фиорду, видим — не тот фиорд. А время уже к ночи. Делать нечего, развели костер, ночь кое-как прошла, а утром полезли на гору. Может быть, думаем, оттуда, сверху, увидим «Беду». Лезем в гору, нелегко при моей комплекции, но лезем,

подкрепляемся земляникой. Вдруг слышим сзади какой-то шум. Не то ветер, не то водопад, трещит что-то все громче, и как будто попахивает дымком.

Я обернулся, гляжу — так и есть: огонь! Обступает со всех сторон, стеной идет за нами. Тут уж, знаете, не до ягод.

Белки побросали гнезда, прыгают с ветки на ветку, все выше по склону. Птицы поднялись, кричат. Шум, паника...

Я не привык бегать от опасности, но тут, делать нечего, надо спасаться. И полным ходом за белками, на вершину скалы, — больше некуда.

Вылезли, отдохнули, осмотрелись кругом. Положение, доложу вам, безвыходное: с трех сторон огонь, с четвертой — крутая скала... Я посмотрел вниз — высоко, даже дух захватило. Картинка, в общем, безрадостная, и единственное отрадное пятно на этом мрачном горизонте — наша «Беда» красавица. Стоит как раз под нами, чуть качается на волне и мачтой, как пальчиком, манит к себе на палубу.

А огонь все ближе. Белок кругом видимо-невидимо. Осмелели. У других, знаете, хвосты в огне пообгорели, так те особенно храбрые, нахальные, проще сказать: лезут прямо на нас, толкаются, нажимают, того и гляди, спихнут в огонь. Вот оно как костры-то разводить!

Лом в отчаянии. Белки тоже в отчаянии. Признаться, и мне не сладко, но я не подаю виду, креплюсь — капитан не должен поддаваться унынию. А как же!

Вдруг — смотрю — одна белка нацелилась, хвост распушила и прыг прямо на «Беду», на палубу. За ней другая, третья и, гляжу, — как горох посыпались. В пять минут у нас на скале стало чисто. А мы что, хуже белок, что ли? Я решил тоже прыгать. Ну, искупаемся в крайней случае. Подумаешь, велика важность! Это даже полезно перед завтраком — искупаться. А у меня так: решено — значит сделано.

— Старший помощник, за белками — полный вперед! — скомандовал я.

Лом шагнул, занес уже ногу над пропастью, но вдруг извернулся, как кошка, и назад.

— Не могу, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, увольте! Не буду прыгать, я лучше сгорю...

И я вижу — действительно сгорит человек, а прыгать не станет. Естественная боязнь высоты, болезнь своего рода... Ну что тут делать! Не бросать же беднягу Лома!

Другой бы растерялся на моем месте, но я не таков. Я нашел выход.

У меня с собой оказался бинокль. Прекрасный морской бинокль с двенадцатикратным приближением. Я приказал Лому поставить

бинокль по глазам, подвел его к краю скалы и строгим голосом спрашиваю:

— Старший помощник, сколько белок у вас на палубе?

Лом принялся считать:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Отставить! — крикнул я. — Без счета принять, загнать в трюм!

Тут чувство служебного долга взяло верх над сознанием опасности, да и бинокль, как ни говорите, помог: приблизил палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть....

Я глянул вслед — только брызги поднялись столбом. А минуту спустя мой старший помощник Лом уже вскарабкался на борт и принялся загонять белок. Тогда и я последовал тем же путем. Но мне, знаете, легче: я человек бывалый, могу без бинокля.

А вы, молодой человек, учтите этот урок, при случае пригодится: соберетесь, к примеру, с парашютом прыгать, непременно возьмите бинокль, хоть плохонький, а все-таки, знаете, как-то легче, не так высоко.

Ну, спрыгнул. Вынырнул. Забрался и я на палубу. Хотел Лому помочь, да он парень расторопный, один справился. Не успел я отдохнуться, а он уже захлопнул люк, встал на фронт и рапортует:

— Принято без счета полный груз белок живьем! Какие последуют распоряжения?

Вот тут, знаете, подумаешь, какие распоряжения.

На первое время ясно: поднимать якорь, ставить паруса да уходить подобру-поздорову от этой горящей горы. Ну его к дьяволу, этот фиорд. Смотреть тут нечего больше, да и жарко стало к тому же... Так что по этому вопросу у меня сомнений не возникло. А вот что с белками делать? Тут, знаете, похуже положение. Черт их знает, что с ними делать? Хорошо еще вовремя в трюм загнали, а то, знаете, проголодались негодные зверюшки, принялись грызть снасти. Еще бы чуть — и ставь заново весь такелаж.

Ну конечно, можно бы ободрать с белок шкурки и сдать в любом порту. Мех ценный, добротный. Не без выгода можно бы провести операцию. Но это как-то нехорошо: они нас спасли, во всяком случае, указали путь к спасению, а мы с них последние шкурки! Не в моих это правилах. А с другой стороны, везти с собой всю эту компанию вокруг света — тоже удовольствие не из приятных. Ведь это значит кормить, поить, ухаживать. А как же — это закон: принял пассажиров — создай условия. Тут, знаете, хлопот не оберешься.

Ну, я решил так: дома разберемся. А у нас, у моряков, где дом? В море. Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море — значит дома». Вот и я так. Ладно, думаю, выйдем в море,

а там подумаем. Запросим в крайнем случае инструкции в порту отправления. Да-с.

Вот и пошли. Идем. Встречаемся с рыбаками, с пароходами. Хорошо! А к вечеру ветерок закрепчал, начался настоящий шторм — баллов десять. Море бушует. Как поднимет нашу «Беду», как швырнет вниз!.. Снасти стонут, мачта скрипит. Белки в трюме укачались с непривычки, а я радуюсь: «Беда» моя держится молодцом, на пять с плюсом сдает штормовой экзамен. И Лом — героем: надел зюйдвестку, стоит как влитой у руля и твердой рукой держит штурвал. Ну, я постоял еще, посмотрел, полюбовался на разбушевавшуюся стихию и пошел к себе в каюту. Сел к столу, включил приемник, надел наушники и слушаю, что там в эфире творится.

Чудесная это штука — радио. Нажмешь кнопку, повернешь рукоятку — и на-ко, все к твоим услугам: музыка, погода на завтра, последние новости. Другие, знаете, болеют насчет футбола — так тоже, извольте: «Удар! Еще удар!.. И вратарь вынимает мяч из сетки...» Словом, не мне вам рассказывать: радио — великая вещь! Но я в тот раз как-то неудачно попал. Поймал Москву, настроился, слышу: «Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна... Семен... Кирилл...» — точно в гости пришел и знакомишься. Прямо хоть не слушай. А у меня еще зуб был с дуплом,

разболелся что-то... должно быть, после купанья, — так разболелся, хоть плачь.

Ну, я решил прилечь отдохнуть. Совсем было снял наушники, вдруг слышу: никак, «СОС»? Прислушался: «Т-Т-Т... Та, Та, Т-Т-Т...» Так и есть: сигнал бедствия. Судно гибнет, и здесь где-то, близко. Я замер, ловлю каждый звук, хочу узнать поподробнее: где? что? В это время накатила волна да так поддала «Беду», что она, бедняжка, совсем легла на борт. Белки взвыли.

Но это бы еще ничего. Тут гораздо хуже получилось: приемник прыг со стола, сорвался, знаете, хлоп о переборку и разлетелся в куски. И вижу — не соберешь. Передачу, конечно, как ножом отрезало. И такое тяжелое чувство: рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто — неизвестно. Надо идти выручать, а куда идти — кто его знает? И зуб еще хуже разболелся.

И вот представьте: он-то меня и выручил! Я недолго думая хватаю конец антенны — и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато прием опять наладился. Музыки, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А морзе зато — лучше и не придумаешь: точка — кольнет незаметно, как булавочкой, а уж тире — точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не

нужно, и никакой настройки — больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью. Терпеть трудно, конечно, но что поделаешь: в таком положении приходится жертвовать собой.

И, поверите ли, так всю передачу до конца на зуб и принял. Записал, разобрал, перевел. Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию: сел на мель на Доггербанке, получил пробоину, вот-вот пойдет ко дну. Тут думать некогда, надо идти выручать. Я забыл про зубную боль и сам стал распоряжаться спасением. Поднялся на палубу, стал к штурвалу. Идем. Ночь кругом, холодное море, волны хлещут, ветер свистит...

Ну, с полчаса прошли, отыскали норвежцев, осветили ракетами. Я вижу — дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не встанешь — разобьет. Шлюпки у них все снесло, а на концах перетаскивать людей в такую погоду тоже рискованно: перетопиши, чего доброго.

Зашел с одной стороны, зашел с другой — ничего не выходит. А шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суденышко волна, так его и не видно совсем. Перекатывает через палубу, одни мачты торчат... Стоп, думаю, это нам на руку.

Я решил рискнуть. Зашел на ветер, повернул оверштаг и вместе с волной на всех парусах пошел фордевинд полным ходом.

Расчет тут был самый простой: у «Беды» осадка небольшая, а волны — как горы. Удержимся на гребне — как раз и проскочим над палубой.

Ну, знаете, норвежцы уже отчаялись, а я тут как тут. Стою в руле, правлю так, чтобы не зацепить за мачты, а Лом ловит потерпевших прямо за шиворот, сразу по двое. Восемь раз так прошли и вытащили всех — шестнадцать человек во главе с капитаном.

Капитан немножко обиделся: ему последнему полагается покидать судно, а Лом в спешке да в темноте не разобрал, подцепил его первым.

Некрасиво получилось, конечно, ну да ничего, бывает... И только сняли последнюю пару, смотрю: катит девятый вал. Налетел, ухнул — только щепки полетели от несчастного суденышка.

Норвежцы сняли шапки, стоят дрожат на палубе. Ну, и мы посмотрели... Потом развернулись, легли на курс и пошли полным ходом назад, в Норвегию.

На палубе теснота — не повернешься, но норвежцы ничего, довольны даже. Да и понятно: конечно, и тесно, и холодно, а все лучше, чем купаться в такую погоду.

Да... Выручил, спас норвежцев. Вот тебе и «Беда»! Для кого беда, а для кого чудесное, так сказать, избавление от гибели.

А все находчивость! В дальнем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности, используйте все для пользы дела, даже личное недомогание, если к тому представится случай. Вот так-то.

Глава IV

*О правах скандинавских народов,
о неправильном произношении
некоторых географических названий
и о применении белок
в морском деле*

Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно.

Меня и Лома поместили в лучшей гостинице, яхту за свой счет покрасили самой дорогой краской. Да что там яхту — белок, и тех не забыли: выписали на них документы, оформили как груз, а потом приходят и спрашивают:

— Чем прикажете кормить ваших милых животных?

А чем их кормить? Я в этом деле ничего не понимаю, никогда белок не разводил. Спросил у Лома, тот говорит:

— Точно не скажу, но, помнится, орехами и сосновыми шишками.

И вот, представляете, какая случайность: я свободно объясняюсь по-норвежски, а вот эти два слова забыл. Вертятся на языке, а вспомнить не могу. Как отшибло. Думал, думал: как быть? Ну и придумал: послал Лома вместе с норвежцами в бакалейную лавочку.

— Посмотрите, — говорю, — может быть, и найдете что подходящее.

Пошел он. Потом вернулся, доложил, что все в порядке: нашел, мол, и орехи, и шишки. Меня, признаться, несколько удивило, что в лавке торгуют шишками, но знаете, в чужой стране чего не бывает! Может, думаю, для самоваров или, там, елки украшать, мало ли для чего?

А вечером прихожу на «Беду» — посмотреть, как идет окраска, заглянул в трюм к белкам, — и что бы вы думали! Лом ошибся, но до чего же удачно ошибся!

Гляжу — сидят мои белки, как на имениях, и за обе щеки уплетают ореховую халву. Халва в банках, и на каждой, на крышке, нарисован орех. А с шишками еще лучше: вместо шишек привезли ананасы. Ну и

действительно, кто не знает, легко может спутать. Ананасы, правда, размером побольше, а в остальном похожи, и запах тот же. Лом там, в лавочке, как увидел, ткнул пальцем туда-сюда — вот оно так и получилось...

Ну, стали нас водить по театрам, по музеям, показывать различные достопримечательности. Показали, между прочим, живую лошадь. Это у них большая редкость. Ездят там на автомобилях, еще больше ходят пешком. Пахали в то время своими силами, вручную, так что лошади были им ни к чему. Каких помоложе — повывезли, постарше — так передохли, а которые остались, так те стоят в зоопарках, жуют сено и мечтают.

И если выведут лошадь на прогулку, сейчас же собирается толпа, все смотрят, кричат, нарушают уличное движение. Все равно как у нас пошел бы жираф пройтись по улице, так тоже, я думаю, старшина не знал бы, какой свет на светофоре зажигать.

Ну, а нам лошадь не в диковинку. Я даже решил удивить норвежцев: схватил ее за холку, вскочил, пришпорил каблуками.

Норвежцы ахнули, а на другое утро все газеты поместили статью о моей храбости и фотографию: мчится лошадь вскачь, и я на ней. Без седла, китель расстегнулся, трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост трубой...

После я понял: неважная фотография, недостойная моряка, но тогда сгоряча не обратил внимания и был даже доволен.

И норвежцы остались довольны.

Вообще нужно сказать, приятная эта страна. И народ там хороший, такой, знаете, тихий народ, приветливый, добродушный.

Я там, в Норвегии, не раз, конечно, и прежде бывал, и смолоду, помню, такой у меня вышел случай.

Высадились мы в одном порту, а оттуда мой путь лежал по железной дороге.

Ну-с, прихожу на станцию. Поезд не скоро. С чемоданами гулять, прямо скажем, — затруднительно и неудобно.

Разыскал я начальника станции, спрашиваю:

— Где тут у вас камера хранения?

А начальник, славный такой старичок, развел руками.

— Извините, — говорит, — специального помещения для хранения ручной клади у нас не предусмотрено. Но это ничего, вы, — говорит, — не стесняйтесь, оставьте тут ваши чемоданчики, они никому не помешают, уверяю вас...

Вот так-то. А недавно дружок мой оттуда прибыл. Многое, говорит, изменилось и в нравах и в обхождении. Ну как же, знаете: в войну немцы там побывали — новый порядок

наводили. Сейчас американцы поднимают образ жизни на должную высоту. Ну, и конечно, пообтерся народ, стал порасторопнее. Теперь уж и там понимают, что где плохо лежит. Культура!

Ну, а в то время жили там еще по старинке. Тихо жили. Но не все. Были и тогда в Норвегии люди, так сказать, передовые, вкушившие от древа познания добра и зла. Вот, допустим, владельцы крупных магазинов, заведений, фабрик там или заводов. Эти и тогда не зевали.

И меня это тоже коснулось самым, так сказать, непосредственным образом. Есть там фирма одна — производит телефоны, радиоприемники... так вот, пронюхали эти фабриканты про мой зуб и забеспокоились. Да и понятно: ведь если все станут на зуб пр啉ять, никто и приемников покупать не будет. Урон-то какой! Тут забеспокоишься. Ну, и решили недолго думая завладеть моим изобретением, да и моим зубом заодно.

Сначала, знаете, так это, по-хорошему, прислали деловое письмо с предложением продать мой дефектный зуб. А я рассудил, думаю: «С какой же стати?» Зуб еще ничего, кусать можно, а что с дуплом, так это уж, извините, мое дело. У меня вот один знакомый есть, так он даже любит, когда зубы болят.

— Конечно, — говорит, — когда болят, действительно и больно и неприятно, но зато когда пройдут, уж больно хорошо!

Да. Ну, я ответил, что не продаю зуб, и все тут... Так, думаете, они успокоились? Как бы не так! Решили выкрасить мой зуб. Появились какие-то негодяи, ходят по пятам за мной, заглядывают в рот, шепчутся... Ну и стало мне не по себе: хорошо, как один зуб, так уж и быть, а ну как для верности заберут совсем, с головой? Куда я без головы пойду плавать?

Вот я и решил уйти от греха. Запросил в порту отправления инструкции по вопросу о белках, а сам, чтобы защититься от злоумышленников, принял особые меры: взял дубовую сходню, один конец засунул под ворота пакгауза, другой под дверь кубрика и приказал Лому грузить «Беду» балластом.

Яхта осела до фальшборта, сходня согнулась, как пружина, одним только краешком держится под дверью. Я перед сном осмотрел, проверил готовность этого сооружения и спокойно улегся спать. Даже вахту не выставил: незачем. И вот, знаете, под утро пришли. Я слышу осторожные шаги, скрип двери, потом вдруг — трах! — сходня выскочила из-под двери, разогнулась...

Я выхожу — и вижу: подействовала моя катапульта, да еще как! Тут на берегу была

радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку, на мачту. Они там зацепились штанами, висят и орут на весь город.

Как уж их снимали, не могу вам сказать, не видел.

Тут как раз пришел и ответ из порта с предписанием сдать белок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека, так он скупал различных зверей.

Я вам уже имел случай докладывать о некоторых преимуществах спортивного плавания. В спортивном плавании сам себе хозяин: куда хочешь, туда и идешь. А уж если связался с грузом, тогда все равно как извозчик: вожжи в руках, а везешь — куда прикажут.

Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошел бы туда по своей охоте! Чего я там не видел! Шуцманов, что ли? Ну, и опять же, знаете, усложняется плавание, появляется всяческая коммерческая переписка, соображения сохранности груза, таможенные формальности, тем более в Гамбурге...

Да, но раз приказано, надо подчиняться. Привел в Гамбург «Беду», поставил у стенки, сам оделся почище и пошел разыскивать Гаденбека. Прихожу в зверинец. Там, знаете, и слоны, и тигры, и крокодил, и птица марабу, и белка эта самая висит тут же в клетке. Да какая еще белка, не моим чета! Мои, бездельницы, сидят в трюме, объедаются халвой, а у

этой сделана вертушка, и она там все время, как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится. Заглядишься!

Ну-с, разыскал я самого Гаденбека, представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок, живьем, по сходной цене.

Гаденбек посмотрел в потолок, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Белки, — говорит, — это такие с хвостиками и с ушками? Как же, знаю. Так у вас белки? Ну что же, я возьму. Только, знаете, у нас очень строго с контрабандой. Документы на них в порядке?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил на стол документы.

Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возьмись, хамелеон. Прыг на стол, высунул свой язычище, слизнул бумагу и был та-ков. Я за ним. Да где там!

А Гандебек сложил свои очки, развел руками.

— Без документов, — говорит, — не могу. Рад бы, да не могу. У нас насчет этого очень строго.

Я расстроился, начал было спорить. Ну, вижу, делать нечего, ушел. Подхожу к пристани, смотрю — на «Беде» что-то неладно. Толпа зевак кругом, на борту шуцманы, таможенники, портовые чиновники... Наседают

на Лома, а тот стоит в середине и кое-как отругивается.

Я протолкался, успокоил их и разузнал, в чем дело. А дело приняло самый неожиданный и неприятный оборот. Гаденбек, оказывается, уже позвонил в таможню, а там подобрали статью, обвинили меня в незаконном ввозе скота и грозят отобрать судно вместе с грузом...

А мне и возразить нечего: действительно, документы утрачены, специального разрешения на ввоз белок я не получал. Если правду сказать, кто же поверит? Доказательств нет никаких, а смолчать — еще хуже.

Словом, вижу — дело дрянь.

«Эх, — думаю, — куда ни шло! Вы так, и я так!»

Одернул китель, выпрямился во весь рост и самому главному чиновнику заявляю:

— Требования ваши, господа чиновники, необоснованы, поскольку в международных морских законах прямо предусмотрен пункт, согласно которому непременные принадлежности судна, как-то: якоря, шлюпки, разгрузочные и спасательные приспособления, средства связи, сигнальные устройства, топливо и ходовые машины в количестве, необходимом для безопасного плавания, — никакими портовыми сборами не облагаются и специальному оформлению не подлежат.

— Совершенно с вами согласен, — отвечает тот, — но не откажитесь объяснить, капитан, к какой категории названных предметов относите вы своих животных?

Я было стал в тупик, но, вижу, отступать уже поздно.

— К последней, господин чиновник: к категории ходовых машин, — ответил я и повернулся на каблуках.

Чиновники сначала опешили, потом пошептались между собой, и опять главный выступил вперед.

— Мы, — говорит, — охотно откажемся от наших законных претензий, если вы сумеете доказать, что имеющийся на борту вашего судна скот действительно служит вам ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь нелегко. Где там доказывать — время оттянуть бы!

— Видите ли, — говорю я, — ответственные части двигателя находятся на берегу, в ремонте, а завтра, извольте, представлю вам доказательства.

Ну, ушли они. Но тут же, рядом с «Бедой», смотрю, поставили полицейский катер под парами, чтобы я не удрал под шумок. А я, понимаете, забился в каюту, вспомнил ту белку, что у Гаденбека, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу и заказали ему два колеса, как у парохода, а третье вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку. Кузнец попался расторопный, понятливый. Сделал все к сроку.

На другой день, с утра, привезли все это хозяйство на «Беду», пароходные колеса пристроили по бортам, мельничное посередине, соединили все три колеса общим валом и запустили белок.

Грызуны, знаете, ошалели от света, от свежего воздуха, понеслись как бешеные одна за одной по ступенькам внутри колеса. Вся наша машина закрутилась, и «Беда» без парусов пошла так, что полицейские на своем катере насилиу за нами угнались.

Со всех кораблей на нас смотрят в бинокли, на берегу толпы народа, а мы идем, только волны разбегаются в стороны. Потом развернулись, встали назад, к причалу. Этот самый чиновник пришел, расстроился совсем. Бранится, кричит, а сделать ничего не может.

А вечером на автомобиле прикатил сам Гаденбек. Вылез из машины, встал, посмотрел, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

— Капитан Врунгель, — говорит, — это у вас белки? Как же, помню. Во сколько вы их оцениваете?

— Так, видите ли, — говорю я, — не в цене дело. Вы же знаете, документы на них утрачены.

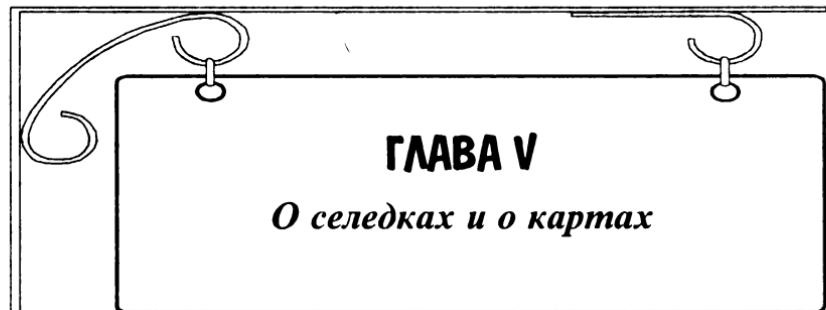
— Э, полно, — возражает он, — не тревожьтесь, капитан, вы не мальчик, должны понимать — у нас с этим делом просто. Вы цену скажите...

Ну, я назвал хорошую цену; он поморщился, но, не торгаясь, тут же расплатился, забрал белок вместе с колесами, а напоследок спрашивает:

— Чем вы их кормите?

— Халвой и ананасами, — ответил я и распрощался.

Не понравился мне этот Гаденбек. Да и Гамбург вообще не понравился.

ГЛАВА V

О селедках и о картах

В Голландию я совсем не хотел заходить. Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи:

голландская сажа, голландский сыр и голландские селедки.

Меня как моряка, понятно, заинтересовало это последнее, и я решил завернуть в Роттердам, познакомиться с селедочным делом.

У них там оно поставлено на широкую ногу. Там селедок ловят, солят, маринуют, и свежую селедку морозят, и живую селедку можете купить и посадить в аквариум.

И вот что в этом деле особенно поразительно: голландцы, видимо, знают какой-то секрет. Иначе как же вы объясните такую несправедливость: вот шотландцы, например, пробовали ловить.

Закинули сети, подняли — полно селедок. Ну, и обрадовались, понятно, но когда разобрались хорошенько, разглядели, распроверили, обнаружилось, что селедки-то попались все как есть шотландские.

Норвежцы тоже пытались. Норвежцы — прославленные, первоклассные рыбаки, но на этот раз и у них ничего не вышло. Тоже забросили сети, подняли, посмотрели — есть селедка, да только все сплошь норвежская.

А голландцы ловят и ловят уж который год, и им все попадается голландская селедка различных сортов. Ну, и конечно, они этим пользуются: продают свои селедки направо и налево — и в Южную Африку и в Северную Америку...

Я углубился в изучение этого вопроса, и тут мне совершенно неожиданно удалось сделать одно важное открытие, которое коренным образом изменило первоначальный план моего похода. После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селедка — рыба, но не каждая рыба — селедка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем тратить огромные средства, незачем набивать селедок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова, где это понадобится. Не проще ли согнать селедок в табун или в стадо, — как хотите назовите, — и гнать живьем до места назначения?

Раз каждая селедка — рыба, значит, утнуть она не может. Ведь рыбам свойственно плавать, не так ли? А с другой стороны, если прибьется какая посторонняя рыбина, так ведь не каждая рыба — селедка. Ее, значит, ничего не стоит обнаружить, отличить, отогнать, напугать, уничтожить, наконец.

И там, где при старом способе перевозки нужен был огромный грузовой пароход с большой командой, со сложными механизмами, при новой системе может справиться любое суденышко не больше моей «Беды».

Это теория, так сказать. Но теория заманчивая, и я решил на практике проверить свои

соображения. А тут как раз и случай представился: в Северную Африку, в Александрию, отправляли партию селедок. Их уже поймали, собирались солить, но я приостановил это дело. Селедок выпустили, согнали в табун, мы с Ломом подняли паруса и пошли. Лом встал в руль, а я уселся на самый нос, на бушприт, взял длинный хлыст, и как только замечу какую постороннюю рыбину, я ее по губам, по губам!

И, знаете, прекрасно получилось: идут наши селедки, не тонут, резво идут. Мы за ними едва поспеваем. И посторонняя рыба не лежит. День так прошли — ничего. А к ночи я чувствую — тяжело: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Один с селедками занят, другой в руле только успевай поворачивайся. Ну хорошо бы день, два, уж как-нибудь постарались бы, а то путь далекий, впереди океан, тропические широты... Словом, чувствую, не справимся, все дело провалим.

Ну, я рассудил и решил взять на судно еще одного человека — матроса. И как раз, знаете, место удобное: в то время мы уже вошли в Английский канал, тут Франция под боком, порт Кале, а в Кале всегда полно безработных моряков. Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. Я недолго думая подошел поближе

к берегу, «Беду» положил в дрейф, вызвал лоцманский катер и откомандировал Лома на берег за матросом.

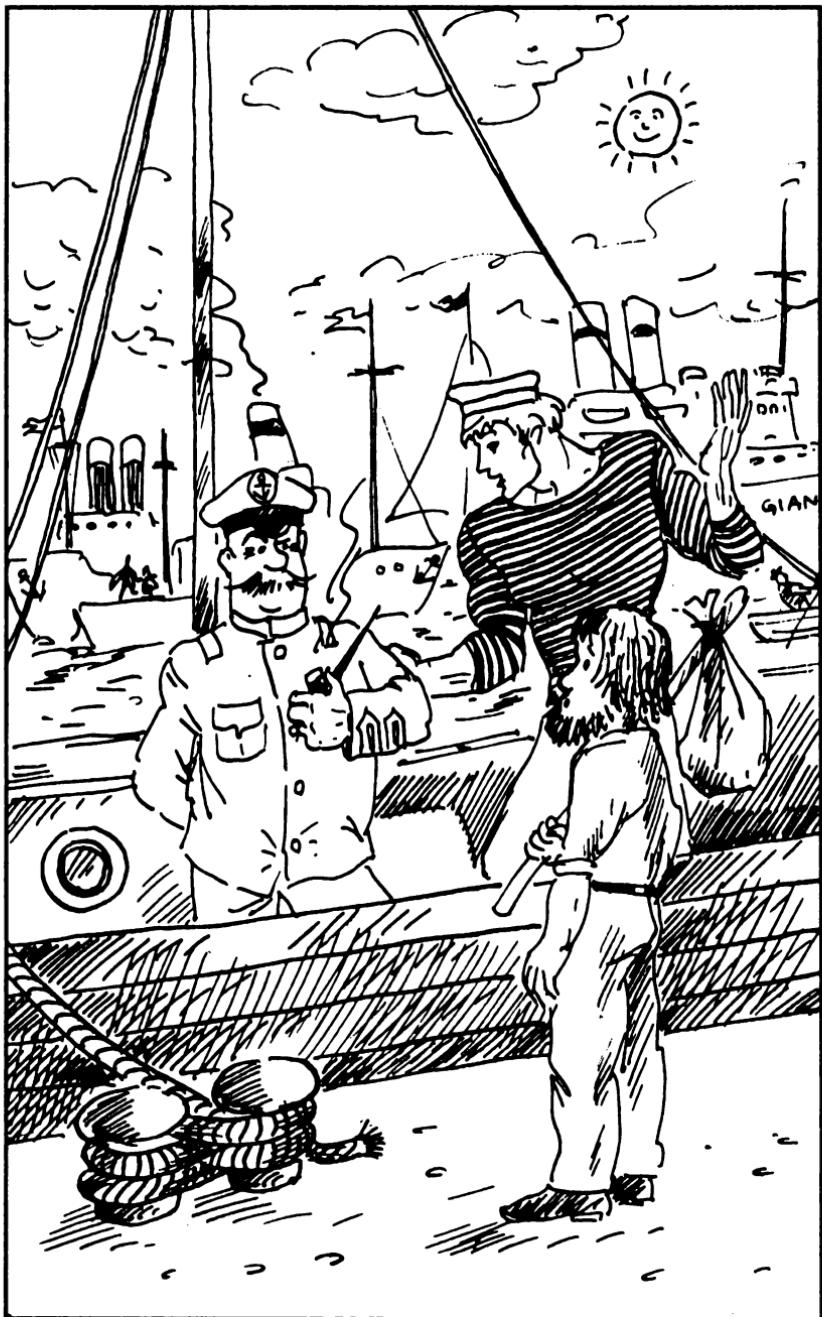
Тут, конечно, я допустил ошибку: набор команды — дело серьезное, ответственное. Лом, конечно, парень старательный, но молод, опыта нет. Нужно бы самому этим заняться, но, с другой стороны, и тут, на борту, тоже, знаете, ушами хлопать некогда. Ведь как-никак перегонка селедок живьем — дело новое. И как во всяком новом деле, есть тут свои трудности. Нужен глаз да глаз. Уйдешь, недоглядишь, а тут весь табун разбежится. А тогда с убытками не рассчитаешься, опозоришься на весь мир, а главное, загубишь это прекрасное и полезное начинание.

Ведь знаете, как это бывает: не выйдет с первого раза, а в другой и не доверит никто, и попробовать не дадут.

Да. Ну ладно. Отправил я Лома в Кале, выставил кресло на палубу, лежу. Одним глазом читаю, другим поглядываю на селедок. Пасутся рыбки, резвятся, сверкают на солнце чешуйками.

А к вечеру возвращается Лом и привозит с собой матроса.

Я смотрю — на вид парень ничего. Не очень молодой, но и не очень старый; ростом, правда, маловат, но по глазам видно — шустрой, и борода у него, как у морского

разбойника. Только те, по слухам, все больше рыжие, а этот типичный брюнет. Грамотный, некурящий, одет чисто, знает четыре языка — английский, немецкий, французский и русский. Это Лома особенно прельстило: он к тому времени, грешным делом, стал уже забывать английскую речь. Фамилия у нового матроса несколько странная — Фукс, но, знаете, фамилия — дело наживное, а мне еще Лом на ушко шепнул, что Фукс этот — клад, а не матрос: прекрасно разбирается в картах.

Тут уж я совсем успокоился: раз в картах разбирается — значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, и вахту при случае может нести самостоятельно.

Словом, я согласился. Записал Фукса в судовую роль, объяснил обязанности, приказал Лому отвести ему место в трюме. Ну, потом подняли паруса, развернулись и пошли дальше.

И, знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер все время дул в корму, чистый фордевинд. А тут задул прямо в нос — «вмордувинд», как говорится. В другое время я, может быть, поберег бы силы, остался бы в дрейфе или якорь бросил, но тут, сами понимаете: селедки. Им-то ветер ни почем, идут как ни в чем не бывало полным ходом, и нам, значит, нельзя отставать. Ну

и пришлось идти в лавировку, зигзагами. Я высвистал всех наверх. Лома поставил пасти селедок, сам встал у штурвала, набрал ходу и скомандовал:

— К повороту приготовиться!

Смотрю — этот Фукс стоит, как свечка, руки в карманах, с интересом смотрит на паруса.

Ну, тут уж я прямо к нему обратился.

— Фукс, — кричу, — набивайте грат!

Он встрепенулся, посмотрел этак растерянно — и давай все подряд запихивать в кубрик: спасательные круги, запасной трос, фонари. Поворот, конечно, не вышел, прозевали...

— Отставить! — кричу я.

Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта.

Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло.

— Эй, вы, Фукс, — говорю я, — какой же вы, к черту, матрос?

— А я, — ответил он, — не матрос, я сейчас просто так, застрял на мели, а друзья мне посоветовали климат переменить...

— Позвольте, — перебил я, — а как же мне Лом говорил, что вы в картах умеете разбираться?

— О, это сколько угодно, — отвечает он. — Карты — это моя специальность, карты — это мой хлеб, только не морские, а, простите,

игральные карты. Я, если хотите знать, карточный шулер по профессии.

Я так и сел.

Ну, посудите сами, что мне с ним делать?

Списывать на берег — это еще сутки потерять. Ветер крепчает — того и гляди, поднимется шторм, тут селедки разбегутся. А с другой стороны, возить с собой этого шулера балластом — тоже неинтересно: он не только морской команды, но ни одной снасти не знает. Я было растерялся.

Но тут мне пришла блестящая мысль. Я, знаете, люблю иногда разложить пасьянс на досуге, и у меня нашлась на судне колода карт. Так я на каждую счастье привязал поскорее по карте, привел яхту к ветру и повторил маневр.

— К повороту приготовиться! Развязать тройку пик, подтянуть валета червей, смотать десятку треф...

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разбирался, что в темноте другой раз и по масти не путал.

Вот так и пошли дальше. Идем, лавирем. Ветер крепчает. Так бы оно ничего, но селедки меня беспокоят. Кто их знает, как они переносят погоду? А мне не к спеху, груз не срочный, так зачем рисковать? Я решил отстояться в порту.

ГЛАВА VI,

*которая начинается
недоразумением, а кончается
неожиданным купанием*

Близ острова Уайт я свернул направо и пошел в Саутгемптон, в Англию. Бросил якорь на рейде, Лома оставил сторожить селедок, а мы с Фуксом сели на ялик и причалили к берегу. В прекрасном местечке высадились: трава подстрижена под гребеночку, дорожки посыпаны песком, и всюду такие красивые загородочки и надписи: «Здесь неходить, усадьба Арчибалльда Денди».

Только мы высадились, не успели шагу шагнуть, нас окружили джентльмены во фраках, в котелках, в белых галстуках. Не то мистер Денди со своим семейством, не то министр иностранных дел со свитой, не то агенты тайной полиции — по костюму не разберешь. Ну, подошли поближе, поздоровались, разговорились, и знаете, что оказалось? Оказалось, что это у них нищие. В Англии так просто попрошайничать строжайше запрещено

законом, а во фраке — пожалуйста. Если кто и подаст, считается, что нищих нет, а просто помог джентльмен джентльмену.

Ну, я раздал им кое-какую мелочь, иду дальше. Вдруг навстречу — еще один. Длинный, точно версту проглотил. Поравнялись. Он обнажает голову, раскланивается самым церемонным манером. Ну, я, понятно, пошарил в кармане, выудил две копейки и прямо ему в цилиндр. Я ждал благодарности, а он, представьте себе, вспыхнул, фыркнул, вставил в глаз монокль и очень внушительно произнес:

— Арчибалд Денди, эсквайр. С кем имею честь?

— Капитан дальнего плавания Христофор Врунгель, — представился я.

— Очень приятно, — говорит он. — Защищайтесь, капитан!

Я было стал извиняться, да где там! Вижу — поздно. Какие уж тут извинения! Он поставил цилиндр на травку, сбросил фрак... Ну, и я, знаете, решил постоять за себя: скинул китель, занял боевую позицию. Фукс тоже не растерялся, взял на себя роль судьи, отошел чуть в сторонку и во все горло крикнул:

— Секунданты, аут! Гонг!

Мистер Денди запрыгал, запыхтел, завертел кулаками. Похоже, как, знаете, мальчишки в паровоз играют. Ринулся на меня. Пришлось и мне поработать кулаками.

Я не люблю давать волю рукам, но тут бокс, благородная схватка, — я размахнулся... и едва успел задержать удар.

Вижу — скверная штука: при разности пропорций наших фигур я, куда бы ни метил, все равно попаду ниже пояса. А это, знаете, не по правилам. Он же, напротив, лупит воздух у меня над фуражкой. И тоже все впускаю. Первый раунд так и окончился без результата.

Но решать бой все равно как-то нужно было, и тут нас выручил Фукс.

— Пожалуйте, капитан, — говорит он и подставляет плечи.

Я вскочил на него верхом и вижу — совсем другое дело. Я теперь на уровне противника, так сказать, и могу вступить в бой на законных основаниях. Фукс подо мной прыгает, рвется в бой. Ну, я вижу, пора действовать.

— Давайте, Фукс! — говорю.

Ему, видимо, было нелегко, но он бодро прохрипел:

— Гонг!

И мы начали снова...

Мистер Денди дрался блестяще. Я получил жестокий удар в переносицу, но тут вспомнил молодость, пришпорил Фукса, перешел в инфайтинг и нанес противнику сокрушительный апперкот.

Он замер на секунду, закрыл глаза, опустил руки по швам и вдруг рухнул, как мачта. Фукс достал у него из жилетного кармана часы и стал громко отсчитывать секунды. Минут через сорок мистер Денди очнулся. Потер скулу, удивленно посмотрел по сторонам, заметил нас с Фуксом, вскочил и стал приводить в порядок одежду.

Я вторично представился, извинился, объяснил причину недоразумения. Ну, и, знаете, помирились. Познакомились. Пожали друг другу руки, разговорились, подружились даже. Потом осмотрели его усадьбу, зашли домой, выпили по чашке чаю, посидели у камина и отправились ко мне на «Беду».

Мистер Денди осмотрел мою яхту, пришел в восторг и принял считать по пальцам:

— Сегодня четверг... значит, завтра пятница, послезавтра суббота... Мистер Врунгель, — воскликнул он неожиданно, — вас послало само провидение! В воскресенье большие национальные гонки. Вы должны их выиграть. Я сам пойду с вами, и на этот раз мистер Болдуин будет посрамлен.

Я, сказать по правде, не сразу понял, о чем идет речь, но мистер Денди мне все разъяснил. У него там, оказывается, есть сосед, мистер Болдуин. И вот они с этим Болдуином во всем соревнуются: кто знатнее, у кого галстук красивее завязан, у кого трубка лучше...

Но это все так, между прочим, а главный-то спор идет у них о яхтах. Оба, оказывается, заядлые парусники, и как гонки — все готовы отдать, только бы утереть нос друг другу.

Ну, и, знаете, этот Денди взглянул на мою «Беду» глазом знатока, оценил ее качества и понял, что с таким судном в любых гонках, при любой погоде победа обеспечена. Да-с!

В общем, уговаривает он меня принять участие.

— Пойдемте, — говорит. — Гонки интересные, судно у вас превосходное, и, поверьте слову джентльмена, вы возьмете большой королевский приз и малый приз адмирала Нельсона.

Я за призами не очень гоняюсь, но так, в гонках, почему же не выступить? Судно прекрасное, команда надежная, ну, да и я не первый раз за рулем. Шансы есть...

Я было уже и согласился, да тут вспомнил: селедки... Их-то куда девать? Ну, объяснил мистеру Денди, что не могу распорядиться судном, что связан селедками по рукам и по ногам. Он сперва расстроился, но потом обещал и это уладить. И, представьте, уладил действительно. В этот же день я получил разрешение и ввел весь табун в портсмутский адмиралтейский док.

Потом мы подготовили яхту: борта смазали салом, убрали все лишнее, как перед боем,

обтянули такелаж. А утром в день гонок мистер Денди пришел на «Беду» в белом кителе, с трубкой в зубах. Он приказал погрузить на «Беду» два ящика сода-виски, на случай неожиданного поражения, вставил в глаз монокль, закурил и уселся на корме.

Ну, знаете, как это всегда на гонках: мачты, паруса, вымпела, на берегу зрители. Обстановка волнующая. Я уж на что спокойный человек, а тоже немножко нервничаю. Вышли на старт. Ждем сигнала. Пошли! Паруса наполнились ветром, яхты понеслись. И должен вам без хвастовства сказать: старт я взял блестяще. Всех оставил позади. Иду, расекаю воду, предвкушаю победу.

Почти всю дистанцию так и прошел лидером. Но у самого финиша мы сплоховали: не рассчитали немножко, зашли под бережок, попали в полосу безветрия, застилиели. Паруса обвисли, болтаются, некрасиво так, хоть ноздрей поддувай. Лом мачту скребет, зазывает ветер, Фукс свистит с той же целью, но это все, знаете, предрассудки, ерунда. Не верю я в это. А «Беда» стоит, конкуренты подпирают, и впереди — мистер Болдуин на своей посудине.

Мистер Денди посмотрел на корму и загрустил: выругался, сорвал крышку с ящика, извлек бутылку — и хлоп в донышко! Пробка вылетела, как из пушки. При этом «Беда»

получила такой толчок, что заметно продвинулась вперед.

А я, даром что был расстроен, учел это и сделал должные выводы. Пока мистер Денди заливал свое горе, я вспомнил старую нашу пословицу. Знаете, говорят: «Нет плохих судов, нет плохих ветров, есть плохие капитаны».

Но меня-то уж никак нельзя причислить к этому последнему разряду. Не хвастаясь скажу — я капитан хороший. Эх, думаю, была не была. Объяснил задачу, дал команду...

Мы все трое встали на корме и одну за другой принялись вышибать пробки.

Тут и мистер Денди несколько оживился. Достал из кармана платочек, принялся командовать. И, знаете, с командой пошло еще лучше.

— Кормовая башня, огонь! — кричит он.

Три пробки залпом вылетают с громоподобным звуком, падают в море подбитые чайки, содовая льется, вода за кормой кипит. Мистер Денди машет платком все чаще, все громче кричит:

— Кормовая, огонь! Огонь!

Прямо Трафальгарская битва. Куда там...

А «Беда» между тем движется вперед по ракетному принципу, набирает ход.

Вот уже и мысок позади, паруса взяли ветер, снасти обтянулись, зазвенели.

И вот мы вновь отвоевываем у скользнувшую было победу, одного за другим обходим всех конкурентов. На берегу болельщики волнуются, кричат. Вот один Болдуин впереди... Вот сравнялись, обошли на полноса, на корпус... Тут оркестр на берегу ударил туш, мистер Денди улыбнулся, скомандовал:

— Кормовая башня, салют! — и слег пластом.

На другой день только и разговоров было, что о нашей победе. В газетах заголовки на всю страницу, подробные описания гонки. Откуда-то у нас появились друзья, пришли с поздравлениями. Но мы не только друзей, мы и врагов нажили с этой победой.

Мистер Болдуин постарался, и пошел, знаете, шепоток, разговорчики, начались интриги. И в конце концов разыгрался настоящий скандал. Однако скандал этот готовился втайне, и мы, ничего не подозревая, пошли получать призы.

Обстановка была самая торжественная. Королевский яхт-клуб в полном составе собрался в здании старинной таможни, в весовом зале.

Там особо почетным считается, когда призы весят больше призера. Мне тоже предложили встать на весы, но я столько призов набрал, что решил взвешивать сразу всю команду. Так и встали по росту: мистер Денди,

Лом, я и Фукс. А на другой чашке расставили целый посудохозяйственный магазин: золотые ушаты, вазы, кубки, стаканы, рюмочки. Потом подсыпали медалей, жетонов, каких-то безделушек. И вот в тот момент, когда чашки весов уравновесились, председатель яхт-клуба стал произносить торжественный спич. Что уж он говорил, не припомню сейчас, но слова были самые теплые и содержание достойное: «Бескровная победа... лучшие из лучших... пример для молодежи...»

Я расчувствовался, чуть слезу не пустил.

Но не успел председатель закончить, как поднялся мистер Болдуин.

— А известно ли уважаемому лорду председателю, что призер, капитан Врунгель, в нарушение неписаной традиции нашего клуба, в морском мундире гарцевал на коне? — спросил он и пустил по рукам норвежскую газету с моей фотографией, где я на лошади.

Фотография, как я уже говорил, действительно не вполне приличная для моряка, и я не удивился, когда в зале поднялся ропот. Но гонку-то я все-таки выиграл, а победителей, как говорится, не судят. В этом смысле и председатель ответил. Шум утих. Я уже думал, что все обойдется, но не тут-то было. Не обошлось... Этот Болдуин опять взял слово.

— А известно ли лорду председателю, — продолжал он, — что указанный мистер

Врунгель перехватил груз селедок, адресованный в английские колонии, и что предложенный мистером Врунгелем способ перевозки рыбы наносит ущерб судовладельцам — подданным его величества английского короля?

Это, знаете, был козырь посильнее фотографии. Традиции традициями, мундир мундиром — это все, конечно, очень почитается в Англии, но торговые интересы ставятся там несравненно выше. И нет ничего удивительного, что шум в зале усилился. Уже трудно было различать отдельные голоса и реплики, но мистер Болдуин и тут не успокоился. Он возвысил голос и продолжал:

— А известно ли лорду председателю, что указанные селедки, которые, как было установлено, наносят ущерб английским судовладельцам, по протекции Арчибалда Денди, эсквайра, и при его прямом содействии отстаиваются в адмиралтейских доках его величества? Известно ли, наконец, что указанный Денди, эсквайр, предав забвению долг и честь британца, вступил на путь порока и преступления, пошел против Бога и короля и с недавних пор является тайным агентом Москвы?..

Ну, знаете, точно бомба взорвалась в таможне. В зале поднялась паника. Одни свистели, другие аплодировали, потом все повскакали с мест, разделились на партии и пошли на сближение с самым угрожающим видом.

Тогда и мистер Денди не выдержал. Спрыгнул с весов и с громким криком налетел на мистера Болдуина. Тут началась всеобщая потасовка. Несдобровать бы и нам, но спасли призы. Недаром мы их зарабатывали!

Как только мистер Денди спрыгнул, наша чашка взвилась под самые стропила, и мы оттуда, как из ложи, наблюдали побоище.

А побоище, доложу вам, получилось изрядное. Кругом пыль столбом, треск добротных английских лбов, хруст старинной английской мебели...

Джентльмены разошлись, бьют друг друга по чем попало, весь зал усыпан выбитыми зубами, манжетами, воротничками. Бойцы падают один за другим. Страшное было зрелище!

Вскоре, однако, толпы бойцов поредели, битва утихла, мы спустились по грудам бездыханных тел и направились к выходу. В этот миг мистер Болдуин шевельнулся, тяжко вздохнул.

— А известно ли... — прохрипел он сердито.

Тогда и председатель очнулся, приподнялся на локтях, позвонил в колокольчик.

— Нет, не известно, ничего не известно! — смиренно произнес он и рухнул замертво.

Снова стало тихо. Мы вышли, вздохнули полной грудью, осмотрелись кругом и побежали на «Беду».

А там подняли якорь, поставили паруса и полным ходом пошли в Портсмут — выручать наш табун.

К счастью, в доки еще не пришла весть о последних событиях. Нам открыли порты, выпустили селедок и даже пожелали счастливого плавания. Ну, мы пошли не спеша, а через час на горизонте открылся остров Уайт. Мы обошли его, согнали селедок поплотнее и, стоя на правом борту, долго смотрели, как тают в тумане низкие берега Англии.

Я еще не успокоился после пережитых волнений. Лом стоял грустный — что-то он заскучал на берегу. Один Фукс был доволен.

Этот успел-таки схватить с весов золотую цепочку с якорем на конце и теперь разглядывал ее, разыскивая пробу.

Скоро, однако, и Фукс расстроился.

— В нашем деле за это бьют подсвечниками, — неожиданно сказал он, плунул за борт и протянул мне цепочку.

Я осмотрел ее и обнаружил причину его недовольства: на цепочке, на крайнем звене, совершенно четко было выбито: «Завод искусственных драгоценностей «Алхимик». Сделано в Англии».

— Ну что ж, отличная работа и марка-solidная, — сказал я, возвращая Фуксу цепочку.

В то же мгновение парус хлопнул у меня за спиной, и не успел я обернуться, как

оказался за бортом. Ослепленный водой, я беспорядочно замахал руками и неожиданно ухватился за что-то твердое.

Открыл глаза, вижу — нога, а впереди голова Лома, и Лом тоже держится за ногу, а впереди Фукс. Этот держится за свою цепочку, а цепочка держится за борт «Беды»: зацепилась якорем.

Понимаете, какое положение! Яхта идет полным ходом, а мы трое за бортом! Размечтались, бросили руль, а тут перекинуло парус и сбило весь экипаж.

Хорошо еще — эта цепочка: даром, что фальшивая, а без нее яхта ушла бы одна, с селедками.

Ну, я сразу оценил обстановку и по возможности громко скомандовал:

- Так держать, да покрепче!
- Есть так держать! — ответил Лом.
- Есть так держать! — подхватил Фукс.

А я не торопясь подтянулся поближе, по Лому, потом по Фуксу, потом по цепочке — и на «Беду». Потом так же Лом, потом так же Фукс...

На палубе я снова осмотрел цепочку и, представьте, — поразился даже! — ни одно колечко не растянулось. Прочно делают!

- Берегите ее, Фукс, — сказал я.

Потом выдал экипажу по чарке водки для согревания, назначил вахты, а сам еще постоял

на борту, посмотрел на горизонт, вспомнил грустные события последних дней.

— Прощай, добрая Англия, старая Англия! — сказал я, а про себя подумал: «Культура!»

Постоял еще, выкурил трубку и пошел спать.

А утром, чем свет, Лом пришел будить меня на вахту и доложил, что «Беда» вышла в Атлантический океан.

ГЛАВА VII

*О методах астрономических
определений, о военной хитрости
и двух значениях слова «фараон»*

В Атлантическом океане у нас было одно незначительное событие, о котором, собственно, и рассказывать не стоило бы. Но для сохранения истины я и о нем не скрою.

Вы знаете, конечно, что в открытом море, вдали от видимых берегов, судоводитель определяет свой путь по небесным светилам и по хронометру. Светила — это Солнце, Луна,

планеты и неподвижные звезды. Они нам даны, так сказать, самой природой. Ну, а хронометр — это другое дело. Хронометр — это плод упорных трудов многих поколений человечества, и, как показывает само название, служит он для измерения времени.

Сложное это дело — измерение времени. Вон на Западе, в той же Англии к примеру, до сих пор еще академики спорят: есть оно, время-то, или нет его совсем, а только кажется, что есть. А если нет, то и измерять вроде нечего, да и не к чему. А по-моему, тут дело ясное: раз на такие споры хватает времени, значит, есть оно, и даже в избытке. А вот насчет измерения — согласен, трудный это вопрос. И не сразу, конечно, достигли тут должного совершенства.

В былые годы для этой цели пользовались песочными склянками. Затем появились ходики, будильники, карманные часы.

По будильникам в наше время не плавают — считают, что это не точно, а по-моему, на худой конец и будильник сойдет.

Вон мой тезка Колумб совсем без часов плавал, однако открыл Америку.

Ну, ходики, я согласен, на судне употреблять неудобно: там, знаете, нужно подвешивать к гирям подковы, кирпичи, утюги... А ну, как штурм поднимется? Тут к ним и не подступишься. А будильник... отчего же?

Но раз уж не принято по будильникам плавать — ничего не поделаешь. И я, когда готовил поход, специально приобрел прекрасный ручной хронометр.

Приобрел и положил в каюте. Пользоваться им не приходилось: шли все время вблизи берегов. А тут хочешь не хочешь — надо определяться. Ну, спускаюсь в каюту, достаю свой хронометр и обнаруживаю странную перемену в его характере: был прибор, как я говорил, ручной, а тут, знаете, полежал без присмотра, без ухода и одичал совершенно, черт знает что показывает: солнце всходит, а на нем полдень, солнце на полдень, а на нем шесть часов... Уж я его и стучал, и тряс, и крутил — ничего не помогло.

Вижу, скверное положение: идем, куда — неизвестно. Так, знаете, и заблудиться недолго.

Но тут спасение пришло само собой и пришло оттуда, откуда я его совершенно не ждал.

Мы, когда были в Англии, хорошенько запаслись продовольствием. Взяли сухих продуктов, консервы, живность. Между прочим, был у нас ящик кур из Гринича.

Да. Ну конечно, в пути мы их поели, и к тому времени в ящике только и оставалось два молодых петушка — черный и белый.

И вот я стою с секстантом в руках, размышляю о методах астрономических наблю-

дений, — вдруг, понимаете, оба мои петушка хором:

— Кукареку!..

Я моментально сделал наблюдения; ну, а дальше уж нетрудно сообразить: раз гриничские петушки запели, значит, сейчас в Гриниче рассвет, солнце всходит. Вот вам и точное время. А зная время, и определиться нетрудно. Да-с.

Я, однако, сделал и проверку: вечером снова вышел с секстантом, и ровно в полночь по Гриничу мои петушки опять дуэтом:

— Кукареку!

Так можно бы и дальше по петушкам плавать, но тут я еще и другой способ нашел.

Замечательный способ! Я даже думаю как-нибудь на досуге диссертацию написать на эту тему и обогатить таким образом науку.

Вкратце способ мой сводится к следующему: вы берете часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, все равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблат. Причем вовсе не обязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придется, но это, знаете, и ни к чему, излишняя

роскошь; зато два раза в сутки — в полдень и в полночь — ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

Вот таким образом я вновь приучил свой хронометр и как раз вовремя.

Запасы у нас совсем истощились, консервы надоели, и нужно было подумать не об определении места судна, а об определении на жаркое наших петушков.

Но тут новая неприятность: встал вопрос о том, с которого начинать. Уж очень, знаете, дружные были петушки. Черного зажарить — белый скучать будет, белого зажарить — черный заскучет...

Я размышлял над решением этой проблемы, серьезно размышлял, но так и не пришел к должным выводам. Ну, думаю: «Ум хорошо, а два лучше». Создал комиссию: я и Фукс.

Снова со всех сторон обсудили этот вопрос, но тоже, знаете, безрезультатно. Так и не смогли найти конструктивного решения. Пришлось расширить комиссию. Кооптировали Лома. Назначили заседание. Я изложил сущность дела, познакомил собрание с историей вопроса, поднял, так сказать, материал... И не зря. Лом неожиданно такую трезвость взглядов и находчивость проявил в этом деле, что сразу все, как говорится, встало на свои места.

Он и минуты не думал. Так, знаете, не колеблясь, прямо и говорит:

— Режьте черного.

— Позвольте, — говорим мы, — ведь белый скучать будет!

— А черт с ним, пусть скучает! — возражает Лом. — Нам-то какое дело?

И, знаете, пришлось согласиться. Так и сделали. И, должен прямо сказать, Лом не ошибся. Петушок оказался прекрасный, жирный, мягкий — мы просто пальчики облизывали, пока его ели. Впрочем, и второй был не хуже.

Вот так, знаете, благополучно, не торопясь мы обогнули Бретань и вступили в Бискайский залив.

Бискайский залив, как известно, прославился бурями, и недаром.

Не скрою, я испытывал некоторую тревогу, пересекая его, но мне повезло в тот раз. Прошел, как по зеркалу, и дальше все было благополучно до тех пор, пока мы не вошли в Гибралтар. Но тут, в Гибралтаре, попали в историю. Идем не спеша, гоним селедок, любуемся видами неприступных гор. С английской крепости, как полагается, нас запросили:

— Уот шип? Что за корабль?

Ну, я ответил:

— Яхта «Беда», капитан Врунгель.

Продвигаюсь дальше, и тут на пороге Средиземного моря началось: что-то свистнуло,

ухнуло. Я вижу — в парусе дырка в полметра, кругом огонь, вода с грохотом вздымается в небо, а справа, наперерез нам, несется эскадра. Ну, я сразу понял: пираты неизвестной национальности.

Вот, я вижу, вы улыбаетесь. А зря, молодой человек. Вы думаете, что только в ста-ринных романах пираты остались? Ошибаетесь, дорогой. Пиратов и сейчас хватает на свете. Только в былые-то годы, лет двести назад, пираты, когда на дело шли, свой флаг поднимали. А в наши дни флаги пиратские припрятали в сундуки, а приемы пиратские из всех сундуков повытащили. Вон, суньтеська на восток, к Тайваню — того и гляди, попадете пиратам в лапы. Ну, а в то время на Западе та же была картина. Сейчас чанкайшисты в Тихом океане шкодят, а в то время франкисты в Средиземном море бесчинствовали, а на поверху и те и те одним миром мазаны. Да и цена им одна — доллар за пару. А где доллар вмешался — там добра не жди.

Словом, я вижу, положение трудное: бой принимать нельзя. При встрече с превосходными силами противника морская тактика рекомендует уйти с линии баталии.

А куда уйдешь? Ветер слабый, и парус с дырой, работает в пол силы...

Тут, знаете, выход один: применять военную хитрость.

— Закуривай, ребята! — крикнул я бодрым голосом и достал свой кисет.

Экипаж у меня некурящий, но тут, в напряженной обстановке боя, Лом и Фукс не посмели ослушаться — свернули козы ножки и принялись дымить.

Я тоже раздул свое кадило, и, не прошло трех минут, дымовая завеса плотной стеной скрыла нас от глаз противника.

Согласитесь: ловко придумано! Но это еще не все.

Это, батенька, только начало.

Ну, скрылись — хорошо. Но ведь завесуто нашу все равно сдует ветром. Что тогда делать? Я, знаете, подумал и решился.

— Паруса долой, экипажу укрыться в жилых помещениях! — скомандовал я.

Лом с Фуксом забрались в каюту, задраили все люки, наскоро, кое-как законопатили щели, а я собрал весь груз потяжелее, связал и на блоке поднял на мачту. Центр тяжести, понятно, переместился кверху, груз перевесил, судно потеряло остойчивость, завалилось на левый борт, и «Беда» опрокинулась кверху дном.

Я, конечно, оказался в воде, но сейчас же вылез, лег на корме и жду. Тут нашу завесу снесло, и пиратская эскадра в полном составе обнаружилась на расстоянии ста саженей.

Наступил, так сказать, решительный момент боя. «Ну — думаю, — пан или пропал».

Выставил над килем свою трубку, а сам гляжу одним глазом. И вот вижу: с флагманского судна эскадры нас заметили, семафорят открытым текстом:

«Метким огнем нашей артиллерии противник уничтожен. Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действий флота обнаружена бригада подводных лодок новейшей конструкции. Адмирал дон Канальо».

Едва там разобрали сигнал, пиратские корабли бросились врассыпную, как цыплята от коршуна. Да и понятно, знаете: «Беда» даже в столь неестественном состоянии сохранила весьма внушительный вид.

Ну, а тогда я нырнул, отцепил груз от мачты; яхта вторично сделала поворот оверкиль и вернулась в нормальное положение. Лом с Фуксом вылезли. Спрашивают:

— Ну как?

— Да вот, — говорю, — глядите сами.

А, собственно, и глядеть-то уже нечего было: только дымок на горизонте. Я посмотрел в бинокль им вслед и пошел переодеваться.

Ну, а потом подправили паруса, привели в порядок судно, произвели уборочку и занялись селедками. И как раз вовремя занялись. Пока тут была стрельба, шум, некоторые отдельные селедки проявили недостойное легкомысление: отбились от табуна и удалились в неизвестном направлении. А с другой

стороны, воспользовавшись нашим вынужденным бездействием, к табуну пристало столько посторонней рыбы различных пород, что я сперва даже растерялся: тут и макрель, и сардинки, и бычки, и хамса, — так, знаете, и опозориться недолго. Ну кто же мне в другой раз доверит фрахт, если я принял груз голландской сельди первого сорта, и сдаю какуюто кашу, третий сорт, неразбор!.. Да. Ну, я поработал часок-другой хлыстом, руки, правда, отмахал, но зато разогнал всю эту постороннюю публику, восстановил некоторый порядок во вверенном мне табуне и повел «Беду» прямым курсом в Египет, в порт назначения. Вот так.

Ну, пошли.

На этот раз без происшествий, ровно через два дня благополучно прибыли в Александрию, стали на якорь, вызвали торгового агента, а сами пока устроились на палубе.

Отдыхаем, глядим по сторонам, делимся впечатлениями.

Впрочем, доложу вам, в то время и поделиться было нечем.

Сейчас другое дело. Сейчас Египет — страна как страна и народ как народ — своими ногами стоит на своей земле. В древности вот тоже Египет славился, и Александрия славилась на весь мир. А в тот наш заход порт этот не представлял для любознательного

путешественника ровно никакого интереса. Только разговор, что, мол, Египет — страна фараонов и так далее. А зайдешь — и посмотреть не на что. Порт как порт — обширная торговля, вывоз хлопка, у набережной глубина двадцать шесть футов. Флаг, правда, и тогда был египетский, но порядки стояли английские, и корабли английские, и полисмены английские. Только и разница, что нищие там без фраков ходили. Какие там фраки! Другой работяга, землепашец, рыбак, чиновники даже, и те босые ходили, а то, простите, почти что и без штанов!

Да. Ну, наконец, явился агент. Проверил запись в грузовых документах, отвел нам место в порту и стал принимать груз. Мы сдали селедок, как полагается, по счету, подвели итог, и тут у меня просто сердце упало: поверите ли, чуть не половина табуна растерялась в пути!

Случайно отбились, отстали или сознательно дезертировали — этого я уж сказать не сумею. Но факт налицо — полтабуна как не бывало! Ой, гляжу — плохо.

Конечно, можно было спорить, оправдываться, ссылаясь на непредвиденные обстоятельства, но это все несолидно, неубедительно. Словом, огорчился я ужасно, расстроился, но тут вдруг меня осенило.

— Позвольте, — говорю я, — где же это видано, чтобы такой груз, как селедки, сдавался

поштучно? Извольте, прикиньте их на весы, а тогда и заявляйте претензии.

Ну, тот видит — не на простака напал, взял груз на весы, и, поверите ли, обнаружилась значительная прибавка в весе! Вас, может быть, удивит этот факт. Однако, если разобраться, тут и удивляться нечему. Я заранее знал, что так будет, и без труда объясню вам причину этого явления. Подумайте, взвесьте обстоятельства дела, и вы поймете, что иначе и быть не может: спокойное путешествие, отличное питание, перемена климата, морские купанья... Все это укрепляющим образом действует на организм. Ну, и понятно, селедки поправились, пополнели, накопили жирку.

Так что опыт мой удался блестяще, и, закончив расчеты, я решил отдохнуть, проветриться на берегу и осмотреть местные достопримечательности.

Отправились в глубь страны, в пустыню. По пустыне там ходит троллейбус, но в троллейбусе ехать неинтересно, и мы решили воспользоваться местными средствами сообщения. Я сел на двухгорбого верблюда, Лом — на одногорбого, а Фукс — на осла. Получилась довольно живописная группа.

Так, целым караваном, и прибыли в Каир. А в Каире — вот там другое дело! Там и тогда был настоящий Египет, и от каждой пяди земли веяло ароматом глубокой древности.

А как же! Там и пустыня Сахара, и бедуины, и финиковые пальмы, а главное — гробницы фараонов, сфинксы и другие памятники седой старины. Мы первым делом отправились осматривать пирамиды. Заплатили сколько следует, взяли входные билеты, стреножили животных и пошли.

Идем по подземным коридорам. Там, знаете, все так и стоит нетронутым пять тысяч лет. Обстановка великолепная: чистота, электрическое освещение, на каждом перекрестке — чистильщик сапог, на каждом углу — ларек с мороженым... в общем, неплохо жили покойники.

Ну-с, мы почитали иероглифы, взглянули на золотой саркофаг, на мумию и пошли назад. Вышли, глядим — Фукс пропал. Подождали-подождали — нет Фукса. Собрались идти разыскивать, а тут он сам бежит навстречу и держится за скулу. Я посмотрел — у него фонарь во всю щеку.

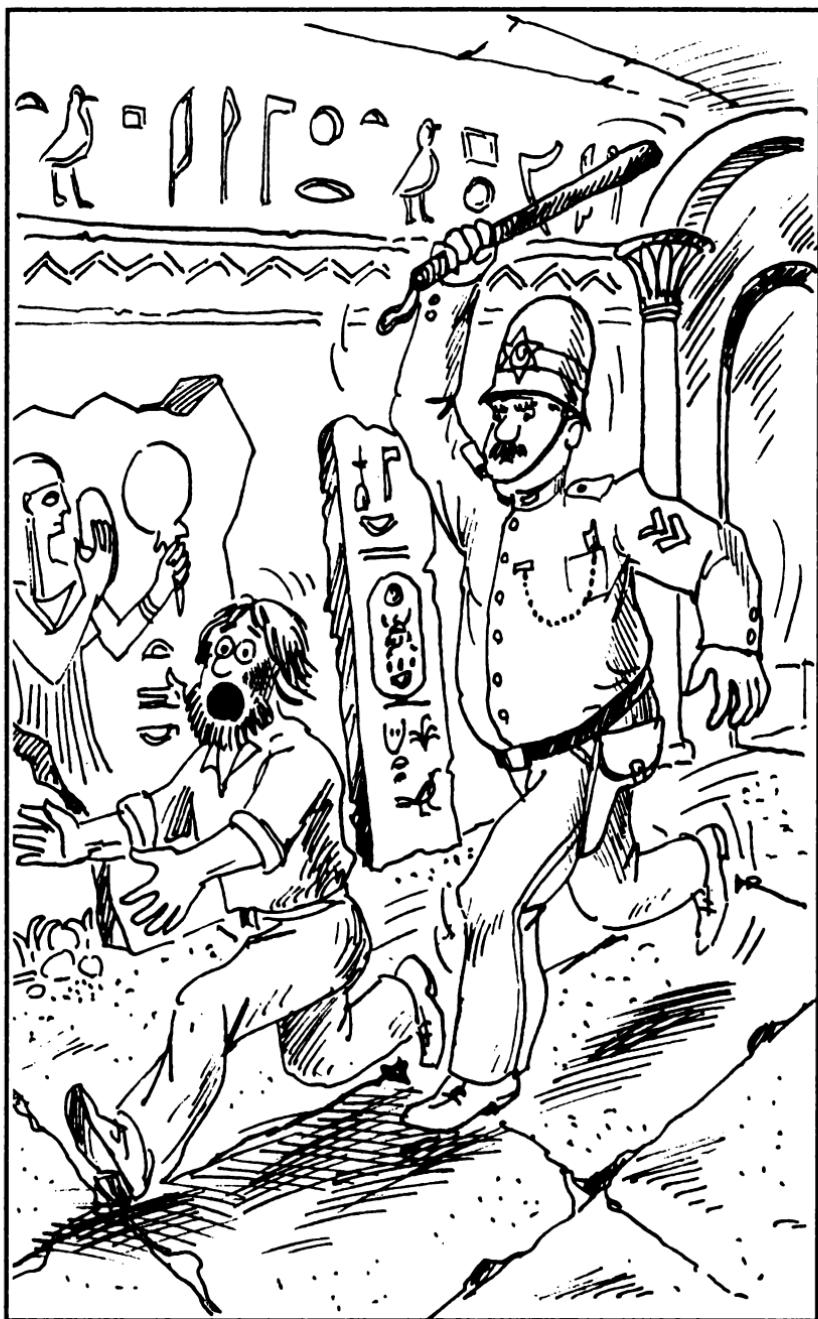
— Кто же это вас, Фукс? — спрашиваю я.

— Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! — захныкал Фукс.

— Да вы с ума сошли, Фукс! — говорю я. — Он же мертвый, фараон-то.

— Как же, мертвый! Живехонький, да еще не один, их там целая рота, этих фараонов.

— Каких это фараонов, египетских?

— Зачем египетских? Английские. Вон шагают.

Тут я увидел отряд полицейских и понял, что Фукс прав. Действительно, фараоны самые настоящие: в касках, с дубинками...

ГЛАВА VIII,

в которой Фукс получает заслуженное возмездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии

Вернувшись на судно, я отчитал Фукса:

— Чтобы у меня этого больше не было: никаких «на память»! Понятно?

Ну, Фукс раскаялся, обещал вести себя осмотрительнее. Синяк у него рассосался, и мы отправились вверх по Нилу.

Идем. Вот тут уж ничего не скажешь: Африка в лучшем виде. Куда ни посмотришь — лотосы, папиросы, по берегам гуляют робкие антилопы, порой попадаются даже львы. В воде фыркают бегемоты, тут же черепахи греются на солнце. Как в зоопарке.

Лом и Фукс, как маленькие дети, развлекаются, дразнят палками крокодилов, а я сохраняю полную серьезность, веду судно, лавирую, высматриваю подходящую деревушку на берегу.

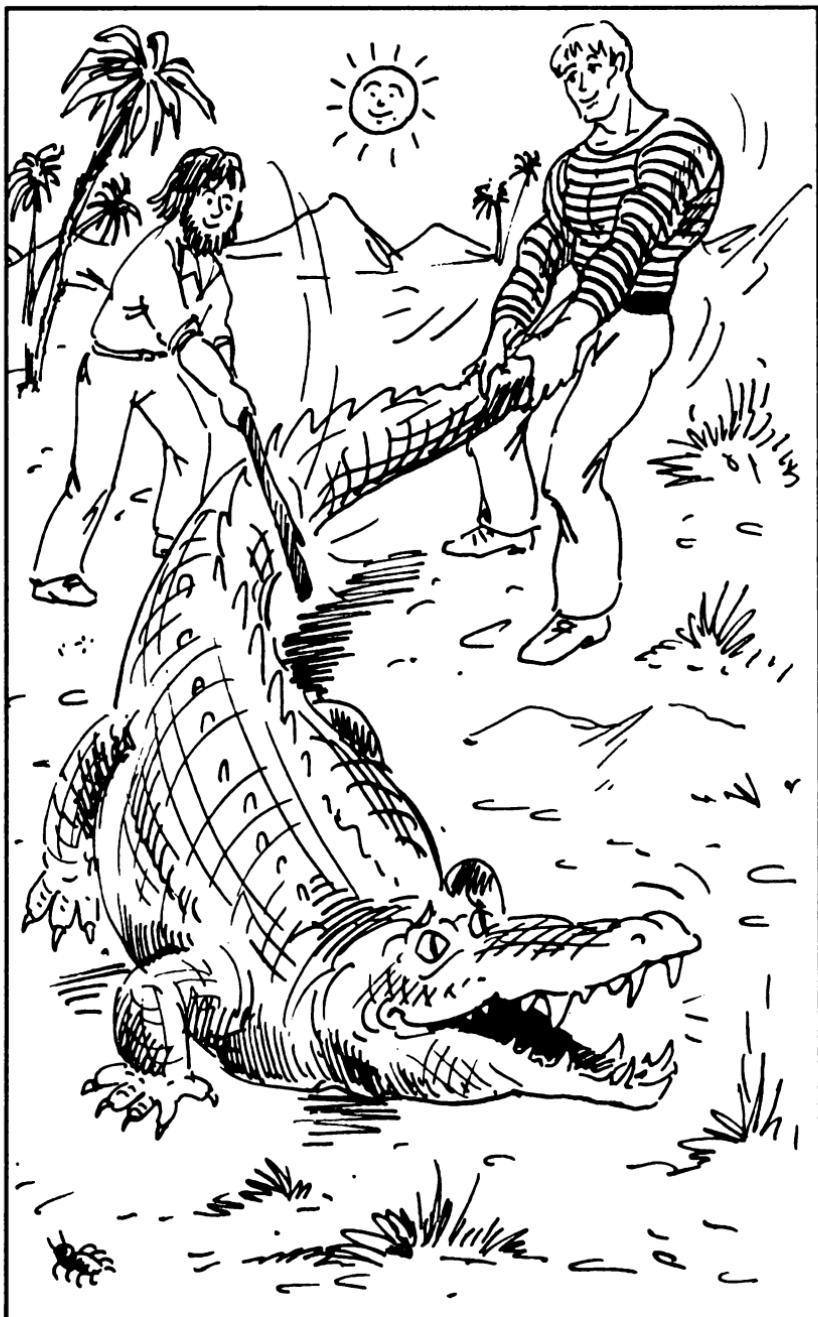
Этот рейс по Нилу я, молодой человек, как вы понимаете, предпринял не из праздного любопытства. Первоначально план моего похода был таков: Атлантика, Панама, Тихий океан...

Из-за селедок пришлось нарушить этот план, уклониться несколько в сторону, и теперь впереди у нас лежал трудный переход по Индийскому океану.

А там, в океане, знаете, ни магазинов, ни ларьков нет; подберутся запасы, и клади зубы на полку... И вот, как человек предусмотрительный и экономный, я решил перед этим трудным рейсом получше и подешевле снабдить экспедицию. Да-с.

Наконец вижу небольшое селение. Так, вроде чистенько и народ приветливый. Подошел к берегу, причалил и со всем экипажем отправился на базар.

Местное население встретило нас прекрасно. И цены на рынке оказались не слишком высокие, так что мы снабдились наилучшим образом: приобрели пару соленых слоновых хоботов, ящик страусовых яиц, финики, саго, корицу, гвоздику и прочие пряности.

Погрузили все это на яхту, я поднял отходный флаг, собираюсь в путь, но тут Лом докладывает рапортом, что Фукс опять пропал. Подождали — нет Фукса.

Ну, я было хотел без него уходить, но потом поразмыслил и пожалел. Парень он ничего! Жуликоват, правда, но зато старательный и добрый. А тут, в Египте, народ доверчивый, соблазны на каждом шагу, последить за парнем некому. Ну и свихнется, пропадет, кончит каторгой... Словом, пошел я его выручать. Иду, вдруг вижу — на краю деревни толпа, откуда доносятся смех и вопли. Я заинтересовался, кликнул Лома, прибавил шагу, побегаю и вижу: Фукс мой в печальном положении. Свернулся комочком, зарыл голову в песок, прикрылся шляпой. А над ним, понимаете, страус. Щиплет его за мягкие места и лупит ногами, как футбольный мяч. Кругом беспристрастные зрители смотрят, аплодируют, точно в цирке, поощряют эту птицу, хохочут, кричат...

Ну, я, знаете, прикрикнул на страуса. Он испугался, сел тут же и тоже — голову в песок. Так и сидят рядом.

Тогда я взял Фукса за шиворот, поднял, встряхнул, поставил на ноги и допросил с пристрастием о причине столь странного положения. И что же оказалось? Не действовало мое внушение: опять согрешил малый.

Видит — гуляет страус на свободе, ну, и, знаете, не стерпел: подкрался сзади, дернул у него перо из хвоста «на память»... А страус — даром что робкая птица, но тут вспылил.

Фукс мне и перо показал. Я хотел было вернуть его страусу, но, знаете, не стал задерживаться, а главное, думаю: во-первых, у страуса новое отрастет, а во-вторых, страус сам с ним рассчитался — вырвал здоровый клок из штанов, так что квиты.

Ну, обсудили этот случай, посмеялись, конечно, распрошались с местным населением, вернулись на судно, подняли паруса и пошли назад, вниз по Нилу. Спустились спокойненько, не спеша, вышли к морю и вдоль бережка пошли на восток. Оттуда наш путь лежал в Красное море, через Суэцкий канал.

В канал вошли утром. Там вообще-то лоцманы корабли проводят. Но я человек бывалый. Суэцким каналом ходить мне не впервые, я там каждый камушек знаю. Ну, и решил зря не тратиться — пошел без лоцмана. Идем. Фукс на носу впередсмотрящим, я в руле, а Лом подвахтенным: готовит на камбузе завтрак. Он был мастером кулинарного дела; другой раз такого настрияпает, что съят по горло, а все равно сядешь, отведаешь. Вот и в тот раз. С утра, знаете, Лом подвязал фартук, засучил рукава, затопил камбуз... Я заглянул к нему — куда там: здесь и без того

жара, а у него прямо кузница на полном ходу, ад кромешный. Огонь так и пышет, в кастрюлях кипит, жаркое румянится, а главное — аромат. Подливочки, соуса — это у него был коронный номер. И такой запах пошел над Суэцким каналом, что со всех сторон собирались звери — не закусить, так хоть понюхать. Стоят по берегам, смотрят на нас, облизываются. И, знаете, здорово получается! Мы два дела делаем зараз: во-первых, идем своим направлением, а во-вторых, в непосредственной близости изучаем местную фауну. А фауна там богатейшая! Из Аравии пожаловали тигры, кабаны, приползли вараны, а с африканского берега — львы, слоны, носороги. Жираф тоже пришел из пустыни, пронюхал и любуется нашим суденышком. Не знаю уж, какие там возникли у него мысли, но судя по всему, он принял яхту за плавучую закусочную. Свесил шею, как подъемный кран, идет за нами по берегу, слюнки пускает.

А тут Лом как раз закончил стряпню, накрыл стол на три персоны. Все как полагается — тарелочки, вилочки, чистую скатерть постелил и выходит из кабуза с миской в руках. И представьте: жвачное заинтересовалось, лезет мордой прямо в миску; Лом на него кричит, ругается, а жираф — животное невоспитанное, убеждения на него не действуют, тянется к миске как ни в чем не бывало,

зубы оскалил и уже облизывается. И сделать ничего нельзя: свернуть некуда, канал узкий, по берегу не пойдешь. Применить физические меры воздействия — это руль нужно бросить, а тут место очень ответственное: рискованно. Фукс — тот увлекся изучением фауны, не видит и не слышит ничего, а у Лома руки заняты... тут одно спасение — ретирада.

— Отступайте, Лом! — приказал я.

— Есть отступать! — ответил Лом и давай пятиться задом в каюту.

А у жирафа знаете какая шея! А тут он ее еще вытянул и тоже за Ломом в каюту. Лом забился в самый конец, и жираф не отстает. И вот слышу, Лом рапортует:

— Дошел до места!

Ну, я понял — дело дрянь, так и без завтрака останешься. Рискнул все-таки: бросил на минуточку руль, захлопнул дверь, прищемил жирафу шею. И действовало, знаете, лучше всяких внушений: жираф уперся всеми четырьмя ногами, выдернул шею из кубрика, выпрямился во весь рост. Но, видимо, обиделось животное: оглянулось кругом, заржало и слопало флюгер.

Ну, это ущерб небольшой: флюгера у меня были запасные, а завтрак-то все-таки спасли, как ни говорите. И жирафу, если разобраться, не так уж обидно. Конечно, мы его, так сказать, в шею вытолкали, как непрошено-

гостя, но все-таки не голодным ушел. Они там привыкли в пустыне — камни, и те с голодухи гложут, так что флюгер для него тоже, знаете, не так себе, а в некотором роде деликатес.

Да. Обсудили и этот поучительный случай, позавтракали с отменным аппетитом и пошли дальше.

К ночи прошли Суэц, тут застилиeli и простояли около двух суток. Да оно, знаете, и кстати. Отдохнули, поправили паруса, рангоут, обтянули такелаж, генеральную уборочку произвели. А утром потянул ветерок. Мы подняли паруса и вышли в Красное море.

Сначала спокойно шли правым бакштагом, а потом ветерок стал крепчать, и нас здорово потрепало. Налетел самум из Сахары. Жарко, как в бане, духота страшная, зыбь, и Фукс, знаете, не выдержал, укачался. Он сначала крепился, не показывал виду, потом сразу как-то сдал. Даже до койки не дополз, улегся тут же на палубе, на ящик с провизией, лежит, стонет, обмахивается страусовым пером. Жалко парня, однако ничем не поможешь. Морская болезнь — безопасный, но неизлечимый недуг.

А в остальном все в порядке. Этот самум даже на руку нам: гонит «Беду» полным ходом. Идем хорошо. Так и меряем милю за милю. Я посмотрел, проложил курс, оставил Лома в руле, а сам пошел вздремнуть в каюту. При

моей комплекции в этих широтах лучше нести ночную вахту, а Лом, он и днем постоит, не растает. Да.

Ну, а к ночи жара несколько спала, мой старший помощник Лом отправился спать в каюту, а я встал в руль, веду судно.

Ночь в тех местах красива до чрезвычайности: вверху луна качается, как фонарь на цепочке; море горит голубым, таинственным светом. Как в сказке. Постоишь часок-другой, и полезет в голову всякая чертовщина: разные там ковры-самолеты, драконы, привидения. Я это размечтался, вдруг слышу — Фукс невнятно бормочет что-то. Прислушался... Ого, тут похоже не морской болезнь, тут тропической лихорадкой пахнет! Слышу — бредит бедняга, шепчет:

— Христофор Бонифатьевич, крокодил... Еще крокодил. Еще крокодил...

Ну, я закрепил руль, спустился в каюту, отпер аптечку, достал порцию хины, выхожу, а Фукс не унимается:

— Двадцать семь крокодилов, двадцать восемь крокодилов, тридцать крокодилов...

— Полно, Фукс, будет вам крокодилов считать! Сглотните-ка лучше, — говорю я.

И только шагнул, мне под ногу подвернулась какая-то гадина. Я попятился, поскользнулся, упал, хину рассыпал. Тут кто-то меня за палец цап! Ну, знаете, тут и я испугался,

закричал. На крик выскоцил Лом и только ступил на палубу, слышу — тоже кричит.

А Фукс, как часы, считает:

— Сорок пять крокодилов... пятьдесят крокодилов...

Тут есть от чего прийти в панику. Но я взял себя в руки, вскочил, чиркнул спичкой — и, поверите ли, вижу — действительно, полна палуба крокодилов. Крокодильчики мелкие, новорожденные и безопасные по существу, но все-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уж не стал церемониться, взял швабру и давай прямо за борт, в родную стихию.

А когда палуба несколько очистилась, я поинтересовался, откуда же это нашествие. И вижу — лезут из щели, из ящика. Ну, тогда я все понял: нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодильи. А тут жара, да еще Фукс сверху улегся, высыдел, вот они и полезли.

Установив причину чрезвычайного происшествия, я без труда избавился и от его последствий. Не стал даже ящик распаковывать. Провел просто доску от той щели за борт — вроде мостика, и они полным ходом, как по конвойеру, один за одним так и лезли до самого Адена. А после уж, в Адене, вскрыли ящик, глядим — одни скорлупки остались... Да-с.

Устранив крокодилов и водворив порядок на судне, я несколько успокоился. Но ненадолго: судьба готовила мне новые испытания.

Мы шли вдоль берегов Эритреи. Лом спал в каюте, Фукс — на палубе. Ураган стих, все предвещало спокойствие. Вдруг перед самым рассветом слышу где-то в море раздирающий душу крик.

— Все наверх! Человек за бортом! — крикнул я. — Руль на борт, поворот оверштаг!

Экипаж мгновенно принимает необходимые меры: полетели в море спасательные средства — круги, шары, концы... и вот поднимают на борт потерпевшего.

Гляжу — унтер-офицер в мокром виде. Внешностью не блещет, однако отряхнулся, прокашлялся и взял под козырек:

— Сержант итальянской армии Джулико Бандитто к вашим услугам.

— Да какие уж тут услуги! — говорю я.
— Скажите, дорогой мой, спасибо, что так обошлось, да расскажите, как вы сюда попали и что мне с вами делать?

— Прогуливаясь в нетрезвом виде, сдути ветром в море. Прошу вас, капитан, высадить меня в любом месте на итальянском берегу.

— Э, батенька, — говорю я, — далеконько же вас занесло! Италия-то вон где...

— Италия везде, — перебил сержант. — И здесь, — показывает направо, — Италия, и

здесь, — показывает налево, — Италия... Весь мир — Италия!

Ну, я спорить с ним не стал. Думаю: «Хмель-то у него еще не прошел, так чего еще с пьяным разговаривать?»

Опять же, пришлось принять во внимание, что в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над народом и весь мир собирались к рукам прибрать. И достигли даже коечего: в Абиссинии, в Сомали, в Эритрее итальянский сапог в то время выше всего почился. И невдомек было этим джуликам и бандитам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесет, что так, вверх сапогами, его и повесят...

Ну, а тогда ходил он еще вверх головой и чужую землю топтал так же вот, как теперь янки Италию топчут. Да-с.

В общем, я возражать не стал. Думаю: «Разделаюсь поскорее с таким гостем, и то хорошо».

— Ладно, — говорю, — Италия так Италия. Куда вас поточнее-то? Сюда или туда?

— А вон, — говорит, — туда, к тем скалам, прошу вас.

Ну, я, ничего не подозревая, причаливаю к скалистому берегу, подаю сходню. Тут мой сержант опять берет под козырек:

— Благодарю вас, господин капитан. А теперь потрудитесь сойти с судна.

— Полноте, батенька, некогда мне, да и не к чему. Идите уж...

— Ах, так? — говорит он, достает свисток, и вдруг, понимаете, из-за скал налетает рота головорезов. Щелк-щелк! — и, гляжу, весь мой экипаж в наручниках, и я в том числе.

Подхватили нас под мицитки и повели по сильно пересеченной местности. Кругом скалы, горы, бесплодная почва... Ну, привели в лагерь, доложили. Мы стоим, ждем.

Наконец выходит полковник с тарелкой в руках; стоит, уплетает макароны.

— Ага, — говорит, — вторглись на итальянскую территорию. Все ясно: судно конфисковать, людей поставить на полевые работы, о дальнейшем запросить Рим.

Ну, и погнали нас на работу. За день мы намучились, проголодались. Хорошо еще, Фукс запустил руку в торбу к мулу, извлек горсть овса — только и поели. А к ночи приходит сержант Джулико. Пожалел все-таки, отблагодарил за спасение: принес тарелку макарон из своего пайка. Неприятно принимать такие подачки, но голод, как говорится, не тетка. Я разделил макароны по-брратски, отведал. Лом — тот отсутствием аппетита никогда не страдал — набросился, а Фукс, смотрю, чванится: понюхал и нос воротит.

— Разве это макароны? — говорит он. — Это же скверная подделка. Ай, господин

сержант, у вас здесь такой благодатный климат, а вы всякую дрянь едите и кукурузу сеете! Да здесь можно такую макаронную плантацию развести, что на всю Италию хватит! Вы доложите полковнику: я, если угодно, сделаю опытную посадочку. У меня и рассада есть — на судне осталась.

Я глаза вытаращил: до чего же врет парень! А Джулико этот уши развесил и действительно побежал докладывать. И что бы вы думали: отдали нас в распоряжение Фукса, отвели ему участок, принесли с «Беды» макароны, кругом поставили караул. Сам полковник пришел.

— Сажайте, — говорит, — но смотрите: обманете — шкуру спущу!

Я вижу — этот действительно спустит, ну и решил предостеречь Фукса.

— Бросьте вы это дело, — шепчу я, — ведь ничего не выйдет, кроме неприятностей...

А он только рукой махнул:

— Будьте покойны, Христофор Бонифатьевич. Только тихо!

И вот, понимаете, раскопали мы не торопясь грядки. Фукс на виду у всех наломал макароны, посадил, поливает. И представьте, через три дня взошли! Сперва этакие зеленые росточки, потом листочки...

Фукс ходит, окучивает, рассказывает итальянцам:

— Это вам не какая-нибудь дешевая подделка, это натуральный продукт! Вот вырастут повыше, станут в рост человека, тогда вы их косите, листья обламываете на корм скоту, а стебли бросаете прямо в кастрюлю и получается превосходное кушанье.

И поверили итальянцы. Да и я, признаться, поверил. Убедительно. Растиут ведь. Факт! И вот этот полковник спрашивает:

— Нельзя ли засеять все поле?

— Нет, почему же, можно, пожалуйста, — говорит Фукс, — только семенного материала маловато. А если ваши сеять, их надо спиртом поливать, иначе не взойдут.

— Ну что ж, мои молодцы польют, — сказал полковник и распорядился.

На другой день выкатили цистерну спирта, высыпали все макароны, что были, соорудили цепы, обмолотили, засеяли и пошли поливать. Но только, знаете, на поле немного попало, все больше в рот солдатам. Вечером и полковник прибыл, тоже пригубил, и такое пошло веселье по всему лагерю: песни, шум, драки начались. А к ночи взошла луна, лагерь утих, только храп слышен по полю. А мы скорее на берег, на «Беду». Подняли паруса и пошли.

— Ну, — говорю, — Фукс, вам бы агрономом быть, а не матросом. Как это вы достигли такого совершенства? Ведь это чудо, что макароны проросли.

— Никакого чуда, Христофор Бонифатьевич, просто ловкость рук, — отвечает Фукс. — У меня горсточка овса осталась в кармане, а с овсом не то что макароны — окурки и те взойдут.

Вот оно как. В общем, благополучно ускользнули. Ну, а на другой день я обогнул мыс Гвардафуй и пошел прямо на юг.

ГЛАВА IX

*О старых обычаях
и полярных льдах*

Океан встретил нас ровным пассатом. Идем день, другой. Влажный ветер несколько умеряет жару, однако прочие признаки указывают на пребывание в тропической зоне. Синее небо, солнце в зените, а главное — летучие рыбы. Замечательно красивые рыбки! Порхают над водой, как стрекозы, и дразнят душу старого моряка. Недаром, знаете, летучая рыба — символ океанского простора.

Вот эти рыбки, будь они неладны, воскресили во мне воспоминания юности, первое плавание... Экватор...

Экватор, как вам известно, линия воображаемая, однако вполне определенная. Переход ее с давних пор сопровождается небольшим самодеятельным спектаклем на корабле: якобы морской бог Нептун является на судно и после непродолжительной беседы с капитаном тут же, на палубе, купает моряков, впервые посетивших его владения.

Я решил тряхнуть стариной и возродить этот старый обычай. Тем более, декорации несложные, костюмы тоже — с этой стороны постановка трудностей не представляет. Но вот с актерским составом просто зарез. Я, знаете, единственный бывалый моряк на судне, я же и капитан, и волей-неволей мне же приходится изображать Нептуна.

Но я нашел выход: с утра приказал выставить бочку с водой, затем сказался больным и вплоть до выздоровления по всем правилам сдал Лому командование судном. Лом выразил мне соболезнование, однако с удовольствием заломил фуражку на капитанский манер и с важным видом приказал Фуксу чистить медные части.

А я заперся в каюте и занялся подготовкой: сделал бороду из швабры, соорудил трезубец, корону, а сзади прицепил хвост

наподобие рыбьего. И должен без хвастовства сказать: получилось отлично. Я, знаете, посмотрел в зеркало: ну, куда там — Нептун, да и только. **Как живой!**

И вот, когда, по моим расчетам, «Беда» пересекла экватор, я в полном облачении поднялся на палубу...

Результат получился необычайный, но несколько неожиданный. Отсутствие предварительной проработки спектакля и незнание старых морских обычаев направили воображение моего экипажа в нежелательную для меня сторону. Я вышел.

Мой старший помощник Лом гордо стоял у штурвала, пристально вглядываясь в горизонт. Фукс, обливаясь потом, усердно «драйл медяшку». Летучие рыбы по-прежнему порхали над волнами.

Спокойствие царило на палубе корабля, и мой выход в первый момент остался незамеченным.

Ну, я решил обратить на себя внимание: грозно стукнул трезубцем и зарычал. Тут оба они встрепенулись и замерли от изумления. Наконец придя в себя, Лом нерешительно шагнул мне навстречу и смущенным голосом произнес:

— Что с вами, Христофор Бонифатьевич?

Я ждал этого вопроса и заранее подготовил ответ в стихотворной форме:

Я Нептун — морское чудо,
Мне подвластна вся вода,
Рыбы, ветры и суда.
Рапортуйте мне: откуда
И куда идет «Беда»?

Тут лицо Лома выразило мгновенный испуг, который затем перешел в отчаянную решимость. Лом бросился, как леопард, облапил меня своими ручищами и потащил к бочке.

— Поддергать капитана за ноги! — скомандовал он на ходу.

А когда Фукс выполнил приказание, Лом добавил несколько спокойнее:

— Старика хватил солнечный удар, необходимо освежить ему голову.

Я пробовал отбиваться, пробовал убеждать их, что, согласно веками установленным обычаям, не мне, а им следует купаться по случаю прохождения экватора, но они не слушали. И вот, понимаете, приволокли меня к бочке и принялись окунать в воду.

Корона моя размокла, трезубец упал. Положение прискорбное и почти безвыходное, но я собрался с последними силами и в момент между двумя погружениями бодро скомандовал:

— Отставить макать капитана!

И, представьте себе, подействовало.

— Есть отставить макать капитана! — гаркнул Лом, вытянув руки по швам.

Я ухнулся в воду... Одни ноги торчат. Мог бы и захлебнуться, да, хорошо, Фукс догадался: завалил бочку набок, вода вылилась, а я застрял. Сижу, как рак-отшельник, не могу отдохнуть. Ну, потом оправился и вылез, тоже этак, рачьим манером, кормой вперед.

Вы сами понимаете, какой ущерб моему авторитету нанесло это событие. А тут еще, как назло, мы потеряли пассат. Наступил мертвый штиль, и безделье воцарилось на судне. И вот, знаете, как утро, Лом с Фуксом устраиваются на палубе, ноги под себя, по-турецки, карты в руки и дуются без отдыха в подкидного дурака.

Я посмотрел день, посмотрел другой и прекратил это дело. Я вообще-то противник азартных игр, а тут тем более, поскольку это увлечение угрожало срывом дисциплины. Ведь вы учтите: Фукс жульничает, каждый кон оставляет Лома дураком, да еще подкидным! Какое уж тут уважение!

А с другой стороны, просто так запретить игру — умрут со скуки. А по мне, пусть уж лучше помощник дурак, чем покойник.

Тогда я предложил им шахматы. Это как-никак игра мудрецов, изощряет ум, развивает стратегические способности. К тому же спокойный характер этой игры позволяет обставить ее по-семейному. И вот мы водрузили на палубе стол, вытащили самовар, над головой

растянули тент из паруса и в такой обстановке, за чашкой чаю, с утра до ночи предавались бескровным поединкам.

Вот так однажды мы с Ломом засели с утра доигрывать незаконченную партию. Жара стояла убийственная, и Фукс, свободный от игры, полез купаться.

Король Лома беспомощно жался к уголку. Я уже предвкушал сладость заслуженной победы, вдруг резкий крик за бортом нарушил ход моих мыслей. Взглянул — вижу, над водой шляпа Фукса. (Он купался в головном уборе, опасаясь солнечного удара.) Отчаянно вопя, Фукс бьет по воде руками и ногами, поднимает тучи брызг и со всей скоростью, которую позволяли развивать его ходовые качества, приближается к «Беде». А за ним, рассекая лазурную гладь моря, бесшумно скользит над водой спинной плавник огромной акулы.

Настигнув несчастного, акула перевернулась на спину, открыла свою страшную пасть, и я понял, что Фуксу пришел конец. Не отдавая отчета в своих действиях, я схватил со стола первое, что подвернулось под руку, и швырнул в морду морского хищника.

Результат получился разительный и необычайный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула завертелась на месте. Она выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая

челюстей, сквозь зубы отплевывалась во все стороны.

Фукс тем временем благополучно добрался до судна, вскарабкался на борт и в изнеможении подсел к столу. Он пытался что-то сказать, но от волнения глотка его пересохла, и я поспешил налить ему чаю.

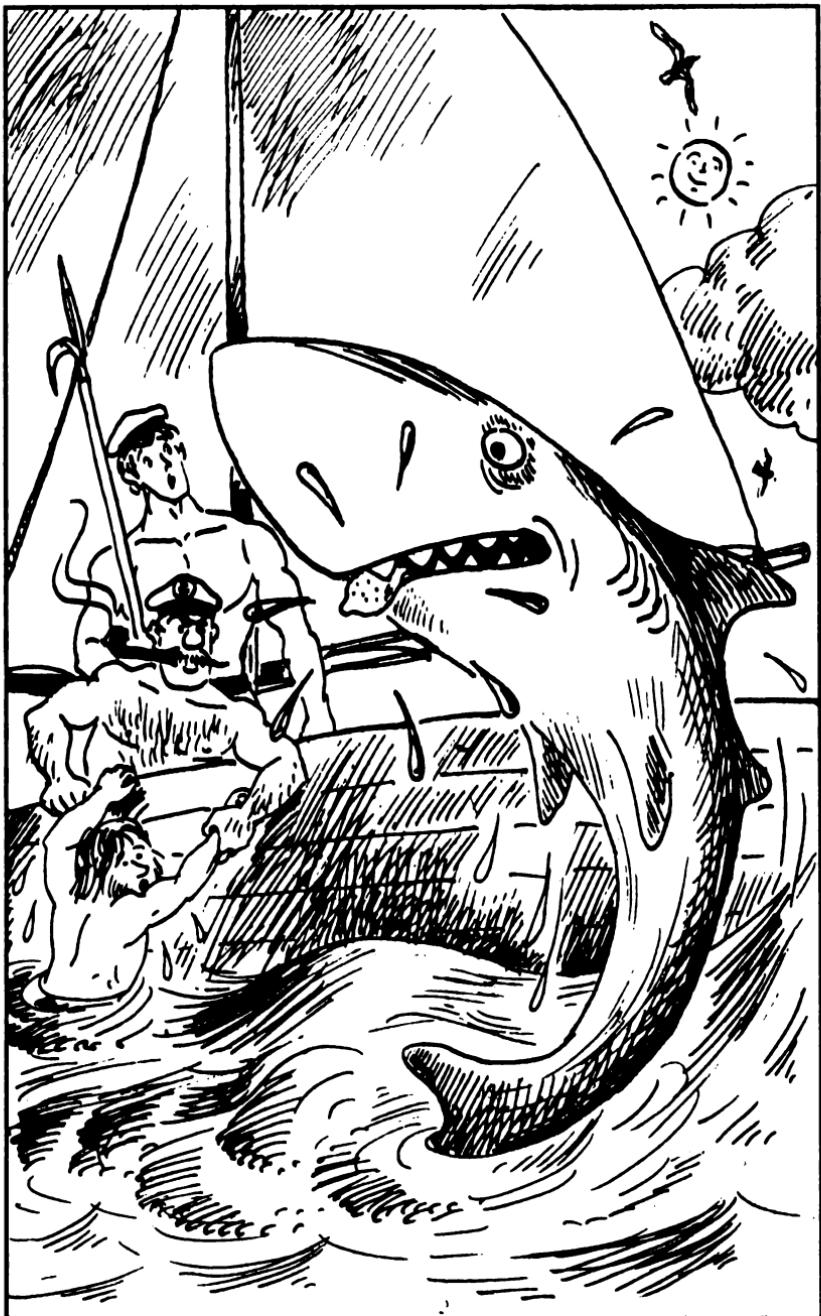
— Вам с лимоном? — спрашиваю. Протянул руку к блюдцу, а там нет ничего.

Тогда я все понял. В минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку и решил участь Фукса. Акулы, знаете, непривычны к кислому. Да что там акулы, вы сами, молодой человек, попробуйте лимон целиком — так скулы сведет, что и рта не откроете.

Пришлось запретить купание. Запас лимонов у нас, правда, еще сохранился, но ведь нельзя же рассчитывать, что всегда попадешь так удачно. Да-с. Устроили душ на палубе, обливали друг друга из ведра, но ведь это все полумеры, и жара замучила нас совершенно. Я даже несколько похудел, и не знаю, чем бы все кончилось, если бы в одно прекрасное утро не потянул наконец ветерок.

Изнуренный бездельем экипаж проявил необычную энергию. Мы мгновенно поставили паруса, и «Беда», набирая ход, пошла дальше, на юг.

Вас, может быть, удивит взятое мною направление? Не удивляйтесь, взгляните на

глобус: идти вокруг света вдоль экватора долго и трудно. Многих месяцев пути требует такой поход. У полюса же вы легко можете хоть пять раз в день обойти земную ось кругом, тем более что и дни там, на полюсе, бывают до шести месяцев продолжительностью.

Вот мы и стремились к полюсу и с каждым днем спускались все ниже. Прошли умеренные широты, приблизились к Полярному кругу. Тут уж, знаете, холодок дает себя чувствовать. И море не то: вода серая, туманы, низкая облачность. На вахту выходишь в шубе, уши мерзнут, на снастях сосульки.

Однако мы и не думали об отступлении. Напротив, пользуясь попутными ветрами, мы с каждым днем спускались все ниже и ниже. Легкая зыбь не причиняла нам беспокойства, экипаж чувствовал себя отлично, и я с нетерпением ждал того момента, когда на горизонте откроется ледяной барьер Антарктики.

И вот однажды Фукс, обладавший орлиным зрением, неожиданно воскликнул:

— Земля на носу!

Я было подумал, у меня или у Лома нос не в порядке. Провел даже ладонью, утерся. Нет, все чисто.

А Фукс опять кричит:

— Земля на носу!

— Может, по носу земля? — говорю я. — Так вы, Фукс, так бы и говорили. Пора

привыкнуть. Но только не вижу я вашей земли...

— Так точно, по носу земля, — поправился Фукс. — Вон там, видите?

— Не вижу, признался, — сказал я.

Но прошло еще с полчаса — и что бы вы думали? Точно. Тут уж и я заметил темную полоску на горизонте, и Лом заметил. Действительно, похоже на землю.

— Молодец, Фукс, — говорю я, а сам беру бинокль, приглядевшись и вижу — ошибка! Не земля, а лед. Огромный айсберг столовидной формы.

Ну, я взял курс прямо на него, и два часа спустя, сверкая тысячами огней в лучах не-заходящего солнца, айсберг встал у нас перед носом. Точно стены хрустального замка, воз-вышались над морем голубые уступы. Холо-дом и мертвенным спокойствием веяло от ледяной горы. Зеленые волны с рокотом раз-бивались у ее подножия. Нежные облака цеп-лялись за вершину.

Я немного художник в душе. Величествен-ные картины природы волнуют меня до чрез-вычайности. Скрестив руки на груди, я застыл от изумления, созерцая ледяную громаду.

И вот, откуда ни возьмись, тощий тюлень высунул из воды свою глупую морду, бесце-ремонно вскарабкался по склону, развалился на льду и давай, понимаете, чесать бока!

— Пошел вон, дурак! — крикнул я.

Думал — уйдет, а он хоть бы что. Чешется, сопит, нарушает торжественную красоту картины.

Тут я не выдержал и совершил непростительный поступок, результатом которого едва не явилось бесславное окончание нашего похода.

— Подать ружье! — говорю я.

Фукс юркнул в каюту, вынес винтовку. Я прицелился... Бац!

И вдруг гора, казавшаяся незыблемой твердыней, со страшным грохотом раскололась пополам, море закипело под нами, осколки льда загремели по палубе. Айсберг совершил этакое сальто-мортале, подхватил «Беду», и мы чудесным образом оказались на самой верхушке ледяной горы.

Ну, потом стихии несколько успокоились. Успокоился и я, осмотрелся. Вижу — положение неважное: яхта застряла среди неровностей льда, села так, что и не сдвинешь, кругом неприветливый серый океан, а внизу, у подножия ледяной горы, болтается все тот же тюлень-негодяй, смотрит на нас, ухмыляется самым наглым образом.

Экипаж, несколько смущенный всей этой историей, молчит. Ждет, видимо, объяснений непонятного явления. И я решил блеснуть запасом познаний и тут же на льду провел небольшую лекцию.

Ну, объяснил, что айсберг вообще опасный сосед для корабля, особенно в летнюю пору. Подтает подводная часть, нарушится равновесие, переместится центр тяжести, — и вся эта громадина держится, так сказать, на честном слове. И тут не то что выстрела, тут громкого кашля бывает достаточно, чтобы разрушилось все это природное сооружение. И ничего удивительного нет, если айсберг переворачивается... Да.

Ну, экипаж выслушал с должным вниманием мои объяснения. Фукс промолчал из скромности, а Лом со свойственной ему непосредственностью задал несколько неделикатный вопрос.

— Ладно, — говорит, — как он перевернулся — это дело прошлое, а вы, Христофор Бонифатьевич, скажите, как его назад переворачивать?

Тут, молодой человек, действительно подумашь: как ее переворачивать, такую громадину? А делать что-то надо. Не век же сидеть на льду.

Ну, я погрузился в размышления, стал обдумывать создавшееся положение, а Лом тем временем подошел к делу несколько несерьезно, прямо сказать, с кондачка: решил самостоятельно спустить яхту на воду. Взял топор, размахнулся и отколол глыбу тонн в двести.

Он, видимо, хотел подрубить таким образом нашу ледяную подставку. Намерение весьма похвальное, но совершенно необоснованное. Недостаточные познания в области точных наук не позволили Лому предугадать результаты его усилий.

А результаты получились как раз обратные. Как только глыба отделилась от нашей горы, гора, понятно, стала легче, приобрела некоторый дополнительный запас плавучести, всплыла. Словом, к тому времени, когда я выработал план действий, верхушка айсберга вместе с яхтой благодаря усилиям Лома поднялась еще футов на сорок.

Тут Лом опомнился, раскаялся в своем легкомысленном поведении и со всем рвением, на которое был способен, принялся выполнять мои приказания.

А мой план был проще простого: мы поставили паруса, натянули шкоты и вместе с айсбергом полным ходом пошли назад, на север, поближе к тропикам. И тюлень с нами отправился.

И вот, знаете, недели не прошло, наша ледышка стала таять, уменьшаться в размерах, потом в одно прекрасное утро хрустнула, сделала вторичный переворот, и «Беда», как со стапеля, мягко стала на воду. А тюлень, понимаете, оказался наверху, но не удержался, поскользнулся и плюх мешком к нам на

палубу! Я схватил его за шиворот, высек ремнем для острякки и отпустил. Пусть плавает.

А Лом тем временем сделал поворот, «Беда» снова легла на курс «зюйд», и мы вторично направились к полюсу.

ГЛАВА X,

*в которой читатель знакомится
с адмиралом Кусаки,
а экипаж «Беды» —
с муками голода*

Снова серые облака, туманы, снова шубы пришлось надеть...

И вот однажды в морозную погоду мы идем не спеша. Вдруг как ухнет! Взрыв не взрыв, гром не гром — не поймешь.

Подождали, прислушались — тишина, потом снова: бахах! И опять тишина.

Я заинтересовался, заметил направление и повел «Беду» навстречу загадочному явлению.

И вот видим: на горизонте — подобие плавучей горы. Подходим. Нет, не гора, просто облако тумана. Вдруг из середины его

вздымается столб воды, фонтаном падает в море, при этом глухой раскат снова разносится по океану и сотрясает «Беду» от киля до клотика.

Страшновато стало, но любопытство и стремление обогатить науку разгадкой непонятного явления победили во мне чувство осторожности. Я стал в руль и ввел судно в туман. Иду, смотрю — сосульки с бортов начинают падать, да и так заметно значительное потепление. Сунул руку за борт — вода только что не кипит. А перед носом в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука, и вдруг этот сундук: апчхи!

Ну, тогда я все понял: кашалот, понимаете, зашел из Тихого океана, простудился во льдах Южного полюса, подхватил грипп, лежит тут и чихает. А раз так, неудивительно и нагревание воды: заболевания простудного характера обычно сопровождаются повышенной температурой.

Можно бы загарпунить этого кашалота, но неудобно пользоваться болезненным состоянием животного. Не в моих это принципах. Напротив, я взял на лопату хорошую порцию аспирина, нацелился, и только хотел сунуть ему в пасть, вдруг, понимаете, налетел ветерок, подкатила волна. Ну и, знаете, промахнулся, не попал. Аспирин рассыпался и вместе рта да в дыхало — в ноздри, так сказать.

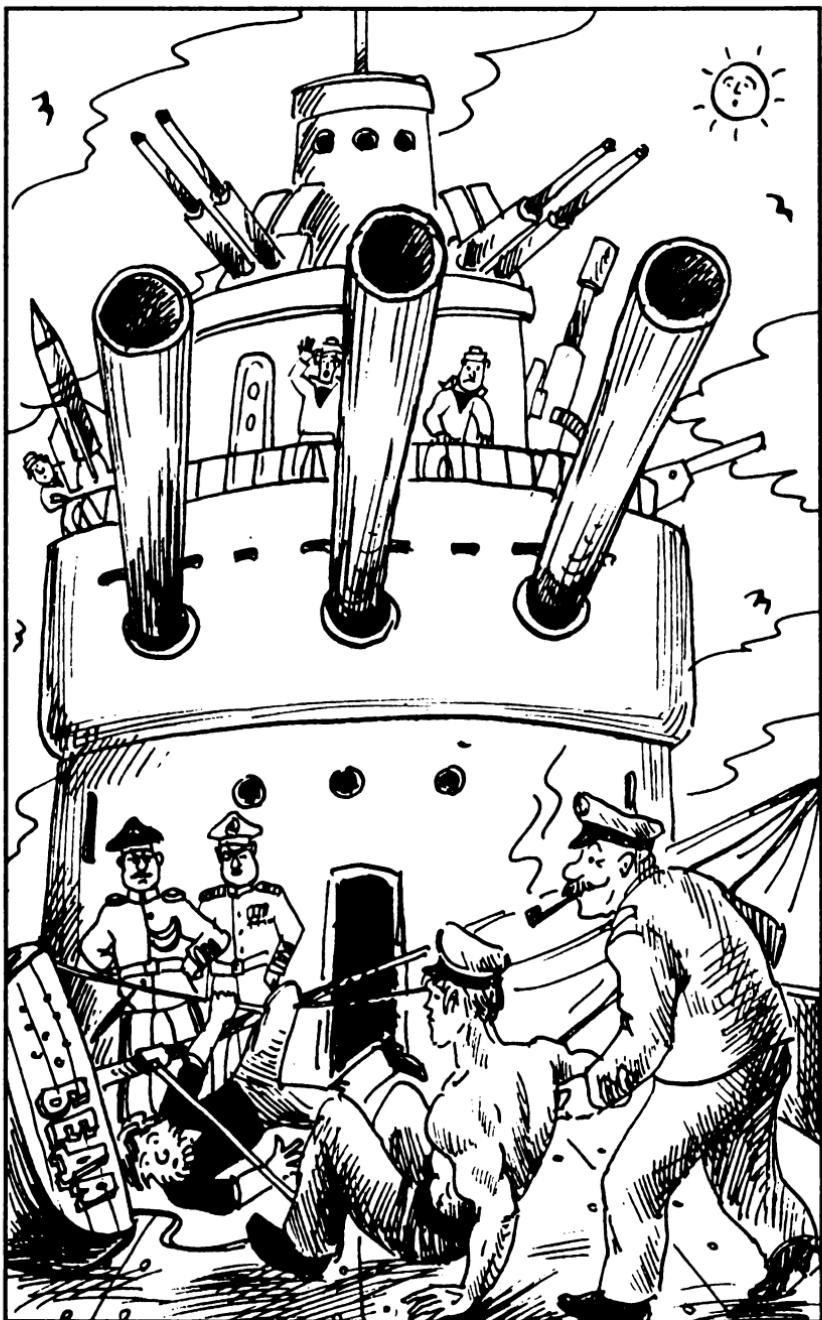
Кашалот вздохнул, замер на секунду, зажмурил глаза — и вдруг опять как чихнет, да прямо на нас. Ну уж чихнул так чихнул! Яхта взвилась под самые облака, потом пошла на снижение, перешла в штопор, и вдруг... хлоп!

От удара я потерял сознание, а когда очнулся, смотрю — «Беда» лежит на боку, на палубе огромного корабля. Фукс запутался в снастях. Лом — тот и вовсе вывалился от толчка и сидит тут же рядом, в несколько неудобной позе. А навстречу нам под защитой дальнобойных орудий шествует важной походкой небольшая группа господ, в чинах, судя по мундирям, не ниже адмиральских.

Я представился. Они, со своей стороны, объяснили, что являются международным комитетом по охране китов от вымирания. И тут же учинили мне допрос: кто, откуда, какие цели преследует мой поход, не встречал ли я китообразных, а если встречал, какие меры принял для защиты их от вымирания.

Ну, я рассказал своими словами: так, мол, и так, поход спортивный, кругосветный, встретил одного кашалота в болезненном состоянии и оказал посильную помощь, предписанную в таких случаях медициной.

Они выслушали, пошептались, поставили у яхты конвой и удалились на совещание. И мы сидим, ждем, тоже совещаемся.

— Вынесут благодарность. Может, медаль дадут, — говорит Лом.

— Что медаль! — возражает Фукс. — По мне, лучше что-нибудь деньгами...

Ну, а я воздержался, промолчал.

Час так прошел, два, три. Скучно стало. Я отправился туда, на совещание. Пустили. Я сел в уголок и слушаю. А у них уже прения идут. Как раз, знаете, взял слово представитель одной восточной державы, адмирал Кусаки.

— Наша общая цель, — сказал он, — охрана китообразных от вымирания. Какие же средства есть у нас для достижения этой благородной цели? Вы все прекрасно знаете, господа, что единственным единственным средством является уничтожение китообразных, ибо с уничтожением их некому будет и вымирать. Теперь разберем случай, ставший предметом нашего обсуждения: капитан Врунгель, вопрос о котором стоит на повестке дня, как он сам признает, имел полную возможность уничтожить встреченного им кашалота. А что сделал этот жестокий человек? Он позорно отстранился от выполнения своего высокого долга и предоставил бедному животному вымирать сколько ему заблагорассудится! Можем ли мы закрыть глаза на такое преступление? Можем ли мы пройти мимо такого вопиющего факта? Нет, господа,

мы не можем. Мы должны наказать преступника. Мы должны отобрать его судно и передать моим соотечественникам, которые честно выполняют задачи нашего комитета...

Тут перебил его представитель другой державы, западной, вот только фамилию забыл, — Грабентруп, кажется.

— Все правильно, — говорит он, — наказать нужно, но только господин адмирал забыл самое существенное: кашалот, в отличие от прочих китообразных, обладает черепом удлиненного строения. Таким образом, оскорбив кашалота, этот Врунгель оскорбил всю арийскую расу. Так что же вы думаете, господа, арийцы потерпят это?

Ну, я уж и слушать дальше не стал, вижу и так: попали из огня да в полымя. Улизнул тихонько, пошел к своим, доложил о результатах разведки. И гляжу — приуныл мой экипаж. Сидят грустные, ждут решения участи.

Целый день китолюбивые адмиралы спорили. Наконец, поздно вечером вынесли резолюцию. Мы приготовились к самому худшему и мысленно уже рас прощались с «Бедой», но опасения наши оказались несколько преждевременными. Решение вынесли неопределенное: «Для изучения вопроса создать специальную комиссию, а яхту «Беда» с экипажем временно водворить на одном из близлежащих необитаемых островов».

Я, понятно, заявил протест, да что толку? Меня и не спросили. Подцепили краном «Беду», опустили на скалы; нас тоже высадили, подняли флаги, погудели и пошли. Я вижу — делать нечего. Приходится подчиняться грубой силе и устраиваться по-береговому, с учетом создавшегося положения. А положение, надо вам сказать, отвратительное: яхта лежит на самом краю утеса, мачта торчит над морем, унылый прибой плещет у подножия скалы.

Ну, мы снарядились и пошли обследовать наш островок. Ходили, ходили — ничего хорошего не нашли. Всюду холодно, неуютно, одни скалы кругом.

Единственно с чем хорошо, так это с топливом. Уж не знаю откуда, только нанесло на этот островок обломков погибших кораблей.

А с другой стороны, нам и топливо ни к чему. Запасы у нас на исходе, кругом ни флоры, ни фауны, а камнями, сколько их ни варя, все равно сыт не будешь. »Аппетит, — говорят, — приходит во время еды». Возможно. Но у меня в этом отношении несколько необычный организм. Когда голоден, только тогда и ощущаю присутствие аппетита.

В целях борьбы с этой ненормальностью я подтянул кушак потуже, терплю. Лом и Фукс на голод жалуются. Пробовали рыбу ловить — не клюет. Лом вспомнил, что в старину в

таких случаях борщ из подметок варили, до-стал штормовые сапоги, два дня варили — никакого результата. Да и понятно, знаете: в былые-то времена сапоги из воловьей кожи делали, а у нас вся штормовая одежда из синтетического каучука. Конечно, в дождь, в сырую погоду оно удобнее — не промокает, а что касается кулинарных качеств такой обуви, прямо нужно сказать: ни вкуса у нее, ни питательности.

Ну и, понятно, скучновато стало. Ходим мы вокруг нашей яхты, смотрим на горизонт и друг на друга посматриваем. Призрак голодной смерти встает перед нами. По ночам преследуют кошмары...

И вот однажды смотрю — подходит к нашему островку льдина. А на льдине пингвины. Выстроились в одну шеренгу, как на смотру, кланяются.

Я тоже поклонился. А сам думаю: как бы с вами, господа пингвины, познакомиться поближе? Берег тут крутой, не спустишься, а пингвины, как их ни мани, сами не прилетят. Крылья-то у них бутафорские, так, больше для формы. А с другой стороны, и упустить жалко: птички жирные, упитанные, так и просятся на жаркое.

Встали мы на краю утеса и смотрим на них с вожделением. Льдина эта уткнулась в наш остров, прямо под мачтой. Пингвины

загалдели, топают ногами, машут крыльями, тоже смотрят на нас.

И вот, знаете, я поразмыслил немножко, сделал необходимые расчеты в уме и решил соорудить этакую машину — пингвиноподъемник, что ли.

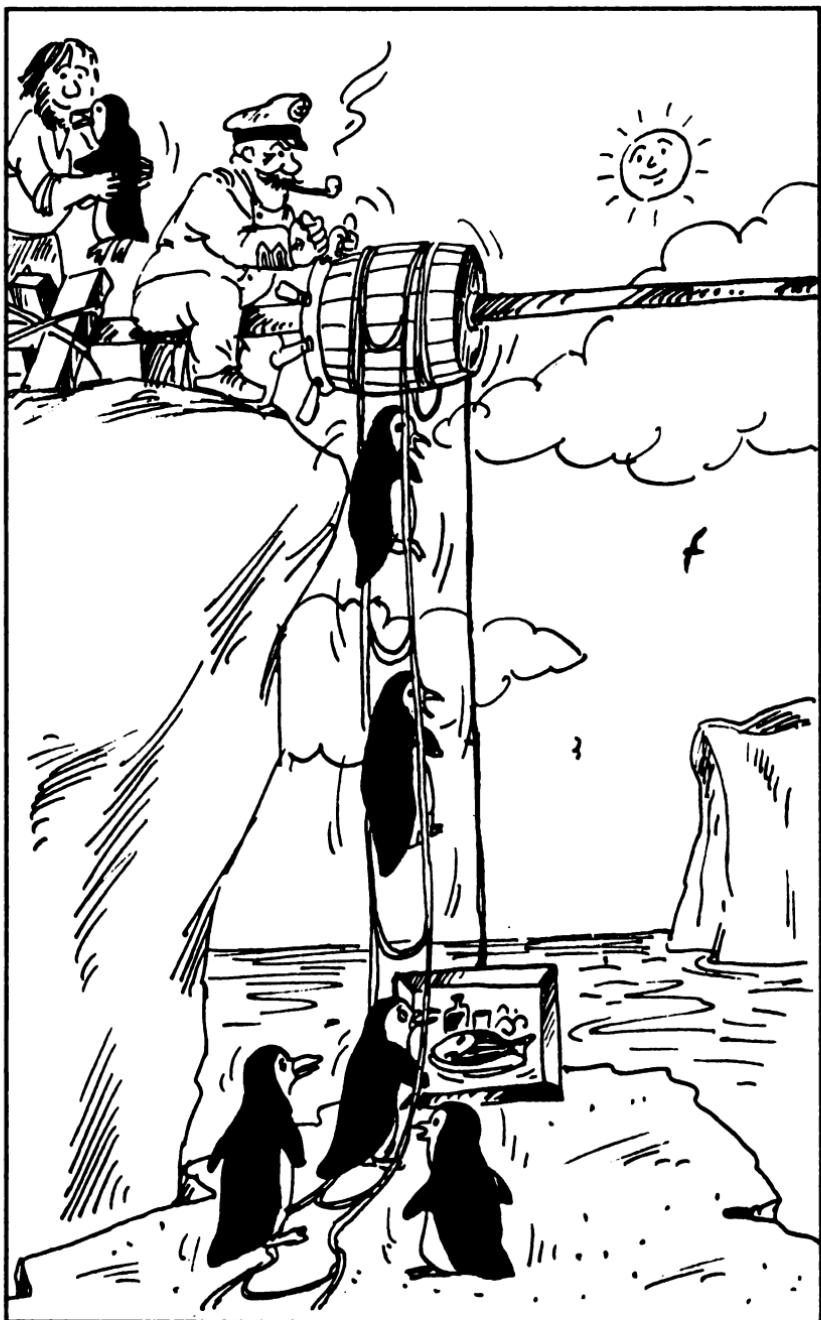
Ну, взяли пустую бочку, прибили к ней запасный штурвал, продолбили дырку в дне, насадили на мачту, а сверху перекинули штормтрапы, связанные бесконечной лентой. Опробовал я это сооружение на холостом ходу. Вижу — должно работать. Вот только приманки нет. Кто их знает, чем эти птички интересуются. Спустил ботинок — ноль внимания. Спустил зеркало — результат тот же. Шарф, мясорубку пробовали — ничего не помогает.

И тут меня осенило.

Я вспомнил — висит у нас в каюте картишка «Разварной судак под польским соусом». Это мне один художник подарил. Очень натуральное изображение.

И вот, знаете, спустил я эту картинку на шнурке. Пингвины заинтересовались, двинулись к краю льдины. Передний сунул голову в трап, тянется дальше — к судаку. Только просунул плавники, я крутанул бочку... Один есть!

И так-то славно дело пошло! Я сижу на мачте верхом, кручу бочку одной рукой, другой снимаю с конвейера готовую продукцию, передаю Фуксу, тот Лому, а Лом считает,

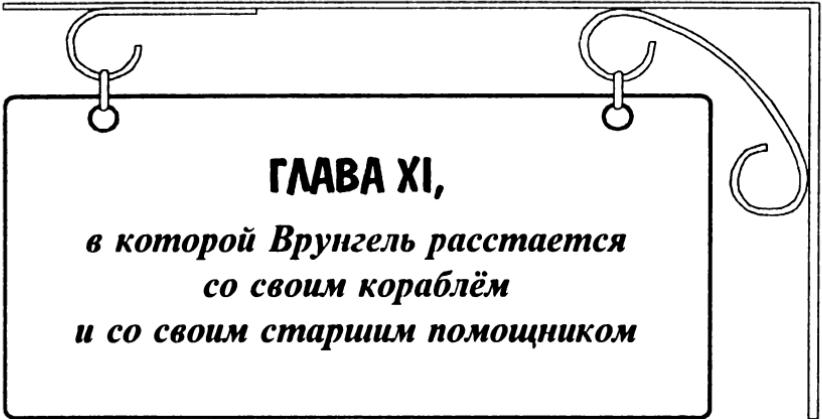

записывает и выпускает на берег. Часа за три весь остров заселили.

Да. Ну, закончили пингвинозаготовку, и совсем по-другому жизнь пошла. Пингвины бродят по скалам, кругом птичий гомон, суета... Шумно, весело... Лом оживился, подвязал фартук, собрался стряпать. Первого пингвина зажарили на вертеле, и мы тут же, стоя, отведали, заморили червячка. Потом стали помогать Лому, натаскали дров целую гору. Он отобрал что посуше, развел костер. Ну, доложу вам, и костер! Дым столбом, как из вулкана, скалы раскалились, только не светятся. Тут на вершине острова был небольшой ледничок, так он от жары растаял, понимаете, разогрелся, получилось этакое кипящее озеро. Ну, я решил воспользоваться и устроить баньку. Сперва постирали, развесили одежду для просушки, а сами сидим паримся. И тут я недосмотрел. Не следовало бы особенно увлекаться. Антарктика как-никак. Погода там неустойчивая, нужно бы учесть это, а я пренебрег, сам еще дровишек подкинул. Я люблю, знаете, баньку погорячее.

Тут вскоре и результат последовал. Скалы горячие, не ступишь. Жар пошел кверху, гудит, как в трубе. И, понятно, нарушилось равновесие воздушных масс. Налетели холодные атмосферные течения, нагнало тучи, хлынуло. Вдруг как грязнет!

ГЛАВА XI,

*в которой Врунгель расстается
со своим кораблём
и со своим старшим помощником*

Оглушенный и ослепленный, я не сразу пришел в себя. Потом очнулся, смотрю — пол-острова вместе с яхтой как не бывало. Только пар идет. Кругом бушуют ветры,носится клочьями туман, море кипит и вареные рыбки плавают. Не выдержал раскаленный гранит быстрого охлаждения, треснул и разлетелся. Лом, бедняга, видимо, погиб в катастрофе, и судно погибло. Словом, конец мечтам. А Фукс — тот выкрутился. Смотрю, вцепился в какую-то доску и кружится на ней в водовороте.

Ну, тут, знаете, и я — раз-раз саженками! — подплыл к подходящей дощечке, улегся и жду. Потом море несколько утихло и ветер спал. Мы с Фуксом понабрали вареной рыбы до полного груза, сколько доски выдержали, сблизились друг с другом и отдались на волю стихии. Я свернулся калачиком на доске, ноги

и руки подобрал, лежу. И Фукс так же устроился. Плырем рядышком по воле волн в неизвестном направлении, перекликаемся:

— Хау ду-ю-ду, Фукс? Как у вас?

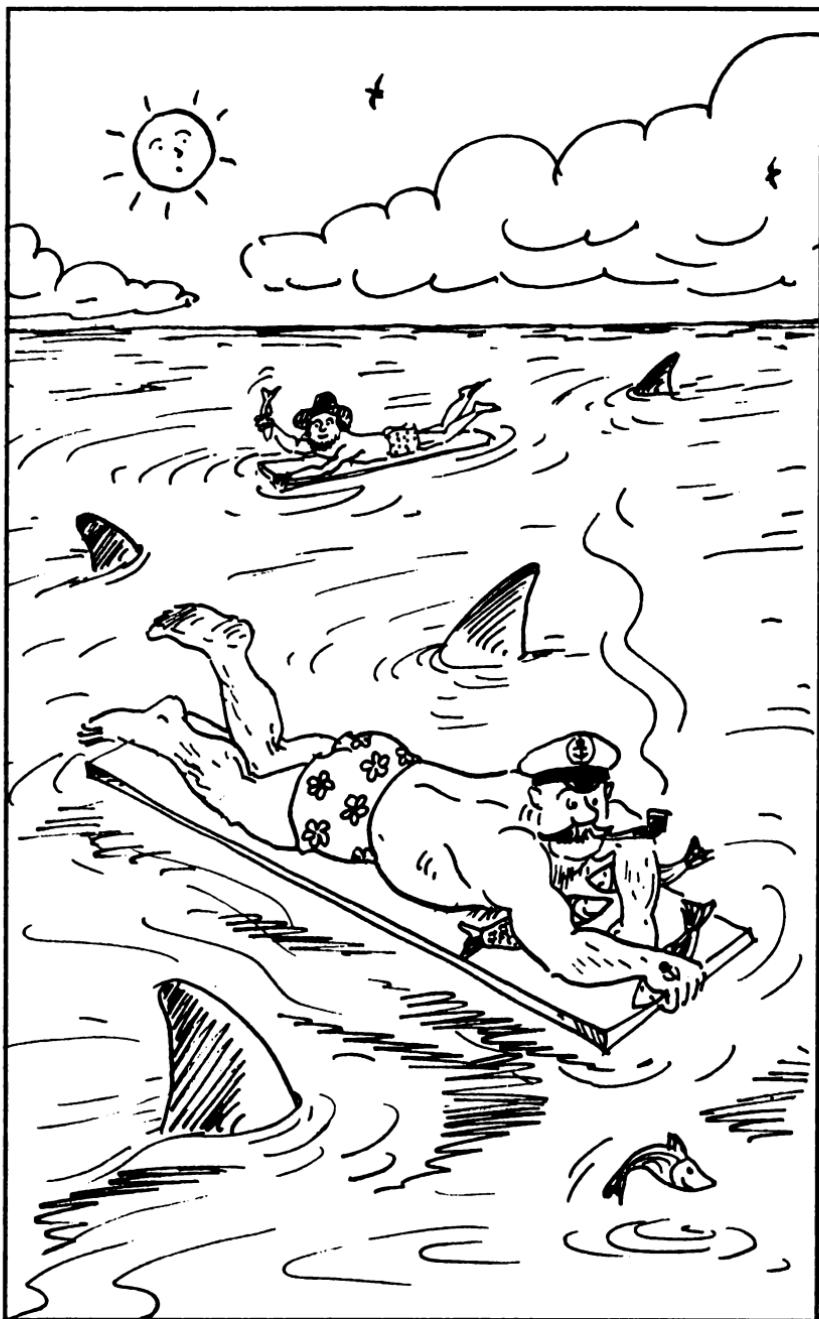
— Олл райт, Христофор Бонифатьевич! Все в порядке!

В порядке-то в порядке, но все-таки, доложу вам, печальное это было плавание. Холодно, голодно и тревожно. Во-первых, неизвестно, куда вынесет, да и вынесет ли куда? А во-вторых, тут и акулы могут быть, так что лежи на доске, не двигайся. А начнешь маневрировать — привлечешь внимание хищников. Налетят — и не заметишь, как руки или ноги недосчитаешься.

Да. Плырем так в праздности и в унынии. День плывем, два плывем... Потом я со счету сбился. Календаря с собой не было, и мы с Фуксом для контроля каждый отдельно дни считали, а по утрам сверялись друг с другом.

И вот однажды в ясную ночь Фукс спал, а я, удрученный бессонницей, решил произвести наблюдения. Конечно, без приборов, без таблиц степень точности такого определения весьма относительна, но одно мне удалось установить безусловно: как раз в эту ночь мы пересекли линию дат.

Вы, наверное, слыхали, молодой человек, что море в этом месте ничего особенного не

представляет и самую линию увидеть можно только на карте. Но для удобства плавания как раз тут проделывают некоторые фокусы с календарем: при плавании с запада на восток два дня считают тем же числом, а при плавании с востока на запад проделывают обратное действие — один день вовсе пропускают и вместо «завтра» считают сразу «послезавтра».

И вот утром я бужу Фукса и после взаимных приветствий говорю ему:

— Вы имейте в виду, Фукс, что у нас сегодня — завтра.

Он на меня глаза вытаращил. Не соглашается.

— Что вы, — говорит, — Христофор Бонифатьевич! В чем, в чем, а в арифметике вы меня не съебете.

Ну, я попытался объяснить ему.

— Видите ли, — говорю, — арифметика тут ни при чем. В плавании следует руководствоваться астрономией. Вы вот ночь спали, а я тем временем по Рыбам произвел определение.

— Я, — кричит Фукс, — тоже при помощи гастрономии, по рыбам! Вчера у меня три рыбы было, а сегодня одна рыбина и хвост... А у меня паек точный: полторы рыбы в день.

Ну, вижу — явное недоразумение. Я имел в виду созвездие Рыб, а Фукс не расслышал

половины и по-своему понял. Я попытался ему объяснить.

— Вот, — кричу, — Фукс! Смотрите: что у вас прямо над головой?

— Шляпа.

— Да не шляпа, — говорю. — Сам вы шляпа! Зенит у вас над головой.

— Ничего у меня не звенит! — кричит Фукс. — А у вас если звенит, так это бывает от голода.

— Ладно, — говорю, — под вами что?

— Подо мной доска.

— Да нет, — говорю я, — не доска, надир...

— Нет, моя гладкая...

Словом, вижу, так ничего не выйдет. Ладно, думаю, дай я с другой стороны подойду к вопросу.

— Фукс, — кричу, — как, по-вашему, какова приблизительно широта нашего места?

Другой бы, более просвещенный в науках слушатель прикинул бы на глазок, определил бы широту по счислению; ну сказал бы там: сорок пять градусов зюйд... А Фукс четвертями измерил свою доску:

— Сантиметров сорок пять будет!

Словом, я понял: ничего из моих лекций не выйдет. Обстановка не та. Да и не до лекций, признаться. Ну, и, чтобы не возбуждать бесцельных споров, я приказал совсем прекратить счет дней. Если вынесет куда, спасемся, там

нам скажут и день и число, а здесь, в море, по существу, безразлично, когда тобой акула полакомится: вчера или послезавтра, третьего числа или шестого.

Словом, долго ли, коротко ли, как говорит-ся, плыли мы, плыли, и вот однажды я просыпаюсь, гляжу — земля на горизонте. По очертаниям — будто Сандвичевы острова. К вечеру подошли поближе, так и есть: Гаваи.

Удачно, знаете. Прекрасное это местечко. В старину, правда, здесь было не очень спокойно: кто-то кого-то тут ел. Капитана Кука вот съели...

Ну, а теперь-то давно уж туземцы вымерли, белым есть некого, а белых есть некому, так что тихо. А в остальном здесь рай земной: богатая растительность, ананасы, бананы, пальмы. А главное — пляж Уайкики. Со всего мира туда собираются купальщики. Там прибой замечательный. На его волнах местные жители, стоя на досках, катались.

Конечно, это тоже когда-то было... Но все-таки знаете, молодцы: стоя! А мы что? Лежим барахтаемся, как котята. Мне даже неловко стало. И вот я выпрямился во весь рост, руки расставил, и представьте — удержался. Отлично удержался!

Тогда и Фукс на своей доске встал. Держится за шляпу, чтобы не слетела, балансирует. И вот этаким манером, наподобие

морских полубогов, мы несемся в бурунах, в брызгах пены. Берег ближе, ближе, вот волна лопнула, рассыпалась, а мы, как на салазках, так и выкатились на пляж.

ГЛАВА XII,

*в которой Врунгель и Фукс
дают небольшой концерт,
а затем торопятся в Бразилию*

На берегу нас окружили какие-то дачники в купальных костюмах. Смотрят, аплодируют, фотографируют, а у нас, признаться, вид самый жалкий. Уж очень как-то непривычно без формы и без знаков различия. Так неудобно, что я решил скрыть свое имя и положение и оставаться, так сказать, инкогнито...

Да. Ну, приложил пальцы к губам, показываю Фуксу жестом: молчите, мол. Но как-то неудачно, неловко это у меня получилось, вроде воздушного поцелуя... На берегу новый взрыв восторга, аплодисменты, все кричат:

— Браво! Виват!

А я ничего не понимаю, однако делаю вид, будто вовсе и не удивлен, молчу, а сам жду, что дальше будет.

Тут подходит какой-то паренек в пиджачке и начинает объяснять публике:

— Вот, мол, хотя и существует распространенное мнение, будто туземцы Сандвичевых островов со времен цивилизации вымерли, однако это неверно. Дирекция пляжей Уайкики, стремясь доставить удовольствие публике, отыскала двух живых гавайцев, которые только что продемонстрировали прекрасный вид стариинного национального спорта.

Я слушаю, молчу, и Фукс молчит. Этот, в пиджачке, тоже помолчал, потом прокашлялся и пошел чесать, как по книжке:

— Туземцы Сандвичевых островов, гавайцы, или канаки, как их еще называют, отличаются стройным телосложением, мягким характером и природными музыкальными способностями...

Я на себя это описание примерил, вижу — что-то не то. Ну, характер действительно у меня мягкий, а что касается сложения и музыкальных способностей — это уж он напрасно... Я хотел было возразить, но смолчал. А он не унимается, продолжает:

— Сегодня вечером эти канаки дадут концерт на гавайских гитарах. Билеты продаются в кассе летнего театра, цены умеренные,

в фойе танцы, буфет, прохладительные напитки...

Да. Ну, он еще поговорил, потом берет нас под руки, отвел в сторонку, спрашивает:

— Ну как?

— Да ничего, — отвечаю я, — благодарю вас.

— Вот и прекрасно! А где вы остановились, позвольте поинтересоваться?

— Пока, — говорю, — в Тихом океане, а что дальше будет, не знаю. Не нравится мне, признаться...

— Ну что вы! — возражает он. — «Тихий океан» — первоклассная гостиница. Лучше вы вряд ли найдете. Уверяю вас. А сейчас, прощите, пора уже ехать, через полчаса начало.

И вот, знаете, усадил он нас в машину, повез куда-то. Там нам дали гитары, украсили цветами, вывели на эстраду, раздернули занавес...

Ну, я вижу, нужно петь. А что петь? Я, как назло, смутился, все песни забыл. И Фукс на что тертый парень, а тоже растерялся, смотрит на меня, шепчет:

— Запевайте, Христофор Бонифатьевич, я подтяну.

Посидели мы минут десять, молчим. А публика в зале волнуется, негодует — того и гляди, начнется скандал. Ну, я закрыл глаза, думаю: «Эх, будь что будет...» Ударил по струнам и басом:

Сидела птичка на лугу...

А что дальше петь, и не знаю.

Хорошо, Фукс выручил — подтянул диктантом:

Подкралась к ней корова...

А тут уж мы оба, хором:

Ухватила за ногу.

Птичка, будь здорова!..

И, представьте, бурные аплодисменты сорвали.

Потом вышел на эстраду конферансье.

— Вот, — говорит, — эта старинная туземная песня, слова которой говорят о забытом способе охоты на птиц, как нельзя лучше отражает смысл гавайской музыки...

Да. Ну, потом еще на «бис» спели, раскланялись и пошли в контору. Там уплатили нам за выступление. Вышли мы, а куда идти? И пошли мы назад, к морю. Все-таки как никак родная стихия, да и костюмы у нас для пляжа самые подходящие.

Идем по песочку. На пляже ни души. Поздно уже. Потом видим — какие-то двое все-таки сидят. Мы подошли к ним, разговорились. Они на порядки жалуются.

— Черт знает что такое! — говорят. — Мы артисты, подписали контракт изображать здесь гавайцев. Месяц целый учились на досках по морю ездить, песни разучили, а вот, сами видите...

Тут я все понял. Хотел было объясниться, вдруг, понимаете, ветер швырнул мне под ноги обрывок газеты. А я давненько газеты в руках не держал. Не погнулся, подобрал. Встал под фонарем и углубился в чтение. И, поверите ли, смотрю — фотография, на фотографии — мой старший помощник Лом, тут же «Беда» и трагическое описание крушения у берегов Бразилии. И о Фуксе и обо мне несколько слов. Да какие еще слова! Я даже слезу пустил — до чего трогательно: «Отважные мореплаватели...», «Пропали без вести...»

Да. И тут же рядом в газете объявление: «Пользуйтесь воздушным сообщением тихоокеанских линий. Регулярные рейсы в Штаты и в Бразилию».

— Вот что, Фукс, — говорю я, — пойдите-ка купите билеты на самолет в Бразилию да закажите что-нибудь из одежды. Мне китель и шинель, а себе — по усмотрению.

Фукс рад стараться, умчался, а я тут, на пляже, остался — этих фальшивых гавайцев развлекать... А то пойдут еще в театр, выяснится все это дело, скандал получится, задержка, неприятности...

— Послушайте, — предлагаю я, — день у вас все равно пропал, так, чем здесь сидеть, возьмем лучше лодочку да покатаемся. Смотрите — погода какая, тепло, луна светит...

Ну, и уговорил. А тут и Фукс вернулся, докладывает об успехах:

— Костюмы заказал, нынче же будут готовы, а вот с билетами, Христофор Бонифатьевич, худо. Взял один билет на завтрашний вечер, а больше и нет, все места проданы...

— Ладно, — говорю я, — мы это положение после обдумаем, а сейчас поедем покатаемся.

Ну, взяли лодочку и поехали. И так славно покатались! Ночь катались, весь день катались, осмотрели все окрестности и вернулись как раз вовремя: два часа до отлета самолета осталось. Распрощались мы с этими артистами, побежали к портному, а он, негодяй, запил, что ли, но только ничего не сшил.

Я, знаете, возвысил голос, отчитываю его, а он только руками разводит.

— Помилуйте, — говорит, — я вас вчера ждал, вчера бы и приходили, а сегодня у меня ничего не готово.

Я вижу — проку не будет с такой логикой.

— Давайте, — заявляю, — что есть. Не в трусах же мне лететь, в самом деле!

Ну, он порылся в шкафу, достает макинтош.

— Вот, — говорит, — только и осталось из готового. Это мне прошлый год один джентльмен заказал, да что-то не берет.

Я посмотрел — материал добротный и покрой модный.

— Ладно, — говорю, — я беру, получайте, сколько следует. Забрал макинтош и пошел.

— Вы бы, — советует Фукс, — его все-таки примерили. А то вдруг не впору.

Ну, я вижу, дельный совет. Встал тут же в тени баньяна, развернул обновку, накинул. Смотрю, понимаете, новое несчастье: тот джентльмен, заказчик, или был вдвое выше меня, или на рост шил, уж и не знаю. Только на мне его макинтош несколько странно сидит.

И делать нечего. Назад нести — все равно ничего не подберешь, снизу отрезать — уж очень некрасиво получится, в самолет в таком виде, чего доброго, не пустят, а так носить — это и шагу не ступишь, в полах запутаешься. Но придумывать что-то нужно, да поскорее, а то самолет улетит, билет пропадет, и вовсе здесь застрянем.

И тут, знаете, Фукс, молодец, не растерялся.

— О, — говорит, — да ведь это же замечательно! Мы в этом макинтоше по одному билету вдвоем улетим. Только разрешите, присядьте немножечко... Так... Подставьте плечи...

Ну, и, знаете, взгромоздился на меня, напялил это пальтишко, застегнул на все пуговицы, одернул.

— А теперь, — говорит, — полный вперед, да поскорее, а то что-то нами полисмен интересуется.

Пошли. Пришли в аэропорт, к самолету. Фукс предъявил билет, нас провели, показали место. Ну, уселись кое-как, — собственно, я уселся, а Фукс стоит на сиденье и головой подпирает потолок.

Я посмотрел в щелочку, вижу — и остальные пассажиры на местах. Всего, кроме нас, пять человек. В самолете чистота, зеркала, различные удобства, публика вроде приличная...

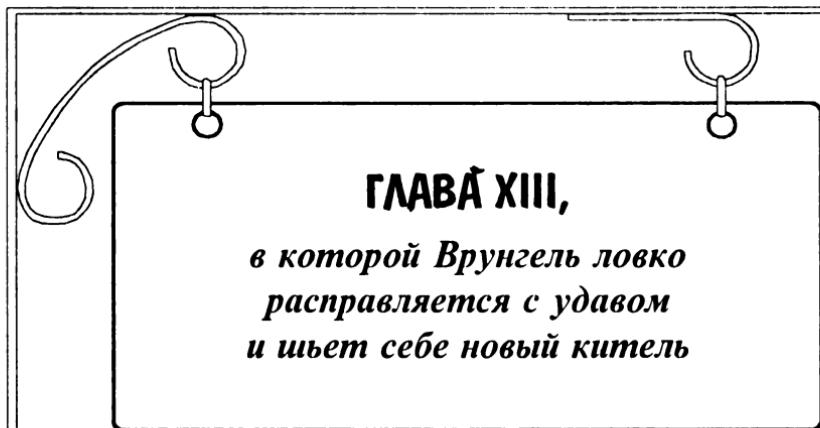
Потом заревели моторы, самолет разбежался, хлоп, хлоп по воде, поднялся. Летим, ночь кругом. В небе звезды. Моторы ревут, а в остальном все спокойно. Пассажиры уснули, я тоже вздрогнул, один Фукс бодрствует во всей кабине.

До утра так пролетели, а утром проснулись. Я смотрю в свою щелочку, прислушиваюсь — в кабине заметное оживление, все липнут к окнам, показывают друг другу и, судя по поведению, любуются видами Кордильер. Фукс тоже склонился к окну, а я волей обстоятельств принужден пропускать такое редкое зрелище и сидеть в темноте, как какой-нибудь преступник в тюрьме.

И так, знаете, обидно стало и скучно! Я сам себя утешаю, думаю: пусть смотрят на здоровье, а я найду занятие. Достал трубочку, набил, закурил, задумался. Вдруг слышу — паника в кабине. Пассажиры повскакали с мест, кричат, и чаще других раздается слово «пожар».

Я чувствую, Фукс меня бьет пятками по бокам, как осла. Я его ущипнул, а сам выглянул посмотреть... и все понял. Дым от моей трубки валит изо всех отверстий и действительно создается впечатление пожара.

Я вскоре вытряс пепел, трубку — в карман, прижал огонь каблуком. Сижу, молчу. А тут летчик просунул голову в кабину, и я несколько воспрянул духом. Все-таки, думаю, бывалый человек, наверное, не в такие

переделки попадал — не терялся, успокоит их, и все уладится... А он, представьте, и сам струсили.

Смотрю — побледнел, ахнул, ухватился за какой-то рычаг... Трах! Ну, затем шум моторов утих, только слышно — ветер свистит. Потом хлопнуло где-то вверху, как из пушки, кабина вздрогнула, рванулась и тихо стала приземляться.

Пассажиры недоумевают, а я сразу догадался, в чем дело. Теперь-то этим никого не удивишь. А в то время это было последнее слово техники: устроили такое приспособление на самолетах. Называется: «Ступай вниз». Если какая авария — взрыв, пожар или крыло отвалится, — летчик одним движением отделяет кабину, и она самостоятельно опускается на парашюте. Полезное приспособление, что и говорить, но в данном случае применение его было явно преждевременным.

В другой обстановке я бы поспорил с летчиком, указал бы ему на ошибку, но тут, сами понимаете, делать нечего. Самолет летит дальше, по генеральному курсу, только крылья сверкают.

Мы не торопясь садимся все ниже. Дым от трубки несколько рассеялся, но пассажиры и не думают успокаиваться. Напротив, смотрю — волнение растет, переходит, можно

сказать, в тихую панику, и Фукс нервничает: того и гляди, вскочит с места.

Один я сохранил спокойствие и соображаю: рейс, конечно, прерван, билеты дальше недействительны, но один из нас, как ни верти, все равно «заяц», и при посадке придется давать объяснения. А это нежелательно. Начнутся расспросы, поиски виноватого, предстанет дело так, что я причина аварии, а тогда и не раздelaешься.

И я, знаете, решил прикинуться посторонним. А тут и момент самый подходящий: внимание у пассажиров ослаблено, каждый думает о себе, многие вовсе лишились чувств, и как раз над нами люк в потолке кабины...

Вам, молодой человек, не приходилось плакать по Амазонке? Нет. Вот и прекрасно, и не стремитесь. Не рекомендую.

А мне, знаете, пришлось.

Вылезли мы с Фуксом через люк, осмотрелись. Видим — под ногами река, кабина спускается ниже... ниже... Сели.

Ну, я склонился над люком, кричу:

— Добро пожаловать, господа! Рад приветствовать вас в столь диких и недоступных местах.

Тут и пассажиры стали вылезать поодинечке. Видят — посадка совершилась благополучно, стали успокаиваться, смотрят на нас

во все глаза. Ну, я вижу, настал момент взаимных представлений. Вы сами понимаете, правду я сказать не могу, приходится изворачиваться.

— Так вот, — говорю, — господа: я, разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую тут с научной целью. А это мой слуга и проводник индеец Фукс. Будем знакомы. Я здесь обжился, привык. Уж вы позвольте мне считать вас своими гостями.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отвечают они. — Очень приятно.

А сам вижу — не верят. Косятся на нас... Да и понятно: какой уж профессор в трусиках? Я чувствую, нужно их занять разговором, сказать что-нибудь значительное, отвлечь внимание.

— Простите, — спрашиваю, — а здесь все прибывшие?

Они переглянулись, потом кто-то заявляет:

— Был еще один высокий джентльмен.

— Был, был, — подтвердили другие, — он еще загорелся...

— Ах, вот как! Особенно интересно. Нука, Фукс, — говорю, — спуститесь вниз, посмотрите, не нужна ли помочь пострадавшему.

Фукс залез в кабину, потом вылезает и подает щепотку пепла: вот, мол, все, что осталось.

— Ах, — говорю я, — какое несчастье! Высокий джентльмен, видимо, сгорел дотла. Ну что же поделаешь, мир праху его... А теперь, господа, давайте вытащим парашют, он еще пригодится.

Ну, разобрали стропы, тянем, как невод. Я командую:

— Раз, два, взяли! Вира помалу...

Вижу, они стараются, но с непривычки дело плохо идет.

Вдруг смотрю — побросали стропы, бегут назад на корму, так сказать, столпились там и дрожат от страха. Фукс, тот вовсе нырнул в люк, выглядывает оттуда, показывает на парашют. А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

— Ай, мама!

Ну, я обернулся и вижу — действительно «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать. Свернулся клубком, как в гнезде, смотрит на нас, выбирает жертву.

А у меня никакого оружия, одна трубка в зубах...

— Фукс, — кричу я, — подайте-ка что-нибудь потяжелее!

Тот высунулся из люка, подает какой-то снаряд. Я прикинул — ничего, увесистая штучка.

— Давайте еще! — кричу, а сам встал наизготовку, нацелился...

И удав тоже нацелился. Разинул пасть, как пещеру... Я размахнулся — и прямо туда.

Да только что удаву такая пустяковина? Проглотил, понимаете, как ни в чем не бывало, даже не поморщился. Я второй снаряд туда же, он и его проглотил. Я бросился к люку, кричу Фуксу:

— Давайте скорее все, что есть!

Вдруг слышу за своей спиной страшное шипение.

Обернулся, гляжу — удав раздувается, шипит, из пасти хлещет пена...

«Ну, — думаю, — сейчас бросится!»

А он, представьте, вместо этого неожиданно нырнул и пропал.

Мы все замерли, ждем. Минута проходит, вторая. Пассажиры на корме начинают шевелиться, шепчутся. Вдруг эта барышня опять становится в ту же позицию и — на всю Амазонку:

— Мама!..

И вот видим — всплывает над водой нечто: блестящий баллон огромных размеров, чудовищной формы, весьма оригинальной окраски. И все, знаете, пухнет, пухнет...

Вот, думаю, новое дело! Чему бы это быть? Даже страшно стало. Потом смотрю — у этого баллона живой хвост. Бьет по воде и так и

этак... Я как увидел хвост, так все и понял: снаряды-то эти были огнетушителями. Ну, встретились в пищеводе пресмыкающегося, столкнулись там, стукнулись друг о друга, разрядились и накачали удава пеной. Там знаете какое давление, в огнетушителях! Вот и раздулась змея, приобрела излишний запас плавучести, чувствует, что дело дрянь, хочет нырнуть, а живот не пускает...

У меня страх как рукой сняло. Я подошел к люку.

— Давайте, — говорю, — Фукс, выходите наверх. Опасность миновала.

Фукс вылез, любуется небывалым зрелищем, а пассажиры как услышали, что бояться нечего, бросились поздравлять друг друга, жмут мне руки. Только и слышно:

— Спасибо, профессор дорогой! Как это вы его?

— Да что! — отвечаю я. — Здесь, на Амазонке, ко всему привыкаешь. Удав — это пустяки, то ли еще бывает...

Ну и, знаете, после этого случая мой авторитет укрепился.

А тут, к счастью, и с костюмами дело уладилось. У барышни этой нашлась коробочка с рукоделием.

Я взял иголку, сшил себе китель из парашюта. Материал прекрасный, а вместо пуговиц я болты применил, отвинтил от кабины.

Ничего получилось, прочно и красиво, только вот без гаечного ключа не разденьешься. Ну, да это ведь мелочь, привыкнуть можно. А Фуксу готовый комбинезон нашли в аварийном запасе, точь-в-точь как был у него, только поновее.

Потом парусишки соорудили, мачту поставили, сделали руль. Пассажиры стоят вахту, плывем, промышляем черепах, ловим рыбку. Эта барышня стряпать выучилась...

В общем, так бы ничего, вот только судно неприспособленное: валкое, и ход у него неважный.

Да. Ну, плывем все-таки, продвигаемся кое-как на восток, к берегам Атлантики. Месяца полтора так плыли. И чего только не насмотрелись по дороге: и обезьян, и лиан, и каучуковых деревьев!.. Для любознательного путешественника, конечно, интересно, но тяжело. Прямо скажу: тяжело!

Тут и вообще-то климат не очень завидный, а мы еще в дождливое время попали. Парит, как в бане, день и ночь туманы, жара, кругом комарье тучами; хорошо еще, лихорадку никто не схватил.

ГЛАВА XIV,

*в начале которой Брунгель становится жертвой вероломства,
а в конце снова попадает на «Беду»*

Наконец все-таки прибыли в порт Пара. Причалили, высадились. Городишко, по совести говоря, неважный, так себе городишко. Грязно, пыльно, жара, по улицам собаки бродят. Но после дебрей лесов Амазонки и это в некотором роде очаг культуры. Хотя и то сказать — культура там несколько своеобразная: народ свирепый, воинственный, все с ножами, с револьверами, по улице пройти страшно...

Да. Ну, побрились мы, почистились после тяжелого похода. Спутники наши распорошились, сели на пароходы и разъехались кто куда. Хотели и мы с Фуксом поскорее отсюда выбраться, да ничего не вышло: без документов не выпускают. Ну, застряли мы с ним, как раки на мели, на чужом берегу, без крова, без определенных занятий, без средств к существованию. Думали работенку какую найти —

куда там! Только и есть вакансии на резиновых плантациях, но это опять надо на Амазонку, а мы уже там побывали, по второму разу что-то не тянет.

Побродили по городу туда-сюда и уселись на бульварчике под пальмой обсудить положение.

Вдруг подходит полицейский и приглашает нас к губернатору. Это, конечно, лестно, но я не любитель всех этих официальных приемов и встреч с высокопоставленными особами. Да тут ничего не поделаешь: приглашают — значит, надо идти.

Ну, приходим. Смотрим — сидит в ванне этакая туша с веером в руках, фыркает, как бегемот, плескается, сопит. А по бокам — два адъютанта в парадной форме.

— Вы, — спрашивает губернатор, — кто такие, откуда?

Я в общих чертах обрисовал положение, объяснил, как это все получилось, представился.

— Это, — говорю, — мой матрос Фукс, нанят в Кале, а я капитан Врунгель. Слыхали, наверное?

Губернатор, как услыхал, ахнул, ухнуя в ванну совсем с головой, веер свой уронил, пускает пузыри, захлебывается, чуть не погиб. Спасибо, адъютанты не дали потонуть, спасли. Ну, он отышался, прокашлялся, побагровел.

— Как, — говорит, — капитан Врунгель? Тот самый? Это что же теперь будет? Беспорядки, пожар, революция, выговор по службе?.. Ну, знаете, конечно, восхищен вашим мужеством и ничего не имею против вас лично, но как лицо официальное приказываю вам немедленно покинуть вверенную мне территорию и к сему препятствий чинить не буду... Адъютант, выдайте капитану разрешение на выезд.

Адъютант рад стараться, моментально сочинил бумагу, шлепнул печать, подает. А мне только того и надо. Я поклонился, взял под козырек.

— Спасибо, — говорю, — ваше превосходительство! Весьма признателен за любезность. Совершенно удовлетворен вашими распоряжениями. Разрешите откланяться?

Повернулся и вышел. Пошел и Фукс за мной. Идем прямо к пристани. Вдруг слышу — сзади какой-то шум, топот. Я обернулся, смотрю — человек сорок в штатском, в широкополых шляпах, в сапогах, с ножами, с ручными пулеметами бегут за нами, пылят, обливаются потом.

— Вон они, вон они! — кричат.

Гляжу — за нами охотятся. Мгновенно взвесил соотношение сил и вижу — делать нечего, надо бежать. Ну, побежали... Добежали до какой-то будочки. Я изнемог,

остановился дух перевести, сердце так и колотится — устал. А как же... и возраст и жара. А Фукс — тому хоть бы что, он легок был на ходу. Однако, смотрю, и он опечален событиями, побледнел, глаза бегают. Потом вдруг повеселел и так фамильярно хлопает меня по спине.

— Ну, — говорит, — капитан, стойте здесь. Я один побегу, а вас не тронут.

И пустился, только пятки сверкают.

Такого поступка я от него, признаться, не ожидал, расстроился даже. Эх, думаю, будь что будет... Одно спасение — лезть на пальму. Полез. А эта орава все ближе. Я обернулся, смотрю — народ дородный, свирепый, невоспитанный. Ну и струхнул, признался. Так напугался, что даже слабость почувствовал. Вижу — конец пришел. «Уж скорей бы», — думаю. Вцепился в пальму, повис, замер и вот слышу — они уже здесь, рядом, сопят, топчутся. И разговоры слышу: из разговоров я понял, что это за народ. Я-то думал, бандиты, разбойники, охотники за скальпами, а оказалось — просто жандармы, только переодетые. Не знаю, жара ли повлияла или другая какая причина, но губернатор, оказывается, спохватился, пожалел о своей любезности и приказал нас разыскать и линчевать на всякий случай.

Только, вижу, медлят они с этим делом. Минуту жду, десять минут. Не трогают. У

меня уже руки устали, дрожат, вот-вот сорвусь, упаду. Ладно, думаю, все равно один конец. Ну, и слез с пальмы... И, представьте, не тронули. Постоял, подождал — не трогают. Поншел не спеша — расступились даже, как от огня.

Ну, тогда побрел я опять на бульвар, сел под той пальмой, где мы с Фуксом сидели, и задремал. Да так задремал, что не заметил, как и ночь прошла. А утром на рассвете явился Фукс, разбудил меня, поприветствовал.

— Видите, капитан, — говорит, — не тронули вас.

— Да почему, объясните?

— А вот, — смеется он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакатик: череп с молнией, две кости и подпись: «Не трогать — смертельно!»

Где уж он этот плакатик подцепил, не берусь вам сказать, но надо думать, что в той будке, на бульваре, трансформатор стоял. Иначе откуда бы...

Да-с. Ну, посмеялись мы, побеседовали. Фукс, оказывается, времени зря не терял — взял билеты на пароход. А на пристани я предъявил свой пропуск, и нас отпустили без разговоров. Даже каюту предоставили и счастливого пути пожелали.

Мы расположились по-барски и отправились в Рио-де-Жанейро пассажирами.

Прибыли благополучно, высадились. Навели справки.

Оказывается, «Беду» тут, недалеко, выбросило на берег. Повредило, конечно, но Лом показал себя молодцом, все привел в порядок, поставил судно в стапеля, а сам зажил отшельником. Все ждал распоряжений, а мне, вы сами понимаете, распорядиться было трудненько.

Ну, мы с Фуксом наняли местный экипаж — этакую корзинку на колесах, — подхлестнули волов, поехали. Едем по берегу и наблюдаем печальную, но поучительную картину местных нравов: человек двести негров таскают кофе и сахар со склада на берег и прямо мешками в воду: бултых, бултых! А море не вода, а сироп. Кругом мухи, пчелы. Мы засмотрелись. Полюбопытствовали, что это за странное развлечение такое. Нам объяснили, что цены на сахар низкие, товары девять некуда, ну и таким вот образом исправляют экономику, поднимают уровень жизни. Словом, мол, все нормально, и иначе ничего не поделаешь.

Да. Поехали мы дальше. И вот видим — наша красавица «Беда» стоит на бережку, ждет твердой командирской руки, а рядом какой-то верзила разгуливает. Чистый разбойник: шляпа, как зонтик, на боку косарь, штаны с бахромой. Увидал нас — бросился. Ох, думаю, зарежет!

Но не зарезал, нет. Это Лом, оказывается, обжился здесь, нарядился по местной моде.

Ну, встретились, облобызались, поплакали даже. Вечерок поболтали: он о своих злоключениях рассказал, мы — о своих.

А с утра вышибли клинья из-под киля, спустили яхту на воду, подняли флаг. Я, признаюсь, даже слезу пустил. Ведь это, молодой человек, большая радость — очутиться на родной палубе. А еще большая радость, что дело продолжается. Можно двигаться смело в дальнейший путь. Только и осталось — отход оформить.

Ну, уж это я взял на себя. Прихожу к начальнику порта, «команданте дель бахия» по-ихнему, подал бумаги.

И вот этот команданте, как увидел меня, сразу надулся, как жаба, и принял кричать:

— Ах, так это вы капитан «Беды»? Стыдно, молодой человек! Тут сплошные доносы на вас. Вот адмирал Кусаки жалуется: какой-то остров вы там разрушили, кашалота обидели... и губернатор сообщает: самовольно покинули порт Пара...

— Как же так, — говорю, — самовольно? Позвольте, — и подаю свой пропуск.

А он и смотреть не стал.

— Нет, — говорит, — не позволю. Ничего не позволю. Одни неприятности из-за вас... убирайтесь вон!.. — потом как гаркнет: —

Лейтенант! Загрузить яхту «Беда» песком вплоть до полного потопления!

Ну, я ушел. Заторопился на судно. Прихожу. А там уже и песок привезли, и какой-то чиновник крутится, распоряжается.

— Это вашу яхту приказано загрузить песком? Так вы, — говорит, — не беспокойтесь, я не задержу, в одну минутку сделаем...

Ну, признаюсь, я думал, что тут-то наверняка конец. Потонет яхта, потом доставай. Но, представьте, и тут сумел использовать обстоятельства в благоприятном смысле.

— Стойте, молодой человек! — кричу я. — Вы каким песком хотите грузить? Ведь мне надо сахарным, первый сорт.

— Ах, вот как! — говорит он. — Ну что ж, пожалуйста, сию минутку.

И, знаете, те же негры побежали, как муравьи, загрузили яхту, забили трюм, надстройки, на палубу навалили сахар, прямо в мешках.

«Беда» моя, бедняжка, садится глубже, глубже, потом — буль-буль-буль... И глядим — только мачты торчат.

А потом и мачты скрылись.

Лом с Фуксом в горе глядят на гибель родного судна, у обоих слезы на глазах, а я, напротив, в отличном настроении. Приказал разбить лагерь тут на берегу. Пожили мы три дня, а на четвертый сахар растаял, смотрим —

яхта наша всплывает не торопясь. Ну, мы ее почистили, помыли, подняли паруса и пошли.

Только вышли, смотрю — на берег бежит комandanте с саблей на боку, кричит:

— Не позволю!

А рядом вприпрыжку старый знакомый, адмирал Кусаки, тоже ругается:

— Разве это работа, господин комandanте? За такую работу, пожалуйста, деньги обратно.

«Ну, — я думаю, — ругайтесь себе на здоровье». Помахал им ручкой, развернулся и пошел полным ходом.

ГЛАВА XV,

*в которой адмирал Кусаки
пытается поступить
на «Беду» матросом*

Из Бразилии наш путь лежал дальше на запад. Но через материк, сами понимаете, не пойдешь, и пришлось уклониться к югу. Я проложил курс, расставил вахты и пошел. Шли в этот раз прекрасно. Ветерок дул, как по заказу, из-под носа буруны, за кормой

дорожка, паруса звенят, снасти обтянуты. Миль по двести за сутки отсчитывали, а сами сложа руки сидели. Лом с Фуксом обленились совсем, дисциплина начала падать, и я решил занять экипаж судовыми работами.

— Ну-ка, — говорю, — Лом, довольно вам загорать. Займитесь-ка медными частями. Надрайте так, чтобы огнем горело.

Да. Ну, сказал. Лом козырнул: есть, мол. Натер кирпича, берет тряпку, и пошла работа.

Только я спустился в каюту вздремнуть, слышу — беспокойство на палубе. Вскочил, бросился к трапу, а навстречу Фукс. Бледный, дрожит.

— Пожалуйста, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, на палубу. У нас, кажется, пожар.

Выскочил я. Смотрю — и вправду: горит палуба в двух местах. А Лом как ни в чем не бывало сидит чуть поодаль от очагов огня и драит медную уточку. Только я пригляделся, смотрю — и тут палуба вспыхнула.

Я, знаете, растерялся даже.

— Лом, — кричу, — объясните, в чем дело?

А тот встает, берет под козырек и спокойно так рапортует:

— Согласно вашему приказанию, драю медные части так, чтоб огнем горело. Какие последуют распоряжения?

Я было хотел разнести Лома, да вовремя сдержался. Вижу — сам виноват. А как же, знаете, — писатель или, там, артист может, конечно, позволить себе некоторые вольности в выражениях, а у нас в морском деле — точность прежде всего. Нам стихи писать некогда. Отдаешь распоряжения — думай, что говоришь, а то попадешь на такого, как Лом, — человек он внимательный, аккуратный, привык исполнять команду в буквальном значении, к тому же и силушка у него богатырская, — так, знаете, и до аварии недалеко.

Ну, вижу, нужно исправлять последствия своей ошибки. И распорядился мигом:

— Оставить драить медные части! Пробить пожарную тревогу!

Фукс бросается к колоколу. Лом, согласно расписанию тревоги, остается у места возникновения пожара, а я в руле. Звону много, а толку никакого. Огонь ширится. Горит, как факел. Того и гляди, до парусов дойдет. Ну, я вижу, дело дрянь. Развернулся кругом, стал против ветра. И помогло, знаете. Сдуло огонь. Он у нас за кормой поболтался этаким огненным шлейфом, оборвался и погас. Фукс успокоился. И Лом понял, что перестарался. Да-с.

Ну, а затем легли на прежний курс, заменили дефектные части палубы, без дальнейших

приключений обогнули мыс Горн, прошли мимо Новой Зеландии и благополучно прибыли в Сидней, в Австралию.

И вот, представьте, подходим к портовой стенке и кого встречаем? Думаете, кенгуру, утконоса, страуса-эму? Нет! Подваливаем. Смотрю — на берегу толпа, а в толпе в первом ряду, — адмирал Кусаки собственной персоной.

Как он туда попал, откуда, зачем — черт его знает! Одно несомненно, что это именно он. Мне, признаюсь, стало неприятно и даже, знаете, как-то не по себе.

Ну, подошли, встали. Адмирал затерялся в толпе. А я, как только подали сходни, так сразу на берег, в порт. Представился властям, доложил о прибытии, побеседовал с чиновниками. Сперва, как полагается, о погоде, о здоровье, о местных новостях, а потом между разговором закидываю удочку: может, думаю, удастся узнать, что тут Кусаки делает и какую еще пакость готовит.

Чиновники, однако, ничего не сказали, со слались на неосведомленность. Ну, я поболтал с ними еще и отправился прямо к капитану порта. Поздоровался и объяснился на чистоту: меня, мол, один японский адмирал преследует.

— Один? — говорит тот. — Ну, мой дорогой, вам повезло. Я сам от этих японских

адмиралов не знаю, куда деваться, и ничего не могу предпринять. Не приказано ни помогать, ни противодействовать. Чем другим рад служить. Не угодно ли виски с лимонадом? Обедать ко мне пожалуйте, сигару, может быть, выкуриете? А с адмиралом вы как-нибудь сами улаживайте.

Да-с. Словом, вижу — неприятная история. Сейчас, конечно, японский адмирал для нас не фигура. Да, по правде сказать, мы их и тогда-то не сильно боялись, но все-таки, знаете, дела с ними иметь, прямо скажем, не очень любили.

Вот я вам про Италию имел случай рассказать. Там заправилы мечтали всю Африку к рукам прибрать, пол-Европы, четверть Азии... А на востоке японские бояре (самураи по-ихнему) так же вот размечтались — подай им весь Китай, всю Сибирь, пол-Америки.

Вообще-то, конечно, мечтать никому не запрещено. Полезно даже порой пофантазировать. Но когда такой вот фантазер нацепит погоны да сядет на боевом корабле у заряженной пушки — тут и неприятность может случиться... Размечтается да прицелится, прицелится да бахнет. Хорошо, как промахнется. А ну, как попадет? Да тут такое может случиться, что к ночи лучше и не вспоминать!

Вот поэтому мы стараемся таких фантазеров сторонкой обходить. Но прямо скажу —

не всегда это нам удавалось. Такие упрямые среди них попадались мечтатели, что другой раз и не отвяжешься. Вот и мне такой достался — господин Кусаки, адмирал. Как встретились тогда в китолюбивом комитете, так и прицепился, как репей.

И, конечно, не только в мои дела адмиралы эти нос совали. Им до всего было дело: там стравить кого с кем, там обобрать под шумок, там пошарить, там понюхать для интереса: где нефтью пахнет, где рыбой, где золотом?..

И, конечно, не мы одни понимали это. Но там на этих фантазеров сквозь пальцы смотрели — не помогали и не препятствовали. Так сказать, на развод берегли для остраски и для обеспечения взаимной безопасности.

Да-с. Ну, это я вам могу объяснить, а с капитаном порта такой разговор неуместен. Поблагодарил я его, распрошался. Так и ушел ни с чем и мер принять не сумел.

Вернулся на яхту, сел чайку попить. И вот смотрю — поднимается на борт маленький человечек, по всем признакам японский кули. В худеньком пиджачишке, с корзиночкой в руках. Робко так подходит и объясняет, что тут, в Австралии, погибает с голоду, и проситится на службу матросом. Да так настойчиво.

— Пойдете, — говорит, — по Тихому океану, там тайфуны, туманы, неисследованные

течения... Не справитесь. Возьмите, капитан! Я моряк, я вам буду полезен. Я и прачкой могу быть, и парикмахером. Я на все руки...

— Ладно, — говорю, — зайдите через час, я подумаю.

Ушел он. А ровно через час, смотрю, посольская машина останавливается невдалеке.

Ну, я взял бинокль и вижу — вылезает оттуда мой японец, берет корзиночку и не спеша направляется к судну. Кланяется этак почтительно и опять ту же песню:

— Возьмите... Не справитесь...

— Вот что, — говорю, — убедили вы меня. Вижу сам, что придется брать матроса. Но только не вас, молодой человек.

— Почему же?

— Да так, знаете, цвет лица у вас очень неестественный. У меня на этот счет взгляды несколько устаревшие, но вполне определенные: по мне, если уж брать арапа, так черного. Негра взял бы, папуаса взял бы, а вас, уж не обижайтесь, — не возьму.

— Ну что ж, — говорит он, — раз так, ничего не поделаешь. Простите, что я вас побеспокоил.

Поклонился и пошел. Вскоре и мы собирались прогуляться. Привели в порядок одежду, побрились, причесались. Яхту прибрали, каюту заперли. Идем все втроем по улице, наблюдаем различные проявления местного

быта. Интересно, знаете, в чужой стране. Вдруг смотрим — странная картина: сидит чистильщик-негр, а перед ним на четвереньках наш японец. И этот негр его начищает черной ваксой. Да как! Там, знаете, чистильщики квалифицированные, из-под щеток искры летят... Ну, мы сделали вид, будто нам ни к чему, прошли мимо, отвернулись даже. А вечером пришли на судно — Фукс с Ломом утомились, а я остался на вахте, жду, знаете, того негра; думаю, как бы его встретить получше.

Вдруг подают мне пакет от капитана порта. Оказывается, скучает стариk, приглашает на завтра составить партию в гольф. Я, признаюсь, даже и не знал, что это за игра. Но, думаю, черт с ним. Пусть проиграю, зато прогуляюсь, разомнусь на берегу... Словом, ответил, что согласен, и стал собираться.

Разбудил Лома, спрашиваю:

— Что нужно для гольфа?

Он подумал, потом говорит:

— По-моему, Христофор Бонифатьевич, нужны трикотажные гетры и больше ничего. Есть у меня рукава от старой тельняшки. Возьмите, если хотите.

Я взял, примерил. Брюки надел с напуском, китель подколол булавками в талии, и превосходно получилось: такой бравый спортсмен — чемпион, да и только.

Но для спокойствия я все-таки заглянул в руководство по гольфу, ознакомился. Вижу, игра-то самая пустяковая: мяч гонять по полю от ямки к ямке. Кто меньше ударов сделяет, тот и выиграл. Но одними гетрами тут не отделаешься: нужны разные палки, клюшки, дубинки — чем бить, и еще помощник-мальчик нужен — таскать все это хозяйство.

Ну, пошли с Ломом искать снаряжение. Весь Сидней насквозь прошли — ничего подходящего. В одной лавочке нашли хлысты, да тонки, в другой нам полицейские дубинки предложили. Ну, да эти мне как-то не по руке.

А дело уже к ночи. Луна светит. Этакие таинственные тени ложатся вдоль дороги. Я уже отчаялся. Где тут искать? Разве сучьев наломать?

И вот, видим — сад с высокой оградой и за оградой — различные деревья. Лом меня подсадил, перелезли, идем меж кустов.

Вдруг смотрю — крадется негр, верзила, и под мышкой тащит целый ворох палок для гольфа. Точь-в-точь такие, как в руководстве показаны.

— Эй, любезный, — кричу я, — не уступите ли мне свой спортивентарь?

Но он либо не понял, либо от неожиданности — только гикнул страшным голосом, схватил дубинку, взмахнул над головой — и на нас... Я, скажу не стыдясь, испугался. Но тут

Лом выручил: сгреб его в охапку и зашвырнул на дерево. Пока он слезал, я подобрал эти палки, рассматриваю, вижу — точь-в-точь, как в руководстве изображены. А работа какая! Я, знаете, просто размечтался, глядя, да тут Лом меня вывел из задумчивости.

— Пошли, — говорит, — Христофор Бонифатьевич, домой, а то что-то сырьо здесь, как бы не простудились.

Ну, перелезли снова через ограду, вышли, вернулись на судно. Я успокоился: костюм есть, клюшки есть, теперь один мальчик остался... Да вот совесть еще несколько неспокойна: неудобно человека ни с того ни сего так обездоливать. Но, с другой стороны, он сам первый напал, да и клюшки эти мне всего на денек нужны — в аренду, так сказать... Словом, с инвентарем дело кое-как утряслось.

А с мальчиком еще лучше уладилось: утром, чем свет, слышу — кто-то зовет смиренным голосом:

— Масса капитан, а масса капитан!

Я выглянул.

— Я, — говорю, — капитан, заходите. Чем могу служить?

И вижу — приятель, вчерашний японец, собственной персоной, но уже под видом чернокожего. Я-то его маскировку видел, а то бы и не узнал — до того он ловко свою наружность обработал: прическа-перманент под

каракуль, физиономия до блеска начищена, на ногах соломенные тапочки и ситцевые брюки в полоску.

— Вам, — говорит, — масса капитан, я слышал, негр-матрос нужен.

— Да, — говорю, — нужен, только не матрос, а бой для гольфа. Вот тебе клюшки, забирай, да пойдем...

Пошли. Капитан порта меня уже ждал. Уселись мы с ним в машину. Проехали с час.

— Ну, — говорит мой партнер, — начнем, пожалуй? Уж вы, надеюсь, как джентльмен не обманете меня в счете?

Он уложил свой мячик в ямку, размахнулся, ударил. Ударил и я. У него прямо пошло, а у меня в сторону. Ну, и загнал я свой мяч к черту на рога.

Кругом кусты, овраги, буераки, местность, что и говорить, живописная, однако сильно пересеченная. Негр мой измучился, да и понятно: палки тяжелые, жара, духота. С него пот градом, в три ручья, и, знаете, весь его грим поплыл, вакса растаяла, и он уже не на негра, а на зебру стал похож: вся физиономия желтая с черным, в полоску. Устал и я, признаюсь. И вот вижу — ручей течет, а там ручьи редкость.

— Давай-ка, — говорю, — вот здесь отдохнем, побеседуем. Тебя звать-то как?

— Том, масса капитан.

— Дядя Том, значит. Ну, ну. Пойдем-ка, дядя Том, умоемся.

— Ой, нет, масса, умываться мне нельзя: табу.

— А, — говорю, — ну, раз табу, как хочешь. А то бы умылся. Смотри-ка, ты весь полинял.

Не нужно бы мне этого говорить, да уж сорвалось, не воротишь. А он промолчал, только глазами сверкнул и уселся, будто палки перекладывает.

А я к ручью. Вода холодная, чистая — хрусталь. Освежаюсь, фыркаю, как бегемот. Потом обернулся, смотрю — он крадется, и самая тяжелая дубинка в руке. Я было крикнул на него, да вижу — поздно. Он, знаете, размахнулся — и в меня этой дубинкой. Попал бы — и череп долой. Но я не растерялся: бултых в воду!

Потом выглянула, вижу — он стоит, зубы оскалил, глаза горят, как у тигра, вот-вот бросится...

Вдруг что-то сверху хлоп его по прическе! Он так и сел. Я подбегаю, ищу избавителя — нет никого, только дубинка эта лежит... Поднял я ее, осмотрел, вижу — вместо фирменной марки на ней туземный святой изображен. Ну, тут я понял: вместо клюшек для гольфа я вчера бумеранги у папуаса отобрал. А бумеранг знаете какое оружие? Им без

промаху надо бить, а промахнулся — смотри в оба, а то вернется и как раз вот так хлопнет по черепу. Да.

Ну, осмотрел я дядю Тома. Слышиу — пульс есть, значит, не смертельно. Взял его за ноги и потащил в тень. Тут, понимаете, у него из кармана вываливаются какие-то бумажки. Я подобрал, вижу — визитные карточки. Ну, читаю, и что бы вы думали? Черным по белому так и написано:

ХАМУРА КУСАКИ
адмирал

«Вот ты, — думаю, — где, голубчик! Ну, полежи, отдохни, а мне некогда, игру надо продолжать, а то партнер обидится».

Да. Ну, пошел дальше, гоню мяч и сам не рад, что связался с этим гольфом, но отступать не в моем характере. Бью, считаю удачи. Тяжеленько, знаете. С помощником еще туда-сюда, а одному просто зарез: ударить надо посильнее, и мяч отыскать, и палки тащить. Ноги ноют, руки не слушаются. В общем и целом получается, что не я мяч гоняю, а он меня. Ну, и загнал: кругом болотце, осока, какая-то речка течет, кочки на берегу.

«Так, — думаю, — сейчас до речки догоню, отдохну, искупаюсь».

Размахнулся, ударил. Вдруг все эти кочки повскакали и давай прыгать...

Это, оказывается, не кочки были, а стадо кенгуру. Видимо, испугались — и врассыпную. А мяч мой одной кенгурихе со всего размаху в сумку. Она взвизгнула да как пропустит... И хвостом и ногами работает. Передними лапами держится за сумку и мимо меня прыг, прыг... Ну, что тут делать? Я бросил палки — и за ней. Нельзя же мяч потерять. И такая получилась скачка с препятствиями, что до сих пор вспомнить весело. Сучья под ногами хрустят, камни разлетаются... Я устал, но не сдаюсь, не выпускаю ее из поля зрения. Она присядет отдохнуть, и я присяду; она в путь, и я в путь...

И вот животное, знаете, растерялось, сбились с курса от страха. Ей бы в чащу, в кусты, а она на чистое место, на шоссе, прямо к Сиднею.

Вот уж и город видно, сейчас улицы начнутся. Народ на нас смотрит, кричит, полицейский на мотоцикле гонится, засвистел... Тут, видимо испугавшись, животное делает этакую фигуру в воздухе, наподобие мертвой петли. Мяч мой выскакивает из сумки, я бросаюсь за ним, наклоняюсь и в ту же секунду получаю чувствительный толчок пониже

спины. Ну, доложу вам, и ощущение! Прямо, как говорится, «ни встать, ни сесть».

Но я все-таки встал, отряхнулся. Тут народ кругом: сочувствуют, предлагаю помощь, а мне не помочь, мне палка нужна: мяч тут, и ямка уже недалеко, а бить нечем. Ну, и сжались один джентльмен, дал свою тросточку. На восемьдесят третьем ударе я закончил игру.

Капитан порта просто разахался.

— Поразительный, — говорит, — результат! Вы подумайте: такой трудный участок, и неужели всего восемьдесят три удара?

— Так точно, — отвечаю я, — восемьдесят три, ни больше, ни меньше...

А про кенгуру я умолчал. В руководстве о кенгуру ничего не сказано, в правилах игры тоже. И выходит, что если животное непреднамеренно оказалось помошь, так это уж, знаете, его дело.

ГЛАВА XVI

O дикарях

Поговорили мы с капитаном порта о местных новостях, о достопримечательностях. Он меня в музей пригласил. Пошли.

Там действительно есть что посмотреть: модель утконоса в натуральную величину, собака динго, портрет капитана Кука...

Но только я задержу внимание на какой-нибудь детали, мой спутник тянет меня за рукав и дальше влечет.

— Идемте, — говорит, — я вам самое главное покажу: живой экспонат, вождь дикарей в полном вооружении, особенно интересно...

Ну, входим в зал. Там сделан этакий загончик, вроде как в зоопарке, и разгуливает здоровенный папуас с удивительной прической на голове... Увидел нас, издал воинственный возглас, взмахнул дубинкой над головой... Я было попятился. А потом вспомнил тех артистов в Гонолулу и, по правде сказать, согрешил. «И этот, — думаю, — тоже, наверное, артист». Ну и решил расспросить потихоньку, без свидетелей, как это он до такой жизни дошел.

— Спасибо, — говорю, — за компанию, очень здесь интересно. Но вас я не смею задерживать, а сам, с вашего позволения, еще посмотрю...

И остались мы с папуасом наедине. Разговорились.

— А вы, — спрашиваю, — признайтесь, настоящий папуас или так?

— Ну, что вы, — отвечает тот, — самый настоящий, сын вождя, учился в Оксфорде, в

Англии. Окончил университет с золотой медалью, защитил диссертацию, получил звание доктора прав, вернулся на родину... А тут работы по специальности нет... Жить не на что, вот и поступил сюда...

— Вот как! И хорошо зарабатываете?

— Да нет, — отвечает он, — не хватает. Ночью еще по совместительству городской сад стерегу. Там лучше платят и работа полегче. Тут тихо. Вот только вчера какие-то дикари напали, отняли бумеранги. Сегодня не знал, с чем и на службу идти. Хорошо, догадался: у меня со студенческих лет набор палок для гольфа остался, с ними и пошел. И ничего, не замечает публика...

Да. Ну, рас прощались. Тут бы можно и покинуть Австралию, но у меня остался долг чести, так сказать: вернуть оружие вождю папуасов и посмотреть, что с моим адмиралом.

И вот, знаете, снарядились мы по-походному, яхту сдали под надзор портовых властей, а сами отправились все втроем.

Идем в глубь страны по следам недавних событий, читаем книгу природы; вот здесь я за кенгуру гнался, вот здесь ручей, здесь бумеранг лежал, здесь сам Кусаки... Однако нет ни того, ни другого. А здесь я последние палки бросил. Но и тут, знаете, пусто. Как корова языком слизнула.

Ну, побродили, обыскали все кругом. Тот же результат. Только с дороги сбились. В море-то я хорошо ориентируюсь, а на суше, бывает, и заблужусь. А тут кругом пустыня — ориентиров нет. К тому же жара и голод... Фукс с Ломом ропщут потихоньку, а я креплюсь: положение обязывает, как ни говорите. Да.

Недели три так бродили. Измучились, похудели. И сами не рады, что пошли, да теперь уж делать нечего... И вот, знаете, однажды разбили мы бивуак, прилегли отдохнуть, а жара — как в бане. Ну, и разморило, заснули все.

Не знаю, сколько уж я проспал, но только слышу сквозь сон: шум, возня, воинственные крики. Проснулся, продрал глаза, гляжу — Фукс тут, под кустом, спит крепким сном, как младенец, а Лома нет. Посмотрел кругом — нигде нет. Ну, тогда беру бинокль, осматриваю горизонт и вижу — мой старший помощник Лом сидит у костра, а кругом, понимаете, дикиари и, судя по поведению, едят моего старшего помощника...

Что делать? Я тогда складываю ладони рупором и во все горло кричу:

— Отставить есть моего старшего помощника!

Крикнул и жду...

И вот, поверите ли, молодой человек, слышу, как эхо, доносится ответ:

— Есть отставить есть вашего старшего помощника!

И действительно, смотрю — отставили. Закидали костер, поднялись и все направляются к нам.

Ну, встретились, поговорили, выяснили недоразумение. Оказалось, папуасы с северного берега. У них тут деревня была недалеко, и море тут же, а Лома они вовсе не собирались есть. Напротив, угостить нас хотели, а Лом их уговорил подальше от бивуака костер разложить: боялся потревожить наш сон. Да.

Ну, подкрепились мы. Они спрашивают:

— Куда, откуда, с какими целями?

Я объяснил, что ходим по стране и скапуем местное оружие стариных образцов для коллекции.

— А, — говорят, — кстати попали. Вообще-то у нас этого добра не бывает. Это хозяйство мы давно в Америку вывезли, а сами на винтовки перешли. Но сейчас случайно есть небольшая партия бumerангов...

Ну, и отправились мы в деревню. Притащили они эти бumerанги. Я как глянул, так сразу и узнал свои спортивные доспехи.

— Откуда это у вас? — спрашиваю.

— А это, — отвечают они, — один посторонний негр принес. Он поступил военным советником к нашему вождю. Но только сей-

час его нет, и вождя нет — они в соседнюю деревню пошли, обсуждают там план похода.

Ну, я понял, что мой воинственный адмирал здесь окопался, и вижу — надо уходить подобру-поздорову.

— Послушайте, — спрашиваю, — а где у вас ближайшая дорога в Сидней, или в Мельбурн, или вообще куда-нибудь?

— А это, — отвечают они, — только морем. По сухе и далеко и трудно, заблудитесь. Если хотите, можете здесь пирогу зафрахтовать. Ветры сейчас хорошие, в два дня доберетесь.

Я выбрал посудину. И странная, доложу вам, посудина оказалась. Парус вроде кулька, мачта — как рогатина, а сбоку за бортом — нечто вроде скамеечки. Если свежий ветер, так не в лодке надо сидеть, а на этой скамеечке как раз. Мне, признаюсь, на таком судне ни разу не приходилось плавать, хоть я в парусном деле и не новичок. Но тут делать нечего, как-нибудь, думаю, справлюсь.

Погрузил бумеранги, взял запасов на дорогу, разместил экипаж. Я в руле, Лом с Фуксом за бортом, вместо балласта. Подняли паруса и пошли.

Только отошли, смотрю — за нами в погоню целый флот. Впереди большая пирога, а на носу у нее — мой странствующий рыцарь: сам адмирал Кусаки в форме папуасского вождя.

Я вижу — догонят. А сдаваться, знаете, неинтересно. Если бы одни папуасы, с ними бы я сговорился — все-таки австралийцы, народ культурный, — а этот... кто его знает? Попадешься вот так, живьем сожрет... Словом, вижу, как ни вертись, а надо принимать сражение.

Ну, взвесил обстановку и решил так: вступать в бой, проливать кровь — к чему это? Дай-ка лучше я их искупаю. Таким воякам первое дело — голову освежить. А тут ветер боковой, крепкий, команда у них вся за бортом, на скамеечках. Так что обстановка самая благоприятная. Ну и если сделать этакий штырь подлиннее да быстро развернуться...

Словом, в две минуты переоборудовал судно, сделал поворот и полным ходом пошел на сближение. Идем на контркурсах. Ближе, ближе. Я чуть влево беру руля и, знаете, как метлой смел балласт с флагманской пироги, со второй, с третьей... Смотрю — не море кругом, а суп с фрикадельками. Плынут папуасы, барахтаются, смеются — так раскупались, что и вылезать не хотят.

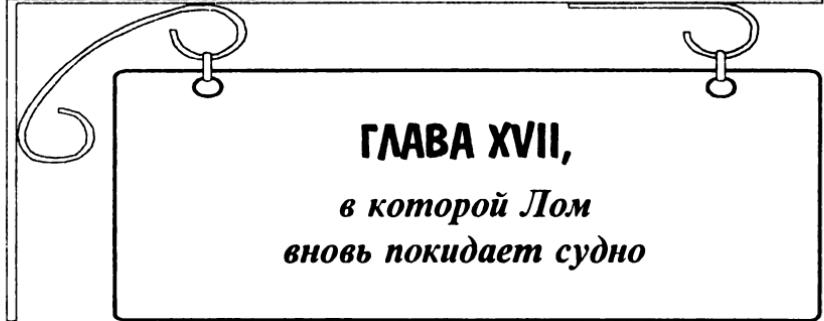
Один Кусаки недоволен: вскарабкался на пирогу, кричит, сердится, фыркает... А я, знаете, просемафорил ему: «С легким паром», развернулся и пошел назад в Сидней.

А там, в Сиднее, возвратил бумеранги владельцу, попрощался с партнером по гольфу, поднял флаг.

Ну конечно, провожающие были, принесли фрукты, пирожные на дорогу.

Я поблагодарил, отдал швартовы, поднял паруса и пошел.

ГЛАВА XVII,
*в которой Лом
вновь покидает судно*

На этот раз неудачно все получилось. Едва миновали берега Новой Гвинеи, нас нагнал тайфун чудовищной силы. «Беда», как чайка, металась по волнам. Нырнет, выскочит, снова нырнет. Горы воды падают на палубу. Счасти стонут. Ну что вы хотите — тайфун!

Вдруг яхта, как волчок, закрутилась на месте, а секунду спустя ветер совершенно затих. Лом и Фукс, незнакомые с коварством тайфуна, облегченно вздохнули. Ну, а я понял, в чем дело, и, признаться, пришел в большее расстройство. Попали в самый центр урагана. Тут, знаете, добра не жди.

Ну и началось.

После непродолжительного затишья ветер снова засвистел, как тысяча чертей, паруса

лопнули со страшным треском, мачта согнулась, как удочка, переломилась пополам, и весь рангоут вместе с такелажем полетел за борт. В общем, потрепало нас, как надо.

А когда разъяренный океан несколько успокоился, я вышел на палубу и осмотрелся. Разрушения были огромны и непоправимы. Запасные паруса и концы, правда, хранились у нас в трюме, но на одних парусах без мачт, сами понимаете, не пойдешь. И тут, вдали от больших океанских дорог, нас ждала страшная участь: мы годами могли болтаться среди океана. А это, как вы сами понимаете, перспектива не из приятных.

Угроза медленной смерти нависла над нами, и, как всегда в таких случаях, я вспомнил свою долгую жизнь, свое милое детство.

И вот, представьте себе, воспоминание это дало мне ключ к спасению.

Еще будучи мальчиком, я любил клеить и запускать воздушных змеев. Ну, и вспомнив об этом прекрасном занятии, я воспрянул духом. Змей! Бумажный змей — вот спасение!

Корзины от прощальных подношений пошли на каркас. Ну, а потом мы сварили клейстер, собрали все бумажное, что было на судне — газеты, книжки, разную коммерческую корреспонденцию, — и принялись клеить. И скажу вам не хвастаясь, змей получился на

славу. Уж кто-кто, а я-то в этом деле специалист. Ну, а когда высохло это сооружение, мы выбрали канат подлиннее, выждали ветерок, запустили...

И ничего, знаете, прекрасно потянуло, пошла наша яхта и снова стала слушаться руля.

Я развернул карту, выбираю место, куда зайти для ремонта. Вдруг слышу странные какие-то звуки. Потрескивает что-то на палубе. Встревоженный, поднимаюсь и вижу страшную картину: конец, на котором держался наш змей, зацепился за брашпиль и к моменту моего прихода перетерся и, как говорится, на волоске держится.

— Аврал! Все наверх! — скомандовал я.

Лом и Фукс выскочили на палубу. Стоят, ждут моих распоряжений.

Но распорядиться было нелегко. Тут, сами понимаете, нужно бы наложить узел. Но ветер усилился, канат натянулся, как струна, а струну, знаете, не завяжешь.

И я уже думал — все кончено. Но тут исполинская сила Лома нашла надлежащее применение. Он, понимаете, хватается одной рукой за канат, другой за скобу на палубе, напрягает бицепсы. На канате появляется слабина...

— Так держать, не отпускать ни в коем случае! — скомандовал я, а сам стал накладывать узел.

Но тут вдруг неожиданно шквал налетает на нас с кормы, змей рванулся, скоба вылетела из палубы, как морковка из грядки, и Лом взвился в облака, едва успев крикнуть:

— Есть так держать!

Ошеломленные, мы с Фуксом посмотрели вслед. А Лома уже и не видно совсем. Мелькнула в облаках черная точка, и наш храбрый товарищ покинул нас среди океана...

Наконец я пришел в себя, взглянул на компас, заметил направление, оценил на глаз погоду. И, должен сказать, выводы получились неважные: свежий ветер силою в шесть баллов со скоростью двадцати пяти миль в час уносил моего старшего помощника к берегам Страны Восходящего Солнца. Мы же снова беспомощно болтались по волнам, лишенные двигателя и управления.

Я расстроился, ушел с горя спать и, только немного забылся, слышу — Фукс меня будит. Ну, я протер глаза, поднимаюсь и, поверите ли, вижу — коралловый остров справа по курсу. Все как полагается: пальмы, лагуна... Тут, знаете, если пристать, можно и парусишку кое-как соорудить. Словом, фортуна, как говорит-ся, нам улыбнулась, но, увы, улыбка-то эта оказалась фальшивой.

Посудите сами: ветерок гонит нас не спеша, вот мы поравнялись с островом, вот он рядом, рукой подать... Но ведь это только так

говорится, а поди-ка найди руку в двести сажен... Словом, ясно: проносит мимо.

Другой бы на моем месте растерялся, но я, знаете, не таков. Морская практика рекомендует в подобных случаях забрасывать на берег якорь на конце. Рукой, конечно, не забросишь: тут нужна пушка или ракета. Ну, понятно, я бросаюсь в каюту, ищу указанные предметы, перерыл, перекопал все — нет, понимаете, ни ракет, ни пушки: недосмотрел, не захватил при отправлении. Лезут под руки все больше предметы туалета: галстуки, подтяжки... Из них, знаете, пушки не сделаешь.

Но тут вновь небольшая экскурсия в прошлое подсказала мне план дальнейших действий.

Я, видите ли, не могу сказать, что в детстве отличался примерным поведением. Напротив, с общепризнанной точки зрения, я хотя хулиганом и не был, но озорником был, не скрою. И такой инструмент, как рогатка, никогда не покидал моего кармана... Да.

Вспомнил я это дело, и меня как осенило: пушку, конечно, из подтяжек не соорудишь, а рогатку — почему же? И вот я хватаю шесть пар тугих резиновых подтяжек и устраиваю на палубе этакую рогатку увеличенных размеров.

Ну, а дальше понятно: заряжаю ее небольшим якорем, затем мы вместе с Фуксом лебедкой натягиваем ее потуже. Я командую:

— Внимание!

Затем обрубаю конец, и якорь взвивается, унося с собой тонкий, но прочный канат. И вижу — порядок! Якорь взял.

А полчаса спустя мы уже были на берегу, и наши топоры звенели, нарушая торжественную тишину девственного леса.

Конечно, тяжеленько пришлось вдвоем, но справились.

Тайфун потрепал нас изрядно, пришлось, знаете, заново проконопатить борта, просмоловить всю яхту, а главное, поставить новый рангоут и такелаж. Пришлось потрудиться на славу. Но зато все поправили. А с мачтой так просто прекрасно у нас уладилось: выбрали небольшую стройную пальмочку, выкопали вместе с корнями, да так и поставили целиком. Сверху укрепили, как полагается, вантами, а внизу, в трюме, вместо балласта насыпали земли, полили, и, знаете, принялась наша мачта.

Ну, потом скроили паруса, сшили, подняли и пошли.

Управлять судном с таким вооружением, конечно, несколько непривычно, но зато есть и удобства: листья над головой шумят, зелень ласкает глаз... Потом плоды на пальме созрели, и так это приятно, знаете, стоишь на вахте, жара, мучает жажды, но стоит вам несколько подняться по мачте, и в руке у вас

оказывается молодой кокосовый орех, полный свежего молока. Прямо не яхта, а плавучая плантация...

Да. Идем так, поправляемся на фруктовый диете, держим курс к месту предполагаемой посадки Лома.

День идем, два идем. И вот на третий день по носу у нас открылась земля. В бинокль видно: порт, входные знаки, город на берегу...

Зайти бы, конечно, недурно, но я, знаете, решил воздержаться, не пошел. Там вообще-то иностранцев не очень ласково тогда принимали, а у меня, тем более, личные счеты с господином Кусаки. Ну его к свиньям.

ГЛАВА XVIII

*Самая печальная,
так как в ней «Беда» гибнет,
на этот раз уже безвозвратно*

Вот я и пошел сторонкой. Иду. День прошел — ничего, а к ночи пал туман. Такой туман — ничего не видно, хоть глаз выколи. Со всех сторон сигналы, гудки, сирены воют,

звонят колокола... Тревожно, но зато, знаете, весело. Да только недолго продолжалось это веселье. Слышу, летит на нас быстроходное судно. Пригляделся, вижу — миноносец на полном ходу. Я — право на борт. Смотрю, и он право на борт.

Я влево, и он влево...

И вот, понимаете, страшный удар, борта затрещали, вода хлынула на палубу, и «Беда», рассеченная пополам, стала медленно погружаться в пучину.

Ну, вижу, конец!

— Фукс, — говорю я, — берите спасательный круг и плывите прямо на вест. Здесь недалеко.

— А вы? — спрашивает Фукс.

— А мне, — говорю, — некогда. Вот запись нужно сделать в журнале, с судном прощаться, а главное, мне туда не по дороге...

— И мне, Христофор Бонифатьевич, тоже не по дороге. Не тянет меня туда.

— Напрасно, Фукс, — возражаю я, — там все-таки берег, различные красоты, священная гора Фудзияма...

— Да что красоты! — отмахнулся Фукс. — Там с голоду ноги протянешь. Работы не найдешь, а по старой специальности, по карточной части, мы против них никуда не годимся. Обдерут как липку, по миру пустят. Уж я лучше с вами.

И так меня тронула эта верность, что я ощутил прилив сил. «Эх, — думаю, — рано панихиду петь!» Осмотрел размеры повреждений, достал топор.

— Аврал! — командую. — Все наверх!
Счасти долой, рубить мачту!

Фукс рад стараться. Такую энергию проявил, что я просто удивился. Да и то сказать: ломать — не делать, душа не болит.

Ну, и не успели мы оглянуться, пальма наша уже за бортом. Фукс прыгнул туда, я ему передал кое-какие ценности. Бросил спасательный круг, компас вместе с нактоузом, пару весел, анкерок воды, из гардероба кое-что...

А сам все на палубе, на «Беде». И вот чувствую, настает последняя минута: корма вздыбилась, корпус погружается, сейчас нырнет...

У меня слезы брызнули из глаз... И тут, знаете, я хватаю топор и собственной рукой вырубаю кормовую доску с буквами...

Ну, а затем в воду и — к Фуксу на пальму. Сажусь верхом и наблюдаю, как океан поглощает остатки моего многострадального судна.

И Фукс наблюдает. И вижу — у него тоже слезы на глазах.

Я протянул ему руку.

— Ничего, — говорю, — не унывайте, мы еще с вами поплыvем. То ли еще бывает...

Да. Ну, знаете, посмотрели еще на то место, где волны сомкнулись над судном, и стали устраиваться. И, представьте, устроились не без удобств.

Конечно, после яхты чувствуется некоторый недостаток комфорта, но все же самое необходимое было у нас. Установили компас, соорудили кое-как парусишко из старой тельняшки, спасательный круг на ветку повесили, а кормовую доску я вместо письменного стола приспособил.

В общем, все хорошо, вот только ногам мокро.

И вот однажды видим — сзади, за кормой, дымок. Я уж думал — опять тот миноносец, но оказалось, что это просто «купец» — бродячий пароход под английским флагом. Я не хотел просить помощи: как-нибудь, думаю, сам доберусь. Но тут так получилось.

Я, как заметил судно, сейчас же достал письменные принадлежности и стал делать соответствующую запись в вахтенном журнале.

А капитан этого парохода, со своей стороны, заметив нас, взял подзорную трубу и, понятно, обнаружил не совсем блестящее положение нашего судна, если можно назвать судном подобное сооружение.

Но он все же сомневался, идти ли на помощь, поскольку мы не проявляли признаков

паники и не подавали соответствующих сигналов...

Вот тут-то, понимаете, обстоятельства и сложились так, что он неожиданно изменил свое решение.

Я, видите ли, как раз в это время закончил запись и поставил свой временный стол, так сказать, стоймя. И вот буквы блеснули. Капитан увидел слово «Беда» и принял его за призыв на помощь или за сигнал бедствия что ли. Ну, повернулся к нам, а полчаса спустя нас уже подняли на борт и мы с капитаном за чаркой рома обсуждали этот забавный случай...

Да. Пальму я ему подарил, он ее в салоне приказал поставить, весла, компас тоже отдал, а себе оставил круг и кормовую надпись. Всетаки, знаете, память.

Ну, посидели. Он рассказал, что идет в Канаду за лесом, потом о новостях поговорили, потом он ушел, а я остался еще почитать свежие новости.

Сижу, перелистываю газеты. Ну, что там в газетах! Больше все объявления, сплетни, всякая дезинформация... И вдруг — заголовок на всю страницу: «Налет с воздуха... Преступник бежал!»

Я заинтересовался, понятно. Читаю и вижу — весь этот шум из-за Лома. Он, оказывается, на своем змее снизился возле самой

Фудзиямы. Тут, конечно, собралась толпа, змея разорвали в клочья, разобрали на память.

А змей-то ведь был из газет! Ну и взялась за это дело полиция. Обвинили Лома в незаконном провозе запрещенной литературы. Я не знаю, чем бы это кончилось, но тут, к счастью, небо покрылось тучами, раздались глухие подземные удары...

Толпу охватила паника, и все разбежались в ужасе.

На склоне священной горы только и остались мой старший помощник Лом и чины японской полиции.

Стоят, смотрят друг на друга. Земля под ними колеблется... Это, конечно, необычное состояние для поверхности нашей планеты, и у многих оно вызывает различные проявления страха.

Но Лом — он, знаете, всю жизнь на борту, привык к качке... Ну, и не сумел надлежащим образом оценить грозную силу происходящего, пошел не спеша вверх по склону горы. А тут, понимаете, как это говорится, «земля разверзлась», и широкая трещина легла между беглецом и погоней. А затем все покрылось хлопьями сажи и мраком неизвестности.

Полиция потеряла следы Лома и теперь ищет его. Но тщетно.

ГЛАВА XIX,

*в конце которой
неожиданно появляется Лом
и поет про себя*

Вот, собственно, и все, что я узнал из газет. Но, знаете, и этого достаточно, чтобы расстроиться. И так не сладко. Шутка ли! Судно потерял, а тут еще товарищ и помощник попал в такую историю. Была бы яхта, плюнул бы на Кусаки, пошел бы выручать Лома. А теперь жди, пока придешь в порт назначения. И оттуда надо как-то выбираться, и в кассе у нас с Фуксом не густо, и пароход идет медленно.

Я — к капитану.

— Нельзя ли, — говорю, — прибавить ходу?

— Рад бы, — отвечает тот, — да у меня кочегаров мало, не справляются, еле пар держат.

Ну, знаете, я подумал, с Фуксом посоветовался, отдохнули еще денек и нанялись кочегарами. Жалованье, конечно, небольшое, но, во-первых, на стол не тратиться, а во-вторых, за работой все-таки не так скучно, да и пароход скорее пойдет...

Ну, встали на вахту.

Спецовки там не дают, а у нас только и осталось, что на себе. Ну, разделись, в целях экономии остались в одних трусах. Это, впрочем, и лучше: жара там в кочегарке. А вот с обувью плохо. Под ногами уголь, горячий шлак, разутся — жарко, а обуться — жалко.

Но мы, знаете, не растерялись: взяли четыре ведра, налили воды, и так-то славно получилось! Стоишь в них, в ведрах-то, как в галошах, а если уголек какой упадет, только «пшик» — и все тут.

Я в кочегаркеправлялся легко, мне не впервой, а Фукс, вижу, сдает. Набил полную топку, уголь спекся корой, он его ковыряет лопатой.

— Эх, — говорю, — разве здесь лопатой что сделаешь? Здесь подломать надо. Где лом?

И вот, поверите ли, слышу — за спиной кто-то глухо так:

— Есть Лом к вашим услугам!

Обернулся, смотрю — из кучи угля вылезает мой старший помощник Лом: тощий, черный, небритый, но все же Лом собственной персоной. Я, знаете, так и сел от неожиданности!..

Ну, понятно, облобызались. Фукс даже слезу проронил. Дочистили втроем топки, уселись, и Лом рассказал о своих злоключениях.

В газете о нем все верно писали, кроме налета и злого умысла. Какой там налет — просто ветром занесло. Да. Ну, а когда колебания почвы прекратились, он спустился в город. Идет, боится, оглядывается по сторонам. И куда ни посмотри — полицейский, куда ни повернись — шпик...

Может, знаете, если бы он сохранил спокойствие, удалось бы проскользнуть незаметно, но тут столько нервных потрясений, ну и сдрейфил парень, стал прибавлять шагу и сам не заметил, как пустился бегом.

Бежит, оглядывается. А за ним бегут шпики, жандармы, полицейские, мальчишки, собаки, рикши, автомобили... Крик, гам, топот...

Ну, и куда тут податься? Он, знаете, вниз, к морю. Забрался в угольную гавань, закопался в уголь и сидит. А тут как раз этот пароход встал под погрузку. Грузят там по канатной дороге: цепляют прямо ковшом, сколько захватят, а над пароходом ковш опрокидывается.

Вот, знаете, и захватило Лома. Только он очнулся, хотел выскочить из ковша, думал, знаете, опять его ловят, а ковш уже поехал, потом перевернулся, а Лом даже ахнуть не успел и — хлоп в бункер!

Пощупал руки, ноги — все цело; уйти некуда, дышать есть чем... Ну и решил использовать вынужденное бездействие — выспаться хорошенько.

Закопался в уголь и заснул. Так и спал, пока не услышал моей команды.

Да. В общем, все к лучшему получилось. Экипаж «Беды» опять соединился, и мы стали строить планы возвращения.

Тут и вахта подошла к концу, и вот я размыслил: мы-то с Фуксом попали на пароход законным порядком, как потерпевшие бедствие, а Лом — во-первых, заяц, а во-вторых, вроде беглого преступника. Кто его знает, этого капитана? Пока по-хорошему — и он хороший, а узнает об этой истории, выдаст Лома властям, а потом выручай его. Словом, я посоветовал:

— Сидите, — говорю, — тут. Вы теперь привыкли. Покушать мы вам принесем, а вахту вместе будем стоять. Оно и нам полегче — все-таки тридцать три процента экономии сил. Да так и безопаснее будет.

Ну, Лом согласился без споров.

— Только, — говорит, — скучновато будет. Там темно, а я теперь выспался. Не знаю, чем заняться.

— Ну, — возражаю я, — это можно придумать. Стихи хорошо в темноте сочинять, или вот попробуйте до миллиона считать — это очень помогает от бессонницы...

— А можно петь, Христофор Бонифатьевич? — спрашивает он.

— Да как вам сказать? — говорю. —

Особенно я не рекомендовал бы, но, если нравится — пойте, только про себя.

Да. Ну, достояли вахту. Сменились. Лом назад в бункер полез, мы с Фуксом — на палубу. Вдруг, смотрю, вылетают кочегары как ошпаренные.

Я спрашиваю:

— Что случилось?

— Да там, — отвечают они, — в бункере, какая-то нечисть завелась. Воет, как сирена, а что воет — непонятно.

Ну, я понял сразу.

— Постойте, — говорю, — я спущусь, выясню, в чем там дело.

Спускаюсь, слышу — действительно, звуки ужасные: мелодия несколько неопределенная, и слова не очень складные, но голос, голос... Не знаю, как вам и передать. Я раз на Цейлоне слышал, как слоны трубят, так то было райское пение.

Да. Прислушался я и понял, что это Лом поет. Ну, полез в бункер, хотел отчитать его за несоблюдение осторожности. И пока лез, догадался, что сам виноват: опять, знаете, неточно отдал распоряжение. Всегда у меня с Ломом на этой почве недоразумения.

Лезу и слышу:

Я старший помощник
С корвета «Беда».

Его поглотила
Морская вода.
И вот я теперь
На чужом корабле,
Сижу, как преступник,
На жестком угле...

И ничего, знаете, не скажешь: действительно про себя поет, все верно... Вот только насчет корвета он, конечно, несколько преувеличил. Какой там корвет!.. А впрочем, это своего рода украшение речи. В песне это допускается. В рапорте, в рейсовом донесении, в грузовом акте, конечно, такая неточность неуместна, а в песне — почему же? Хоть дредноутом назови, только солиднее звучать будет.

Я все-таки Лома остановил.

— Вы, — говорю, — не так меня поняли, дорогой. Вы лучше про нас пойте, только чтобы никто не слышал. А то как бы неприятностей не вышло.

Ну, замолчал он, согласился.

— Верно, — говорит, — вы разрешили, а я не подумал. Не стану я больше петь, я уж лучше посчитаю...

Вылез я, успокоил кочегаров. Объяснил, что, мол, это в топке огонь гудел. Это и механик подтвердил.

— Бывает, — говорит, — такое явление.

ГЛАВА XX,

в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках, а Брунгель практически проверяет законы алгебры

И вот наконец прибыли мы в Канаду. Мы с Фуксом сошли, распрошались с капитаном, а ночью и Лома контрабандным порядком переправили на берег. Сели в тихой таверне, обсудили положение и соображаем, как дальше добираться. Маршрут нас не смутил. Решили так: из Канады в Аляску, из Аляски через Берингов пролив на Чукотку, а там мы дома, там уж как-нибудь...

В этой части план утвердили.

А вот средства передвижения заставили призадуматься. Тут зима, знаете, реки стали, снег кругом, железных дорог нет, на автомобиле не проедешь. Пароходом — это надо ждать до весны...

Мы посоветовались и решили купить нарты, ну и там что попадется — оленя или собак. Ну и разошлись промышлять кто куда...

Я за нартами отправился, Лом пошел искать оленя, а Фукс взялся собак достать.

Нарты мне попались прочные, красивые, удобные. Лом несколько меньше преуспел. Привел пятнистого оленя средней упитанности. Тут его специалисты осмотрели, освидетельствовали и дали характеристику: по рогам, мол, олень первого класса, а по ногам — ниже среднего: копыта узки.

Ну, мы решили попробовать. Запрягли. Не везет олень. По снегу еще кое-как, а на реку, на лед вышли — наш олень шагу ступить не может. Ноги так и разъезжаются.

Я вижу — надо бы подковать его, да подков нет.

И тут, знаете, пригодилась кормовая доска. Недаром я ее, значит, вез. Отвинтили мы от нее медные буквы и теми же шурупами кое-как оленю к копытам приспособили. И помогло, знаете, но плохо. Правда, дрейф у оленя стал поменьше, а хода все равно не прибавилось. Ленивая скотина попалась!

Тут Фукс пришел со своей покупкой. Привел эдакую небольшую собачку с острой мордочкой. По аттестату собачка — призовой вожак, передовой. Ну, мы ее и решили запрягать по специальности, впередсмотрящим, так сказать.

Но это легко сказать. С оленем-то мы справились сразу: напялили ему вместо хомута

спасательный круг (тоже и круг пригодился, как видите; в хорошем хозяйстве все в дело пойдет). А собака, знаете, не дается, кусается, скалит зубы. Поди-ка запряги такую!

Ну, кое-как все-таки обратали. Соорудили ей дугу, ввели насильно в оглобли, отпустили...

Ну, доложу я вам, и началось представление! Олень бьет копытами, потрясает рогами, собака воет, и животные, представьте, резво пятятся задом.

Я уже хотел так, задним ходом, и отправляться, но для опыта решил их местами поменять. Хоть и говорится, что от перестановки слагаемых результат не меняется, но это, знаете, в алгебре, а тут совсем другое дело.

Ну, переставили, перепрягли.

И что бы вы думали? Припустил наш олень иноходью, только пятки сверкают.

И собака — за ним. Лязгает зубами, подывает, однако тоже тянет, как паровоз.

Мы с Ломом едва на нарты сумели вскочить, а Фукс — тот только и успел ухватиться за веревку. С полмили так и проехался, вроде штурмового якоря.

Ну, доложу я вам, и гонка досталась! Лаг я с собой не взял, да и пользоваться им на льду затруднительно. Однако, судя по береговым предметам, скорость у нас была потрясающая. Селения мелькают, проносятся, как в тумане, нарты прыгают по льду, в ушах свистит.

У оленя пар из ноздрей, копыта сверкают и так это ловко печатают: «Б-Е-Д-А», как на «Ундервуде».

И собачка старается, скулит, подывает, язык на сторону свернула, однако тоже не отстает.

Словом, не успели оглянуться — граница Аляски. Тут шерифы с винтовками, с флагами...

Я, знаете, решил притормозить: неудобно пересекать границу без соблюдения формальностей. Кричу:

— Малый ход, стоп!

Куда там! Олень мой не смотрит, не слушает, несется как заводной.

Тут один шериф взмахнул платком, другие дали залп... Я думал — конец, однако вижу — все благополучно. Понеслись дальше. И минут этак через пять обгоняем упряжку, потом еще две упряжки, потом я уже и считать перестал — стольких пообгоняли. Те торопятся, а я рад бы потише ехать, да не могу удержать свою пару... И вот открывается форт Юкон за поворотом. Там народ столпился на льду. Машут, кричат, палят в воздух. Столько народу собралось, что не выдержал лед, провалился.

Толпа раздалась к берегам, а у нас прямо по носу огромная полынья, и мы с опасной скоростью приближаемся к ней. Я вижу —

дело плохо. Ну и решился: накренил нарты набок, оглобли сломались, я — хлоп в снег со всем экипажем, а олень мой с разгона прямо в воду, и с собакой, со всем.

Могли бы и утонуть, да спасательный круг не дал. Смотрю — плавают, фыркают, отдуваются...

Тут благожелатели из публики принесли аркан, зачалили оленя за рога, потянули... И представьте, хваленые рога благородного животного отделились без всякого труда, а из-под них выглянули коротенькие рожки, на манер коровьих! Ну, эти, к счастью, прочно держались. За них вытащили всю упряжку на лед. Олень мой встряхнулся, полизал в ноздрях, да как замыгчит жалобно, как корова.

Я пригляделся, вижу — корова есть, только без хвоста. Обманули Лома в Канаде. И понятно, почему наш олень танцевал без подков, как корова на льду. А вот откуда у него несвойственная этому животному резвость взялась, я не сразу понял.

Однако специалисты-собачники и это мне разъяснили. Фукс тоже, оказывается, попал впросак: ему вместо собаки молодого волчонка подсунули.

И вот заметьте, как интересно: волчонок сам по себе, как собака, ничего не стоит — дрянь, а не собака; корова сама по себе не олень, а вместе как славно получилось. Вот

тут закон алгебры как раз подошел: минус на минус дает плюс, как говорится.

Да. Ну, когда несколько улеглись страсти, выяснилась и причина столь торжественной встречи. У них там в этот день была зимняя гонка, и мы не думали, не гадали, а вышло так, что первое место заняли.

ГЛАВА XXI,

*в которой адмирал Кусаки
сам помогает Врунгелю
выпутаться из весьма
затруднительного положения*

Дня три мы гостили в Юконе, сами отдохнули, дали животным отдохнуть. Нам как гостям предоставили полную свободу, только взяли подпиську, что мы никуда из дома отлучаться не будем, и для верности двух детективов поставили у крыльца.

Ну, а потом запрягли мы свои нарты и тронулись в путь. Юкон пролетели стрелой, выбрались в Берингов пролив и взяли курс прямо на Чукотку.

До острова Лаврентия хорошо проехали, а тут получилась задержка. Поднялся шторм, взломало льды, и мы перед трещиной застряли, как на мели.

Разбили ледовый лагерь под торосом. Ждем, когда льды сойдут. Так бы оно ничего, торопиться нам особенно некуда, и с питанием благополучно: по дороге мы запаслись пеммиканом, рыбой, морожеными рябчиками. Ну, опять же и от коровы молочко.

Словом, с голоду не погибли бы, а вот с холодом тugo пришлось. Сидим, прижались друг к другу, дрожим. Особенно Фукс страдал: борода у него обмерзла, вся в сосульках, ноет парень, жалуется. Лом тоже держится из последних сил... Да...

Ну, я вижу, надо что-то придумывать. Сижу, размышляю о различных способах отопления. Дрова, уголь, керосин — это все нам не подходит... Ну, вспомнил: как-то я был в цирке, там один гипнотизер пристальным взглядом воду кипятил.

Вот бы, думаю, мне так! Воля у меня могучая, железная воля. Почему не попробовать? Уставился на льдину — не кипит, не тает даже... Ну, я понял, что все это ерунда, обман, просто цирковой номер. Ловкость рук или, проще сказать, фокус... И только это слово вспомнил, блестящая идея зародилась в извилинах моего мозга.

Я схватил топор, выбрал подходящую глыбу льда, разметил, обработал соответствующим образом и возвращаюсь к нашему лагерю.

— А ну-ка, товарищи, помогите мне установить фокус.

Лом поднялся, ворчит:

— Удивляюсь я на вас, Христофор Бонифатьевич: тут впору в сосульку обратиться, а вы еще фокусами развлекаетесь.

Фукс тоже ропщет:

— Фокусы-покусы! В Красном море я в одних трусиках купался, и то было жарко, а тут три пары надел, никак не согреюсь. Вот это фокус так фокус!

Ну, я прикрикнул на них:

— Отставить неуместные разговоры! Слушать команду! Поднять эту ледышку! Так держать! Пять градусов влево! Еще левее.

И вот, знаете, подняли творение моих рук, огромную ледяную линзу, навели пучок лучей на лед, глядим — так и буравит, как в редьку, только пар свистит. Навели на чайник — мгновенно закипел, даже крышка взлетела. Вот таким образом и холод одолели. Живем. Привыкать стали, обжились так, что и уезжать не хотелось. Волка пеммиканом кормим, корову сеном. Сами тоже сыты, не голодааем. А тут и льды сошлись. Запрягли мы своих рысаков в последний раз и помчались прямым курсом на Петропавловск.

Прибыли, высадились. Представились местным властям. Ну, должен сказать, приняли нас великолепно. Тут, знаете, за нашим походом следили по газетам, последнее время беспокоились, и, когда я рассказал, кто мы, нас, как родных, обласкали: кормят, ухаживают, по гостям водят. Корову мы расковали, сдали в колхоз по акту, волчонка ребятам в школу подарили для живого уголка... Да что рассказывать... Век бы там гостить, так и то мало.

Но тут, знаете, весна подошла, сломало льды, и мы затосковали по морю. Как утро — на берег. Когда на охоту — моржей пострелять, а то и просто так — посмотреть на океан.

И вот однажды выходим все втроем, прогуливаемся. Фукс на сопку полез. Вдруг слышу — кричит страшным голосом:

— Христофор Бонифатьевич, «Беда»!

Я думал, что случилось: или там камнем ногу придавило, или медведя встретил, — мало ли что! Бросился на помощь, Лом тоже полез. А Фукс все кричит:

— «Беда», «Беда»!

Взбрались мы к нему и, представьте, действительно видим — идет «Беда» под всеми парусами.

Ну, бросились в город. А там уже готовятся к встрече... Мы на пристань. Нас пропустили,

ничего. Однако смотрят уже несколько недоверчиво.

Я ничего не понимаю. Как же так, черт возьми! Ведь на моих глазах «Беда» пошла ко дну. Да что глаза, глаза и обмануть могут. Но ведь есть соответствующая запись в вахтенном журнале. А ведь это как-никак документ, бумага. И Фукс свидетель, а выходит так, что я дезертировал с судна в минуту опасности. «Ну, — думаю, — подойдут поближе, разберемся». А подошла яхта — и вовсе стало непонятно. Смотрю — за рулем стоит Лом, тут же рядом — Фукс, шкотовым. А у мачты — я и командую подходом.

«Да такого, — думаю, — не может быть! Может быть, это не я?» Пригляделся: нет, я. Тогда на берегу не я? Пощупал живот: нет, и на берегу вроде я. «Что же это, — думаю, — раздвоение личности, что ли? Да нет, ерунда все это, просто сон мне приснился...»

— Лом, — говорю, — ну-ка, ущипните меня. А Лом тоже сам не свой.

Однако, знаете, ущипнул, постарался так, что я не сдержался, вскрикнул даже...

Тут внимание собравшихся обратилось на меня, на Лома, на Фукса. Обступили нас.

— Ну, — говорят, — капитан, может быть, вы объясните создавшееся положение?

А «Беда» между тем подходит по всем правилам. Вот, знаете, кранцы выложили.

Дали выброску, пристают. Вот этот двойник мой раскланивается, берет под козырек.

— Разрешите, — говорит, — представьтесь: капитан дальнего плавания Врунгель с командой. Заканчивая кругосветный спортивный поход, прибыл в порт Петропавловск-Камчатский...

Публика на пристани кричит «ура», а я, знаете, так ничего и не понимаю.

Нужно вам сказать, что я ни в какую чертовщину не верю, но тут пришлось призадуматься. А как же, понимаете? Стоит передо мной живое привидение и разговаривает самым нахальным образом.

А главное, я в дурацком положении. Вроде этакого мистификатора или самозванца... «Ну ладно, — думаю, — поглядим, что дальше будет».

И вот, знаете, сходят они на берег. Я стремлюсь выяснить положение, пробираюсь к ним, но меня оттирают, и слышу, тому Врунгелю рассказывают, что тут есть уже один Врунгель с командой.

Он остановился, посмотрел кругом и вдруг заявляет:

— Ерунда! Не может быть никакого Врунгеля: я его сам потопил в Тихом океане.

Я как услышал, так сразу все понял. Вижу, понимаете, старый приятель, мечтатель адмирал, господин Хамура Кусаки под меня работает.

Ну, пробился я со своей командой, подхожу вплотную к нему.

— Здравствуйте, — говорю, — адмирал! Как доехали?

Он растерялся, молчит. А тут Лом подступил, да как размахнется — и Лома номер два одним богатырским ударом поверг наземь. Тот упал, и глядим — у него вместо ног ходули торчат из брюк.

Тут Фукс осмелел, подлетел к Фуксу номер два, вцепился ему в бороду и оторвал разом.

Лому-то с Фуксом хорошо: у одного рост, у другого борода, а у меня никаких характерных признаков... «Чем же, — думаю, — мне-то своего двойника донять?»

И вот, пока думал, он сам придумал лучше меня. Видит, дело дрянь, достает кортик, хватает двумя руками — раз-раз! — и распорол живот накрест... Харакири, самый самурайский аттракцион... Я даже зажмурился. Не могу я, молодой человек, на такие вещи хладнокровно смотреть. Так с закрытыми глазами и стою, жду.

Вдруг слышу — народ на берегу тихонько посмеивается, потом погромче, а там и хохот пошел. Тогда я открыл глаза — и опять ничего не понимаю: тепло, солнце светит, и небо чистое, а откуда-то вроде снег идет.

Ну, пригляделся, вижу — двойник мой заметно похудел, однако жив, а на животе у него

зияет огромная рана и из нее пух летит по всему берегу...

Тут, знаете, кортик у него отобрали, взяли под белые руки довольно вежливо и повели. И команду его повели. А мы не успели опомниться, смотрим — качают нас. Ну, покачали, успокоились, выяснили отношения, потом пошли яхту осматривать.

Я вижу — не моя яхта, однако очень похожа. Не обошел бы я на своей весь мир — сам мог бы перепутать.

Да. Ну, заприходовали эту посудину, как полагается, а на другой день и пароход пришел.

Распрощались мы. Потом я с Фуксом уехал и вот, видите, до сих пор жив, здоров и молод душой.

Фукс исправился, поступил на кинофабрику злодеев играть: у него внешность для этого подходящая. А Лом там остался, командовать этой яхтой.

Вскоре я от него письмо получил. Писал он, что ничего, справляется, и яхта неплохо ходит. Конечно, эта «Беда» не «Беда». Ну, да это не беда, все-таки плавает... Да.

Вот так-то, молодой человек. А вы говорите, что я не плавал. Я, батенька мой, плавал, да еще как плавал! Вот, знаете, стар стал, память слабеет, а то бы я вам рассказал, как я плавал.

ГЛАВА XXII,

*дополнительная, без которой
иной читатель мог бы и обойтись*

До позднего вечера сидел я тогда и слушал, боясь проронить слово. А когда Врунгель закончил свой необыкновенный рассказ, я спросил почтительно и скромно:

— А что, Христофор Бонифатьевич, если бы записать эту историю? Так сказать, в наиздание потомству и вообще...

— Ну что же, — ответил он, подумав, — запишите, пожалуй. Мне скрывать нечего, правду не утаишь... Пишите, голубчик, а как закончите, я посмотрю и поправлю, если что не так...

В ту же ночь я сел за работу, и вскоре объемистый труд, начисто переписанный крупным почерком, лежал у Врунгеля на столе.

Христофор Бонифатьевич внимательно просмотрел мои записки, кое-где сделал незначительные, но весьма ценные поправки, а через два дня, возвращая мне рукопись, сказал несколько огорченно:

— Записали вы все правильно, слово в слово... Вот только с вами-то я по-свойски говорил, как моряк с моряком, а иной попадется бестолковый читатель и, может случиться, не так поймет. У меня у самого в молодости презабавный был случай: я еще тогда только-только на море пришел, юнгой плавал. И вот стояли мы как-то на якоре... Штурман был у нас — серьезный такой человек, не дай Бог. И вот собрался он на берег. Прыгнул в шлюпку и кричит мне:

— Эй, малый, трави кошку, да живо!

Я услышал и ушам не верю: у нас на судне кот был сибирский. Пушистый, мордастый, и хвост, как у лисы. Такой ласковый да умный, только что не говорит. И вдруг его травить! За что? Да и чем травить, опять же? Я в этом смысле спросил у штурмана...

Ну и выдрали меня тогда — как говорит-ся, линьков отvedал. Да-с...

Вот я и боюсь: станут люди читать, напутают в терминологии, и тут такая может получиться двусмысленность, что я перед читателем предстану в нежелательном виде. Так что уж вы, батенька, потрудитесь: все морские слова в отдельный списочек, по порядку русского алфавита, подберите и мне представьте. А я на досуге займусь, обдумаю это дело и дам свои объяснения.

Я не преминул выполнить это указание и вскоре представил Врунгелю небольшой список, слов в шестьдесят. Он просмотрел, обещал к утру написать объяснения, потом по просил неделю сроку, потом заявил, что раньше чем через месяц не управится, а когда год спустя я как-то напомнил об этом злополучном словарике, Христофор Бонифатьевич рассердился не на шутку, обозвал меня мальчишкой и дал понять, что с этим делом торопиться не следует.

Так и вышла книжка без словарика. И ничего, читали люди и, кажется, правильно все понимали.

Но вот недавно, когда готовилось новое издание «Приключений капитана Врунгеля», Христофор Бонифатьевич вызвал меня и торжественно передал свой последний научный труд.

Мы тщательно изучили эту интересную работу и, оценив ее по достоинству, решили напечатать полностью.

Рассуждение

*капитана дальнего плавания
Христофора Бонифатьевича Врунгеля
о морской терминологии*

Мною и другими наблюдателями неоднократно было замечено, что человек, вдоволь испивший соленой влаги из бездонной чаши океана, поражается странной болезнью, в результате которой со временем наполовину теряет бесценный дар человеческой речи.

Такой человек вместо слов родного языка, вполне точно обозначающих тот или иной предмет, применяет вокабулы столь затейливые, что порой с личностью, не зараженной этой болезнью, уже и объясниться не может. Когда же такая личность в непонимании разводит руками, больной глядит на нее с презрением и жалостью.

В ранней молодости недуг этот поразил и меня. И сколь настойчиво ни пытался я излечиться, меры, принятые мною, не принесли желанного исцеления.

По сей день вьстрел для меня не громкий звук огнестрельного оружия, а рангоутное

дерево, поставленное перпендикулярно к борту; б е с е д к а — не уютная садовая постройка, а весьма неудобное, шаткое висячее сиденье; к о ш к а в моем представлении, хотя и имеет от трех до четырех лап, отнюдь не домашнее животное, но маленький шлюпочный якорь.

С другой стороны, если, выходя из дома, я спускаюсь по лестнице, на бульваре отдыхаю на скамейке, а придя домой, разогреваю чай на плите, то, стоит мне попасть на судно (хотя бы и мысленно), эти предметы сразу превращаются в трап, банку и камбуз соответственно.

Поразмыслив над этим, я решился было вовсе изгнать все морские термины из своего лексикона, заменив их теми словами, которые с давних пор существуют в обычном нашем живом языке.

Результат, однако, получился весьма нежелательный: первая же лекция, прочитанная мною в соответствии с принятым решением, доставила много ненужных огорчений как мне, так и моим слушателям.

Начать с того, что лекция эта продолжалась втрое дольше против обычной, ибо оказалось, что в морском языке есть немало терминов, вовсе не имеющих замены. Я же, не желая отступать от принятого решения, каждый раз пытался заменить эти термины их

РУЛЬ = ПЛАСТИКА

РЕЯ-ЭТО

кошка

МОРСКИЕ
ТЕРМИНЫ

пространными толкованиями. Так, к примеру, вместо слова *рельс* я каждый раз говорил: «круглая деревянная балка, несколько утолщенная в средней части, горизонтально подвешенная на высоком тонком столбе, вертикально установленном на судне...» Вместо слова *руль* я принужден был повторять: «вертикальная пластина, с помощью рычага или иного специального привода поворачивающаяся на вертикальной оси, укрепленной на подводной части задней оконечности судна, служащая для изменения направления движения последнего...»

Сожалея при этом о напрасной трате времени, потребного для неоднократного произнесения этих определений, я старался выговаривать их одним духом, скороговоркою. А так как слов, требующих подобных разъяснений, попадалось немало, лекция моя стала походить на заклинание волшебника или на камлание шамана.

И вполне естественно, что слушатели мои, несмотря на все старание, в котором я не имею оснований сомневаться, ничего из моих объяснений не усвоили, и более того: не поняли.

Огорченный неудачей, я тем не менее не пал духом. Терпеливо и внимательно я снова проработал этот вопрос, и после всестороннего изучения имеющихся на эту тему трудов

и литературных источников я пришел к выводу, что:

морская терминология есть не что иное, как специальный морской инструмент, которым каждый моряк обязан владеть столь же уверенно и искусно, сколь уверенно плотник владеет топором, врач — ланцетом, а слесарь — отмычкой.

Но, как во всяком деле, инструмент непрерывно совершенствуется, частично вовсе исключается из обихода, частично заменяется новым, более простым и удобным в обращении, нередко заимствованным из другого ремесла, так и в морской практике — одни термины широко входят в состав общегражданского живого языка, как то произошло, например, со словами: ма чта, руль, штурама н; другие же, напротив, вовсе утрачивают свое былое значение и заменяются новыми, общепринятыми, как то было со словами антретно или триангль, которые не так еще давно прочно держались в морском словаре, а ныне совсем забыты, уступив свое место словам приближенно и треугольник соответственно.

Изложенное позволяет рассчитывать, что со временем, путем взаимных разумных уступок, моряки и сухопутные люди придут наконец к одному общепонятному языку. Надеясь, однако, что такое слияние произойдет в

ближайшем будущем, нет оснований. А посему сегодня при чтении всякой серьезной работы по морскому делу, такой, например, как описание моих приключений во время плавания на парусной яхте «Беда», для человека, не овладевшего вполне морским языком, обязательно (!) пользование хотя бы небольшим пояснительным словариком, который и предлагается мною читателю.

Толковый морской словарь

для бесполковых
сухопутных читателей
Составлен Х. Б. Врунгелем

Анкерок — не случайно многие морские словари начинаются у нас этим словом, с которым некоторым образом связано самое начало русского флота. Как известно, в строительстве первых русских кораблей принимали участие голландские специалисты — мастера корабельного дела и мастера выпить. Нельзя сказать, однако, что пили они без меры. Мерой для вина как раз и служил анкер — крепкий деревянный бочонок ведра на два, на три. Такой бочонок — анкерок — и сейчас держат на каждой спасательной шлюпке, только хранят в нем не вино, а пресную воду.

Балл — не следует путать со словом «бал»! Бал — это вечер с танцами, а балл — отметка, которую моряки ставят погоде, мере силы ветра и волнения. 0 баллов — штиль, полное безветрие... 3 балла — слабый ветер... 6 баллов — сильный ветер... 9 баллов — шторм, очень сильный ветер. Когда дует шторм, и судну и экипажу

тоже порой приходится потанцевать! 12 баллов — ураган. Когда небольшое судно попадает в зону урагана, случается, что моряки говорят: «Кончен бал!» — и бодро идут ко дну.

Брашиль — тоже составное слово из голландских: б р а д е н — жарить и с п и т — вертел. Только на брашиле никто ничего не жарит. На него наматывают якорный канат, чтобы в ý-х о д и т ь — поднять якорь. Выхаживать якорь — работа нелегкая. Если брашиль ручной — изжариться не изжаришься, а запариться очень просто.

Бункер — угольная яма на корабле, склад угля. Тут и объяснять нечего.

Вира — с этим словом всегда неприятности. Все моряки твердо знают: в и р а — поднять, м а й-н а — спустить. А на берегу многие путают.

Гарпун — палка с острым, зазубренным наконечником, привязанная к длинной веревке. Такими гарпунами в старину били крупного морского зверя. Случалось, что и друг друга били, когдассорились.

Грот — пещера, обычно искусственная. А в морском деле грот — главный парус на главной мачте.

Док — маленький искусственный залив с воротами. Корабль вводят туда, плотно запирают ворота, а воду выкачивают.

Драить — накручивать. З а д р а и т ь — закручивать. А вот н а д р а и т ь — почему-то начистить до блеска.

Дрейф — в пяти буквах этого слова заключено шесть значений: 1) лечь в дрейф — так поставить паруса, чтобы судно топталось на месте;

2) дрейф — уклонение от курса (см. курс) под влиянием ветра и течения; 3) плавание по волне стихии без руля и без ветрил, как говорится; 4) плавание вместе со льдами; 5) движение судна, стоящего на якоре, когда в сильный шторм якорь не держит. В этом случае капитан порой тоже начинает: 6) дрейфить, как бы не бросило на мель.

Заштиль — попасть в штиль (см. балл).

Зенит — точка в небе прямо над головой наблюдателя. Эту точку каждый может увидеть. **Надир** — противоположная ей точка небесной сферы. Эту точку даже самый внимательный наблюдатель увидеть не может — земной шар мешает.

Зыбь — волнение на море. Когда зыбь без ветра, капитану волноваться не приходится, а вот когда с ветерком — бывает, и поволнуешься.

Зюйдвистка — очень некрасивая штормовая шляпа из промасленной ткани. Вода с полей такой шляпы стекает на плечи и на спину, а зашиворот не попадает. Вот уж, как говорится: «Не красиво, да спасибо!»

Камбуз — судовая кухня и судовая кухонная плита — это все уже знают.

Кашалот — кит без усов, но с зубами. Любопытен, но глуп.

Киль — хребет корабля, к которому крепятся корабельные ребра. Килем называют еще плавники, приделанные к корабельному брюху, служащие для улучшения мореходных качеств судна.

Клотик — крыша мачты. Казалось бы, зачем мачте крыша? А вот нужна. Иначе дождевая вода

просочится по порам дерева, и мачта изнутри загниет. Вот и делают круглую деревянную нашлепку наверху мачты — клотик.

Контркурс — это когда два корабля идут параллельно навстречу друг другу.

Корвет — трехмачтовое военное парусное судно.

В наше время существует только на картинах и в книжках.

Кубрик — общая жилая каюта и распространенная собачья кличка.

Курс — направление движения судна. Также направление ветра по отношению к идущему под парусами судну. Если ветер дует прямо в корму, говорят, что курс фордевинд. Когда не в корму, но сзади — бакштаг. Когда прямо в бок — галфинд. В скуль — бейдевинд. Ветер, дующий прямо в нос, прежде названия не имел, но этот пробел в морской терминологии заполнен Х.Б.Брунгелем, предложившим название «В мордуинд», которое прочно вошло в морской словарь.

Лавировать — на суше дело хитрое: и нашим и вашим угодить, и направо и налево поклоняться, и по грязи пройти, ног не замочив. А у нас на море — проще простого: идти против ветра зигзагами да обходить опасности. Вот и все.

Лаг и лот — приборы. Первый — для определения скорости хода и пройденного пути. Второй — для определения глубины. В старину говорили: «Без лота — без ног, без лага — без рук, без компаса — без головы».

Лоцман — человек, который проводит корабли в опасных и трудных местах.

Люк — отверстие в палубе.

Миля — морская мера длины, равная 1852 метрам.

Набить — смотря по тому, что набить. Если снасть набить — это значит натянуть так, что дальше некуда.

Надир — см. зенит.

Нактоуз — буквально: «ночной домик». В старину так называли ящик с фонарем для освещения и защиты компаса. В наше время нактоуз — высокий шкафчик вроде тумбочки. На нем на-верху ставят компас, а внутри прячут хитрые приспособления, которые следят за тем, чтобы компас врал, да не завирался.

Оверкиль — слово, которое часто произносят, но почти никогда не пишут, вероятно из скромности. Сделать оверкиль — это значит перевернуть судно кверху килем.

Оверштаг — такой поворот парусного судна, при котором оно проходит через положение вмордудвинд (см. курс).

Остойчивость — то же, что и устойчивость.

Пакгауз — склад.

Пассаты — восточные ветры, весьма постоянно дующие в тропических широтах (см. это слово).

Подвахта, подвахтенный — сменившийся с вахты. В случае необходимости подвахтенные в первую очередь вызываются для помощи вахтенным. Поэтому у подвахтенных есть правило: если хочешь спать в уюте — спи всегда в чужой каюте.

Порты — всякие ворота. В бортах кораблей — пассажирские, грузовые, угольные, пушечные порты. У доков батопорты — специальные суда, которые затапливаются в воротах доков и своим корпусом запирают вход в док. Порт —

также место стоянки кораблей. Торговые и военные порты — морские ворота страны.

Прокладка курса — постоянно ведущаяся отметка на карте места, в котором находится судно.

Рангоут — буквально: «круглое дерево» — мачты, реи и т.п. Сейчас на больших кораблях почти весь рангоут металлический, клепаный или сваренный из стальных листов. Получается круглое дерево, сваренное из стальных листов... Вот и разберись тут!

Роль судовая — ничего общего не имеет с ролью в спектакле. Это важный документ — список всех людей, находящихся на корабле. Внести в роль — значит зачислить в состав команды. Списать — значит вычеркнуть из роли, уволить из состава команды, удалить с корабля.

Склянки — полчаса. В ту пору, когда на судах были песочные часы — «склянки», вахтенный каждые полчаса ударом в колокол оповещал весь корабль о том, что он следит за временем и не забыл перевернуть получасовую склянку. Песочных часов давно нет на судах, а обычай остался: на всех кораблях каждые полчаса звонят в колокол — бьют ринг дэй. У этого выражения тоже интересное прошлое. Англичане говорили: «ринг дэй белл» — бить в колокол, а у нас переделали в «рынду бей» — так и пошло!

Снасть — см. трос.

Списать — см. роль.

Сходня — дачное место под Москвой. А на судне — переносный мостик из доски, иногда с перильцами, по которому сходят с судна на берег. Обратно с берега на судно входят по той

же сходне, но сходней ее в этом случае не называют.

Счисление — приближенное определение места судна путем расчетов и построений на карте.

Такелаж — см. трос.

Трафальгарская битва — знаменитое морское сражение, в котором 21 октября 1805 года английский адмирал Нельсон разбил превосходящую по силам соединенную эскадру французских и испанских кораблей под командой адмирала Вильнева.

Трос — снасть, всякий канат, веревка, веревочка. Если веревка привязана хотя бы одним концом к чему-нибудь на судне, она уже становится частью такелажа.

Трюм — корабельное брюхо, помещение для груза на корабле.

Утка — деревянное или металлическое приспособление для крепления снастей. Так еще называют водоплавающую птицу, различая при этом утку домашнюю и утку дикую.

Фальшборт — часть борта выше главной палубы. Приходится следить, чтобы в этой части корабля никакой фальши не было, а то, не ровен час, и в воду свалиться недолго.

Фиорд — узкий извилистый залив с высокими берегами.

Флюгер — легкий флагжок на мачте для определения направления ветра.

Фордевинд — см. курс.

Фрахт — плата за перевозку груза по морю, а также груз, за перевозку которого по морю взимается плата.

Фут — мера длины, около 30 сантиметров.

Хронометр — точные астрономические часы.

Швартовы — тросы, которыми корабль привязывают к берегу или к другому кораблю.

Широта — выраженная числом удаленность от экватора.

Штиль — см. балл.

Штормтрап — веревочная лестница. По ней и в тихую погоду нелегко взбираться, а в шторм и подавно. Особенно в зрелом возрасте!

Якорь — на этом слове удивительным образом замыкается круг морского словаря, ибо якорь на голландском языке называется, произносится и пишется точно так же, как и бочонок для вина — анкер, с которого начинался этот словарик (см. анкерок).

Р А С С К А З Ы

МОРСКИЕ САПОГИ

К вечеру отец вернулся из города. Он привязал лодку, поднялся на пристань, почерневшую от времени, и, уверенно ступая, зашагал по берегу. Одной рукой он придерживал на плече весла и багор, в другой — нес большой узел, завязанный в новый пестрый платок.

— Пап, чего привез? — крикнул Гришка, выбегая навстречу.

Отец промолчал. Тогда впереди отца, пританцовывая и оглядываясь на каждом шагу, Гришка помчался к дому.

У крыльца отец поставил весла, потопал, сбивая песчинки, прилипшие к ногам, и не спеша вошел в дверь. Потом так же неторопливо он положил узел на лавку, развязал платок, развернул белую тряпичку, и тут Гришка, глаз

не спускавший с отцовских рук, ахнул от неожиданности. Он с самого начала догадался, что ждет его знатный гостинец, но такого подарка и он не ожидал. В свертке оказались сапоги. Да какие! Настоящие морские сапоги, с высокими голенищами раструбом, двойным носком, с толстой подметкой, подкованной медными гвоздями. И пахли они не кремом каким-нибудь, а настоящим дегтем. О таких сапогах Гришка мечтал давно, они ему и во сне снились. И вот теперь, когда сапоги оказались у него в руках, Гришка испугался, что будут они не впору. Уж больно маленькими, точно игрушки, показались его сапоги рядом с отцовскими.

Наскоро поблагодарив отца, Гришка достал из своего сундучка чистые портянки, ладонями вытер правую ногу, умело подмотал портянку и за ушки, осторожно, натянул сапог. Он пришелся в самый раз, и у Гришки отлегло от сердца. Левый тоже оказался впору. Гришка встал, потопал, как отец, каблуками, носками, всей ступней... Сапоги сидели, как заказные, и Гришке захотелось сейчас же побегать в них. Он вышел на крыльцо, прошелся по берегу. Он нарочно ступил на груду сучьев, сложенных у сарая. Сучья захрустели, как сухари, а ногам хоть бы что! И галька разлетается из-под сапог во все стороны, точь-в-точь, как у отца, когда он ходит по отмели. Здорово!

Обегав все кругом, Гришка решил до конца испытать обновку: он важно подтянул голенища и осторожно вошел в реку. Вода охватила ноги, будто кто сжал их холодными ладонями. Поднявшись со дна, забурлили кругом веселые пузырьки, и ни одна капля не просочилась в сапоги.

Гришке вдруг стало стыдно: в настоящих морских сапогах он себя почувствовал настоящим, взрослым моряком, а взрослые никогда не ходят в воду зря, без дела. Можно, конечно, было тут же и выйти на берег, но выходить совсем не хотелось. Тогда Гришка придумал себе дело в воде: окинув хозяйственным взглядом пристань, он постоял минуту, будто задумавшись.

— Посмотреть, хорошо ли лодка привязана? — сказал он наконец и, прямо против течения, разгребая сапогами воду, зашагал к пристани.

Он доверху подтянул голенища, но возле самой лодки все равно черпнул бы сапогами, если бы не успел рыбкой навалиться на корму и задрать ноги кверху. Потом он перелез на нос, перебирая мокрую веревку, подтянул лодку к пристани и нашупал узел. Узел ему не понравился — слабо затянут. Гришка дернулся за свободный конец, узел сразу распустился, веревка выхлестнулась из кольца, а Гришка поскользнулся и растянулся поперец банки. Он сразу вскочил, но течением нос лодки уже

отвернуло от пристани. Гришка кинулся на корму, но и крма уже отошла далеко, а грести и цепляться было нечем.

Гришка прикинул глазом: доплыть тут не штука, лодку вот только бросить придется. Но это тоже не беда: все равно прибьет ее куданибудь, а не прибьет — у отца новая есть лодка, еще лучше. Уже и осмоленная, только спустить осталось. Значит, пока не поздно, нужно плыть. А то унесет на середину — оттуда и не доплыешь...

Вдруг Гришка вспомнил о сапогах. Лодку можно бросить, а сапоги не бросишь. И в сапогах не поплыешь — вон они какие, в пальц подметки... Сразу потянут на дно, а здесь глубина от самого берега начинается... Разуться да на лодке оставить их? Но об этом Гришка даже и думать не хотел.

Так, ничего не придумав, Гришка сел на банку. А лодку тем временем вынесло поближе к середине реки, на самый фарватер, и потянуло прямо вниз по течению. Шел отлив, и вода быстро скатывалась в море.

Гришка осмотрелся. Солнце уже закатилось за сопку, но было еще светло. Слева, прямо над их маленькой пристанью, высокой стеной уходил под самое небо зеленый берег. Справа, призрачный и далекий, в плотном куполе дыма кораблей и заводов, раскинулся город Николаевск. Над Амуром, гладким, как зеркало,

чуть-чуть курился туман, и на всей реке, сколько хватало глаз, — ни парохода, ни катера, ни паруса...

Тут только Гришка понял, что попал в настоящую беду. Он чуть не разревелся, но вспомнил про сапоги и реветь не стал. Почему-то показалось ему, что вот-вот, само собой, придет спасение: или лодку прибьет к берегу, или на буксир подберет его кто-нибудь, или отец донесет на катере. Так или иначе — не дадут ему пропасть. А раз так, то и горевать нечего.

Забыв об опасности, Гришка стал думать о том, как осенью он придет в школу, как все будут завидовать его сапогам; потом вспомнились ребята, учителя... Свернувшись калачиком, Гришка согрелся и незаметно заснул крепким сном. Спал он долго.

А когда проснулся, уже совсем стемнело, и берегов не стало видно. Дул холодный ветер. Сердитые волны колотили и швыряли лодку. На дне появилась вода. Кругом шумело пустынное, темное море.

Спать совсем не хотелось, зато захотелось есть, так что от голода сосало под ложечкой. Вдруг Гришке показалось, что в море блеснул огонек. Он пригляделся — над самой водой плыла навстречу желтая звезда. Потом выгляднули из темноты еще две звездочки — зеленая и красная. Гришка понял: прямо на него шло самоходное судно. Он не спускал глаз

с цветных огоньков. Они быстро надвигались. Сквозь шум волн, ставший уже привычным, Гришка расслышал недалекий стук машины. Еще не решив, что делать дальше, Гришка встал во весь рост, но тут вдруг что-то тяжелое ударило в борт лодки...

Лодка крякнула и повалилась набок. Из темноты надвинулась неясная громадина. Гришка кинулся отпихивать ее руками, он кричал и тут нечаянно нашупал в темноте что-то жесткое и твердое вроде толстой холодной доски. Он ухватился за эту доску. В то же мгновение вода с шумом хлынула в лодку, лодка ушла из-под ног и пропала. А Гришка так и остался висеть. Со всех сторон его обдавали холодные брызги, он уже вымок до нитки, но не замечал ничего. Крича и болтая ногами, Гришка с каждой секундой крепче впивался руками в холодную доску, понимая, что в этом его спасение.

Вдруг откуда-то сверху упал свет. Гришка быстро огляделся и ясно увидел, что висит над водой, уцепившись за лапу якоря.

— Эй, не скули, парень, держись! — крикнул кто-то сверху.

Свет погас. Стало еще темнее.

Вот тогда Гришке сделалось страшно. Он почувствовал, как слабеют руки. Одежда отяжелела от воды. Вот-вот, казалось ему, он отпустит якорь... Он зажмурился от страха,

но тут чья-то сильная рука обхватила его по-перек живота.

— Хватайся за трап, дурень! — услышал Гришка тот же голос и, пошарив руками, ухватился за веревку.

Потом нащупал другую веревку, ногой поймал ступеньку и, утвердившись на веревочной лестнице, раскачиваясь и ударяясь о мокрый борт, полез кверху. Невидимые руки подхватили его под мышки и как пушинку вынесли на палубу. Вспыхнула люстра на мачте, палуба осветилась.

Какие-то люди обступили Гришку, его о чем-то спрашивали, но он с перепугу едва стоял на ногах и громко стучал зубами. Потом, подхватив под руки, его повели куда-то по мокрой палубе, и он сам не заметил, как оказался в большой светлой каюте.

Посредине каюты стоял стол, обитый белой kleenкой, вокруг стола с трех сторон — мягкие кожаные диваны. Над столом висела яркая лампа. Лампа качалась, и вся каюта тоже качалась. Гришку посадили на диван. Мутные ручейки натекли с его одежды на кожу дивана и змейками побежали по палубе. Гришке почему-то очень стыдно стало за эти ручейки. Он попробовал ладонью задержать их и оглянулся.

Напротив за столом сидел усатый старик в черном кителе с золотыми нашивками на

рукавах. Он с интересом посмотрел на Гришку и строго спросил:

— Сколько было-то?

Гришка не понял.

— Сколько вас в лодке было, кто да кто, говорю? — сердито сказал старик, и Гришка совсем испугался.

— А никого, дядя, не было. Я один, — сказал он и разревелся.

— Добре, — сказал старик. — Раз один, тогда и реветь нечего. В море и так рассола хватает. А ну, раздевайся-ка, живо!

— А зачем раздеваться-то? — всхлипнул Гришка и покорно стал расстегивать рубашку.

— Драть тебя буду — вот зачем. Чтобы в море один не шлялся! — ответил сердитый старик и крикнул кому-то: — Стеганку новую привнесите, поаккуратнее выберите, да поскорее!

«Стегать будет», — подумал Гришка и пожалел. Он решил, что стеганка — это что-то вроде собачьей плетки, и боязливо поглядывал на дверь, ожидая, когда принесут эту плетку. Но вместо плетки принесли ватную куртку и такие же штаны.

— А ну-ка, живо скидай свою робу да одевайся в сухое. Не стану я тебя драть. Давай лучше чай пить, — сказал старик и улыбнулся одними глазами.

Гришка быстро скинул мокрую одежду, набросил куртку, не снимая сапог натянул

огромные штаны. Старик сам подвернул ему рукава и усадил рядом с собой на диване. После мокрой рубахи в ватной стеганке показалось так тепло, что Гришка сразу разомлел. Как сквозь сон видел он, что дневальный принес ярко начищенный чайник, что на столе появился хлеб, сахар, брусника, соленая рыба и другая еда. Кто-то расспрашивал Гришку, как он попал в море один в такую пору. Гришка ел, пил, отвечал что-то, а потом, не вставая из-за стола, уронил голову прямо на клеенку и заснул.

Проснулся он в другой каюте, на другом диване. Над ним стоял вчерашний старик и тормошил его:

— Эй ты, заяц морской, вставать пора!

Гришка поднялся и увидел, что тут же на диване сложена его высушенная одежда. Рядом с диваном стояли и сапоги. Гришка вскочил, оделся и стал обуваться. А старик взял другой сапог и долго рассматривал его со всех сторон.

— Да, брат, сапоги у тебя важнецкие, настоящие морские, — сказал он наконец. — Ты где же такие спроворил?

— Отец подарил, — сказал Гришка и, вспомнив отца, спросил растерянно: — А как же он-то теперь, без меня-то?

— Без тебя-то? — удивился старики. — А очень просто: никуда он без тебя-то не

денется. Адрес свой знаешь? Ну и молодец. Сейчас дадим ему радио: так, мол, и так, жив-здоров, пионерский привет и прочее, тому подобное. Не скучайте, мол, ждите... Ты у нас пока поплаваешь, ума понаберешься. А сапоги береги, другие такие не скоро заведешь. Да нос вытри. Ясно?

— Ясно, — пробасил Гришка и вытер нос ладонью.

— А раз ясно, тогда пойдем чай пить. Умывайся давай, да пошли.

Пока шли в столовую, Гришка узнал, что старик этот — капитан, и еще больше стал гордиться своими сапогами.

«Раз уж сам капитан хвалит, значит, правда хороши сапоги», — решил он и к столу сел так, чтобы каждый, кто войдет, видел его ноги. И каждый, кто входил, непременно замечал Гришкины сапоги и каждый говорил что-нибудь вроде того, что, мол, вот смотрите, у парня сапоги-то какие.

Напившись сладкого чаю с брусникой, Гришка вышел на палубу и тут встретился с боцманом. Это был ладный парень, худощавый, но крепкий в плечах, с розовым, будто ошпаренным лицом, с острым носиком, задорно глядевшим кверху, с маленькими веселыми голубыми глазами.

— Что, герой, поденно палубу топчешь? — нажимая на «о», засмеялся боцман. — Ну

отдохни, пойдем, я тебе якорь покажу. Не снял бы я тебя вчера с якоря, ты бы небось и сейчас купался.

Гришка перегнулся через борт и глянул вниз: вода с разбегу ударяла в нос судна и вздымалась двумя прозрачными, как стекло, зелеными крыльями. На самом верху эти крылья загибались, рассыпались белыми брызгами, и брызги косым дождем неслись вдоль бортов. Гришка подобрал на палубе щепочку и бросил туда, вниз. Щепочку подхватило сразу; она закрутилась и пропала.

Гришка вспомнил, как висел там на лапе якоря, поежился и с уважением посмотрел на боцмана.

«Вон какой храбрый, — подумал он, — не испугался. А вдруг бы лестница оборвалась или нога поскользнулась?»

Потом Гришка побывал на мостице и в машине. Он заглянул в камбуз, посидел у радиста, зашел к врачу и часам к одиннадцати успел со всеми перезнакомиться и осмотреть все судно. Как раз к этому времени машина замолчала, и капитан приказал отдавать якорь. А когда судно встало и развернулось носом на волну, моряки все вместе дружно взялись спускать на воду большой моторный катер. Туда, на катер, опустили веревки, инструменты, какие-то бревна и доски, покрашенные в красный и белый цвет. Потом оделись

в брезентовые костюмы, натянули резиновые сапоги и один за другим спрыгнули в катер.

А Гришка стоял у борта, смотрел на них и завидовал. И, когда уже завели мотор и когда уже распрошались, пожелав друг другу успеха, капитан вдруг крикнул с мостика:

— Эй, на катере, зайца-то нашего прихватили бы! Пусть покатается!

— Ну давай, Егор, не задерживай! — крикнул боцман, и Гришка, перемахнув через борт, прыгнул вниз, прямо на руки подхвативших его моряков.

Потом катер отвалил и быстро пошел к берегу.

Берег тут был скалистый. Он серой стеной поднимался прямо из воды, и казалось, что влезть на эту стену невозможно. Но моряки у самого берега спрыгнули прямо в воду, и один за другим, помогая друг другу, стали карабкаться на скалу.

Груз тоже сбросили прямо в воду. С ним оставили двух матросов, а катер отвели на глубокое место и поставили на якорь.

На катере только трое остались: Гришка, механик и третий помощник капитана. Они смотрели, как моряки одолевают скалу. Видно было, что это нелегко.

Наконец там, на скале, выбрались на вершину, сбросили веревки и стали поднимать туда доски и инструменты. Потом там же, на

скале, стали собирать из досок огромный полосатый треугольник. А когда собрали и сколотили, поставили его стоймя и начали укреплять на самом краю обрыва так, чтобы его хорошо было видно с моря.

Такие полосатые треугольники Гришка и прежде не раз видел на сопках по берегам Амура, но он не знал, зачем они там стоят. А тут ему рассказали, что по таким щитам моряки находят дорогу. Называются эти щиты «створами», а их судно специально ходит вдоль берегов, чинит старые и где нужно ставит новые створы.

Гришка не отрываясь смотрел на скалу. Матросы с катера казались совсем маленьками, как мухи, а скала — гладкой, и Гришка удивлялся, как это они там держатся, наверху.

А помощник капитана, вместо того чтобы смотреть на храбрых товарищей, лег на палубу, накрыл лицо фуражкой и сразу захрапел. Ему не впервые была установка створов, а с четырех часов утра он стоял на вахте.

Скоро и механику надоело задирать кверху голову. Он достал бидон из кормового ларя и стал подливать бензин в бак. А Гришка держал воронку и смотрел, как бензин пузырится и пропадает в баке.

Вдруг Гришке послышалось, что кто-то крикнул. Он обернулся.

Сверху со скалы матросы смотрели вниз, а под скалой наполовину в воде лежал человек.

Двое матросов, оставшихся внизу, спешили к нему.

— Эй, на катере! Давай сюда, живо! Боцман сорвался! — крикнул один из них.

Механик бросился будить помощника капитана.

— Беда, Володя! — сказал он. — Савельев сорвался. Надо бы его на судно скорее.

Помощник капитана открыл глаза и сразу вскочил на ноги.

— Заводи! — крикнул он, и механик кинулся к мотору. Он хотел завинтить пробку бака, но второпях уронил кожаную прокладку от пробки.

Она покатилась по палубе, шлепнулась в воду и утонула. На этом катере как у примуса был устроен бак: если не закроешь его на крепко пробкой — бензин не пойдет куда нужно, и мотор работать не будет и не заведется даже. А без прокладки, как ни крути пробку плотно, все равно не закроешь бак.

Механик растерянно шарил глазами по всему катеру: искал, из чего бы сделать прокладку, да так, видно, и не нашел ничего подходящего. А с берега торопили, махали руками, кричали, что боцману плохо, кровью истекает человек.

Механик схватился было за пояс, но пояс оказался чуть-чуть поуже, чем надо. Тогда механик плонул на палубу, посмотрел за

борт, на то место, где утонула прокладка, и безнадежно развел руками.

— Ведь вот глупость какая, — сказал он в сердцах, — из-за такой ерунды человек пропадает!

Тут Гришка тронул механика за руку.

— Дядя, а какой ерунды надо-то? — спросил он.

— Кожи мне надо, а не ерунды! — огрызнулся механик и еще раз безнадежно окинул глазами весь катер.

— Дядя, а моя кожа не годится? — не унимался Гришка.

Он и в самом деле готов был свою кожу отдать, только бы спасти веселого боцмана.

— Отстал бы ты, парень, без тебя тошно! — беззлобно ответил механик.

С берега продолжали кричать и махать руками. А катер по-прежнему покачивался на волнах, и хотя помощник капитана давно уже стоял у руля и посматривал на берег, но и он не знал, что делать.

— Дядя, а мои сапоги?! — сказал Гришка.

— Дело! — крикнул механик и, выхватив из кармана складной нож, бросился перед Гришкой на колени и тут же прямо на ноге у Гришки расположил новенькое голенище и принялся вырезать прокладку.

Помощник капитана поднял якорь, и вскоре катер полным ходом понесся к берегу.

Боцмана бережно положили на палубу. Лицо у него было белое, как мокрая булка, глаза не смотрели, из раны на затылке не унимаясь бежала кровь.

На судне врач зашил эту рану. Боцман попрощался, его голубые глаза открылись, он улыбнулся.

А Гришка босиком топтал палубу и ничуть не жалел своего сапога. Одного он немножко боялся — как бы дома не досталось за то, что он не уберег отцовский подарок.

СЧАСТЛИВЫЙ СТАРИК

Телеграмма пришла на рассвете, а утром мы уже собирались в конторе и обсуждали неприятную новость.

На белушье промысле Люги прошлой ночью огонь уничтожил склады. Сгорела теплая одежда, сгорели продукты. Это бы еще полбеды. Людей, в крайнем случае, можно перевести на соседний промысел. А вот то, что сгорели белушки невода, — это хуже. Таких неводов на Сахалине взять негде, а морем из Владивостока тоже в эту пору не доставишь. Летом-то это дело нехитрое. Но лето давно

прошло. Стояла глубокая осень. По Татарскому проливу холодные северные ветры уже гнали льды.

Послать бы ледокол. Да кто же нам разрешит посыпать ледокол из-за такого пустякового дела? Для нас-то, конечно, это дело совсем не пустяк. А в порту есть свои дела, поважнее: вот-вот нагрянут морозы, ледоколы каждый день нужны будут на проводке больших кораблей. А на простом, неледокольном судне пробиваться туда, на Люги, навстречу льду — безнадежное дело. Об этом и думать нечего.

Оставалось одно: махнуть рукой и пропустить весенний ход белухи.

Пропустить весенний ход зверя — все равно, что совсем не ловить. Весной следом за льдом зверь идет прожорливый, напористый, смелый. Идет несметными косяками и целыми косяками заходит в невода. Вот тут и берут его, пока он не стал осторожным, пугливым и сытым. Считанные дни продолжается весенний «рунныи» ход белухи, но за эти дни ловят больше, чем за все остальное лето. Но что же поделаешь, если сети сгорели?

— Ставим крест на весне? — спросил кто-то, когда мы наговорились досыта.

— Выходит, что так, — поддержали другие.
— Запишем на Люги недолов.

Обидно было принимать такое решение, но ничего другого придумать мы не сумели.

Тут в комнату зашел капитан Шайтанов. Он закурил свою прокопченную трубку и уселся верхом на стуле. Пока мы, перебивая друг друга, рассказывали ему о том, что случилось, он молчал, попыхивая табаком, поглядывая в окно. Казалось, ему дела нет до нашей беды.

Наконец мы замолчали. Шайтанов повернулся так, что стул крякнул под ним. Вынув трубку изо рта, он зажал ее в волосатом кулаке, обвел нас выцветшими серыми глазами и, помолчав, спросил хрипловатым баском:

— Больше ничего не можете предложить, молодые люди?

А что мы могли предложить? Все утро мы только и делали, что предлагали, да так ничего дельного и не придумали. Мы промолчали.

Тогда Шайтанов встал, широко расставив ноги, нацелился мундштуком своей трубки в окно, точно решил выстрелить из нее, как из пистолета, и чуть прищурился, взглядаваясь в даль. Мы все, как по команде, посмотрели туда же.

За окном низкие тучи торопливо неслись над сопками.

Дул свежий ветер. Залив стал белым от пен. Пароходы, качаясь на волне, низко кланялись друг другу мачтами. Маленькие шампуньки и катера прыгали, как поплавки, дергая якорные канаты.

Шайтанов описал мундштуком широкую дугу и нацелил его на маленькую шхуну, притаившуюся у восьмого причала.

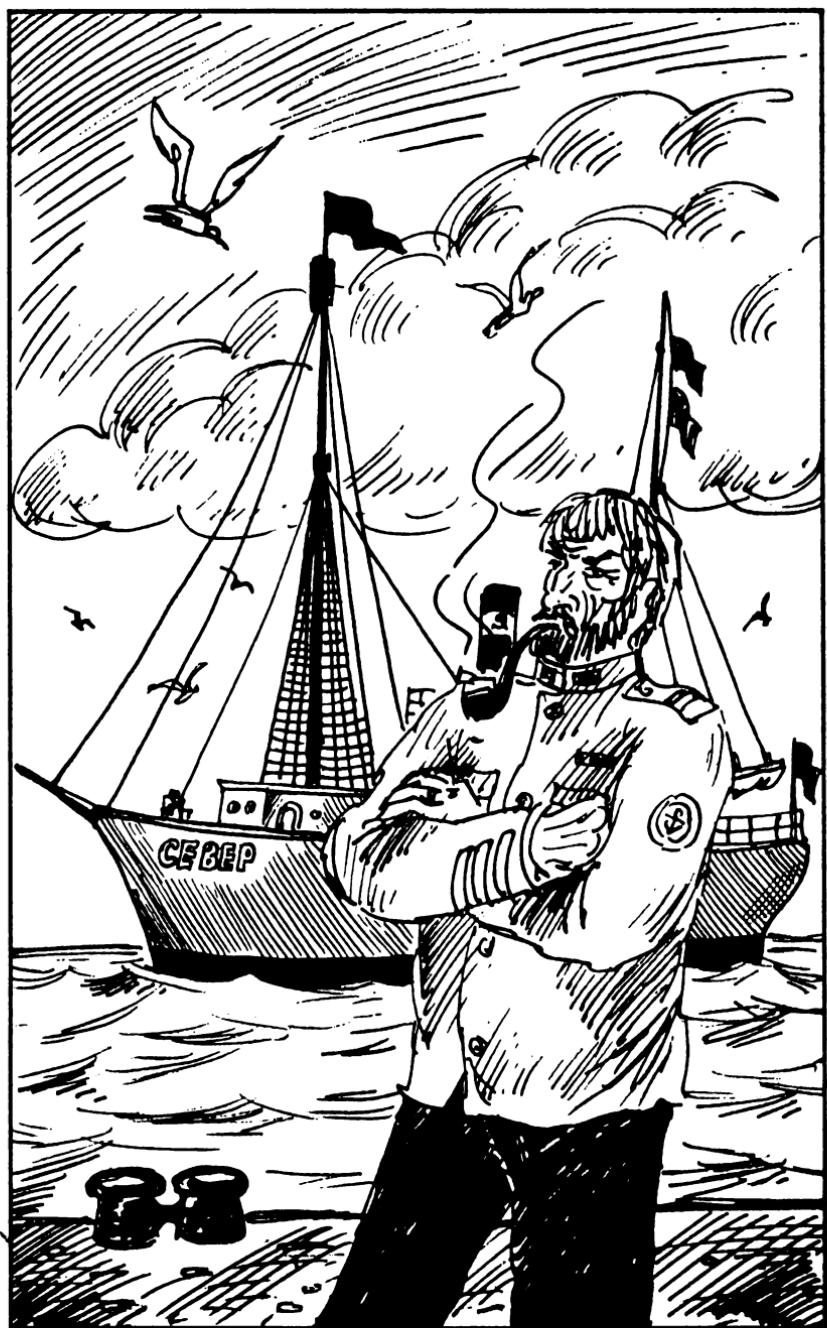
— Вон, видите «Север»? — сказал он, обернувшись. — Если найдется десяток моряков, я хоть завтра поведу его на Люги.

Тихий, как утренний бриз, шепоток пробежал по канторе.

— На «Севере» в Татарский пролив, в лед? На этой гнилушке? Да что он, с ума сошел? «Север»... Ему в печку пора, а не в ледовое плавание.

Корабли живут меньше, чем люди. Лет тридцать-сорок, вот и весь корабельный век. Но бывают такие счастливцы корабли, которые плавают по две корабельных жизни. Вот так и «Север». Этот проплавал семьдесят один год! Хаживал он в холодных полярных морях и в жарких тропических водах. Попадал в такие бури, когда ветер срезает мачты и рвет паруса, и в штили, когда парусники неделями болтаются на одном месте. Он два раза тонул и три раза горел, но из всех бед выходил как ни в чем не бывало, и слава самого счастливого судна прочно укрепилась за ним в порту.

Все это так. Но счастье счастьем, а чудес в наши дни не бывает. И так каждую весну все моряки удивлялись, что «Север» опять, подняв паруса, пыхтя разбитой машиной, выходит в море. А тут вести его на Люги, да в такое время.

Посылать в Татарский пролив. Его ветхие борта часа не выдержат напора льдов. Проще никуда не ходить, а здесь, в порту, пустить его ко дну.

Просто смеется Шайтанов, решили мы.

А он смотрел на нас и впрямь улыбался и молчал, точно хотел угадать, что мы думаем.

— Ну что ж, молодые люди, найдем моряков, а? — спросил он наконец и шагнул от окна к большой карте, висевшей на стене.

На карте, сверху вниз, похожий на ракью клешню, протянулся остров Сахалин. Слева, на верхнем его конце, маленьким черным кружочком был отмечен белущий промысел Люги.

Шайтанов ткнул мундштуком во Владивосток и провел линию вверх, вдоль Татарского пролива.

— Не трудно догадаться, — сказал он, — что здесь я не пойду. Это, сами понимаете, безнадежное дело. Пойдем мы вот так. — И он прочертит другую линию, восточнее острова, по открытому морю. — Льдов тут нет, обойдем Сахалин с востока, повернем на запад и будем со льдом спускаться к югу, пока не нажмет покрепче. До Люги скорее всего не дойдем. Но я выброшу шхуну вот тут где-нибудь, — он показал где, — и выгрузжу сети. Судно, конечно, погибнет, но сети доставим. А зимой там дороги хорошие, можно и лошадьми подвезти. Дело, в общем, не сложное, но здесь нужны

смелые люди: выбрасываться на Сахалине зимой, сами понимаете, не каждый решится.

И снова шепоток пробежал по коридору:

— Умно придумал старик! «Север» стоит гроши. Все равно ведь на слом. Молодец!

Тут наскооро, чтобы последние сомнения рассеять, прикинули на счетах, и вышло, что Шайтанов кругом прав: жир и кожи тридцати белух с лихвой оккупят отжившую свой век шхуну. А весной не по тридцать, сотнями, а то и тысячами белух каждый год берут на Люги. Значит, стоит попробовать!

Теперь дело за смелыми людьми. Впрочем, и смельчаков тут же нашлось больше, чем нужно. Я сам был очень доволен, что Шайтанов без спора согласился взять меня вторым помощником в этот рейс..

В тот же день мы стали готовить «Север» к походу. Провозились весь день и всю ночь и еще целый день. Пришлось сменить подгнившие снасти, кое-где проконопатить палубу, набить на борта ледовые пояса. А старенькую машину даже и перебирать не стали: до места дойдет, как-нибудь дотянет, а дальше уже и не нужно.

Все, без чего можно было обойтись в этом беспримерном, последнем рейсе, сняли с судна и оставили на берегу. Отвинтили медные рейки с трапов и ручки с дверей. Снесли на берег фаянсовые чаши умывальников из кают, вынесли ковры, дубовую мебель, картины,

лампы-кенкеты. И от этого, куда ни посмотрешь, казалось, что судно безжалостно обворовали грабители.

Мне досталась забота о грузе. Бондари забили сети в бочки. В бочки же сложили аварийный запас продовольствия, закатили в трюмы и туда же, на самый низ, погрузили тонн двадцать песку, чтобы не идти «пузырем». Груза-то «всего ничего» у нас было, и пришлось брать балласт, чтобы не так болтало в море.

И все же поболтало нас крепко. С вечера, как только мы вышли в море, встречный ветер задул с такой силой, что, казалось, вот-вот наш «Север» нырнет под волну и не вынырнет больше. Но шхуна каждый раз бочком выбиралась из-под воды, отряхивалась, как утка, и упрямо шла вперед до тех пор, пока новая волна холодной стеной не вставала перед ее бушпритом.

Наверху, на палубе, трудно было устоять. Впрочем, нам и делать нечего было на палубе. Все, кроме вахтенных, чуть ли не круглые сутки сидели в крошечной кают-компании, без конца пили чай, болтали без умолку. Рыжий механик смешил нас прибаутками, припасенными к каждому слову; старший помощник играл на гитаре.

На четвертый день ветер стих, а к вечеру подул снова, только на этот раз в корму. «Север» распустил паруса «бабочкой» и понесся, как гоночная яхта, едва касаясь пенных

гребней волн. Стало теплее, и качало не так жестоко, но все равно никто не хотел без нужды выбираться из прокуренной кают-компании.

Удивительный это был рейс! В любом плавании на любом корабле половина усилий команды уходит на то, чтобы сохранить судно. А тут одна забота была у нас — дойти до места. А что будет с нашим кораблем — это уже ничего не значило. И поэтому вроде как посторонние, как гости, чувствовали мы себя на «Севере».

Никто не чистил медные части, по старинной моде украшенные цветочками. Никто не подкрашивал борта и надстройки. Отскочила краска — пускай. Размоталась клетневка на тросе — обрезать, чтобы не болтался, не мешал конец, и все. Блоки скрипят — пускай скрипят, все равно мазать не стоит, до Люги про скрипят как-нибудь.

И так во всем, за что ни возьмись.

В последний трудный рейс шел маленький старый кораблик, ободранный, залатанный кое-как, давно утративший свою былую красоту. И все-таки шел он гордо, словно знал, что идет на подвиг, и гордо нес над кормой полотнище красного флага.

На восьмое утро нам встретились первые льдинки. В тот же день Сахалин остался у нас с юга, и мы повернули на запад. «Север» накренился на борт, и волны зелеными горами полезли на палубу.

Льды кругом сгущались. Отдельные рыхлые льдинки все чаще и чаще скребли по ветхим бортам нашего судна. С каждым часом чувствительнее становились их удары. Захолодало.

И хотя по-прежнему звенела гитара в кают-компании и самовар, привинченный к столу, тихонько пел свою песенку, но как-то и здесь чувствовалось, что приближается решительная минута. Все чаще и чаще мы все вдруг замолкали и задумывались, чем кончится наш необычный поход.

Еще засветло мы свернули на юг и вступили в пролив. Теперь каждый час приближал нас к цели. До промысла оставалось не больше ста миль.

Ветер снова переменился, зашел нам в корыту, и это очень кстати получилось, потому что залив сужался, льды сгущались, и с каждым часом труднее становилось старику «Северу» выгребать среди льдов. Мы снова подняли паруса, шхуна прибавила ход и скоро вошла в густое, как каша, ледяное месиво. Теперь все время льдины терлись о наши борта, в мочалки раздирая дубовые доски ледового пояса. И, как ни старался Шайтанов избегать столкновений с крупными льдинами, они все злее наседали на шхуну, и с каждым ударом жалобнее трещали ее борта.

Шайтанов не сходил с мостика. Он в бинокль осматривал льды и неприветливые

сахалинские берега. Все чаще и чаще взгляд его останавливался у подножий прибрежных скал, где белела полоска прибоя.

Под утро он вызвал меня, приказал выкатить бочки из трюма. Мы выставили их на палубе и крепко связали длинным канатом.

Потом все оделись потеплее, обвязались пробковыми нагрудниками и рассовали по карманам консервы, галеты и спички. Рыжий механик последний раз смазал машину, вытер руки клочком чистой пакли и вышел на палубу.

Наконец, опустив бинокль, капитан сам встал к рулю. Перекатав спицы штурвала, он положил руль «лево на борт».

«Север» круто накренился под двойным напором ветра и льда, но тут же, сбросив с палубы воду пополам со льдом, выправился и, раздвигая льды, пошел прямо к берегу.

Скалы быстро надвигались на нас. Казалось, сплошной отвесной стеной вставали они над морем. И мне вдруг стало страшно: вот сейчас наш кораблик с полного хода врежется в гранитную стенку, расколется, как орех, волны закрутят и разметут обломки.

Я пожалел, что пошел в этот рейс. Должно быть, и другим было невесело. Все молчали.

Сбившись на самом носу судна, мы смотрели на берег. Каменная стена неумолимо надвигалась на нас, и казалось, что она всей своей громадой клонится к воде и вот-вот сорвется,

опрокинется и вместе с корабликом вдавит нас в море.

Когда же совсем близким стал берег, мы увидели узкую расщелину, промытую в скале горной речонкой. В бинокль Шайтанов заметил ее раньше нас и выбрал ее последним при-станищем «Севера».

Теперь уже не минуты, теперь секунды ре-шили успех дела. Считанные метры остались до берега. Вдруг судно вздрогнуло тяжелой дро-жью. Что-то заскрежетало под килем.

От толчка я чуть не упал на палубу, но успел ухватиться за поручни и посмотрел за борт. Белая пена кипела вокруг. Снизу что-то не-имоверно тяжелое было наше старое суденыш-ко, и от каждого удара «Север», стоя на месте, вздрагивал всем корпусом.

Вдруг он приподнялся. Под килем сно-ва заскрежетало, и огромная волна, накатив-шись сзади, сбила меня за борт. Ледяная вода ослепила меня и бросила на скалы. Я больно ударился спиной. Тело горело от холода. Кру-гом бешено шумела пена. Руки закоченели, пальцы не сгибались, и я никак не мог ухва-титься за выступ скалы.

Вдруг все переменилось. Ветер над моей головой внезапно стих, вместо пены кругом поднималась и оседала зеленая вода. Она уже не хлестала о берег — она дышала медленно и спокойно.

Оглянувшись, я увидел, что «Север» вошел в устье речонки и, накренившись на борт, заклинил расщелину, заслонив нас от ветра.

Кое-как, скользя и ушибаясь, я выбрался на берег и огляделся. Волны, налетавшие с моря, перекатывались через палубу «Севера», и с каждой волной он ниже оседал под страшными ударами. Бочки из-под сетей смыло в воду, они качались у самого берега. Один за другим выбирались на скалы наши ребята. А стариk Шайтанов по-прежнему стоял на мостице, держась за спицы штурвала.

Он что-то крикнул мне, но в узком ущелье стоял такой грохот, что я ничего не рассыпал.

«Север» кренился все больше и больше, медленно оседая, пока совсем не лег на борт. Тогда Шайтанов спокойно, как в купальне, спрыгнул в воду и поплыл к берегу. Несколько рук потянулись навстречу его посиневшим от холода рукам.

— Ну-с, молодые люди, спички есть? — спросил он, как только оказался на берегу.

Механик достал из кармана жестянную коробочку со спичками и окоченевшими пальцами стал открывать крышку.

— Давайте сюда, — сказал капитан, — да наберите чего-нибудь посушке. Ну, бегом, бегом, скорее согреетесь! Да не все, двоих хватит. Остальные займитесь бочками, а то унесет, чего доброго.

С полчаса по пояс в ледяной воде мы провозились с тяжелыми бочками, а когда выкатили их все до одной, под защитой скалы уже пылал высокий костер. Мы сели у огня и стали сушить одежду.

— Вот так, товарищи, — смеясь, сказал Шайтанов, когда все собрались у костра, — разрешите поздравить с благополучным прибытием в порт назначения. Груз сдан на склад, команда уволена в отпуск. У меня все, товарищи.

Час спустя мы раскинули лагерь. Из бочек и брезентов построили отличную палатку, из сетей сделали постели, сложили очаг и зажили робинзонами на берегу. Еды было вволю, топлива сколько угодно. А через два дня штурм затих, и в нашем лагере стало совсем как на курорте. За эти два дня волны добили ветхий кораблик.

А еще через десять дней пролив замерз, и мы по льду перешли на соседний промысел.

Зимой на лошадях сети увезли на Люги, но это сделали уже без нас. Мы пешком добрались до нефтяных промыслов и на самолете улетели в Хабаровск.

Лететь нам пришлось как раз над тем местом, где закончил свое последнее плавание наш стариk «Север». Самолет шел низко. В окно ясно были видны остатки нашего лагеря, бочки с сетями и выброшенные на берег

обломки судна. А через полчаса, когда мы сели в Николаевске и шум мотора стих, Шайтанов сказал, ни к кому не обращаясь:

— Счастливый старик!

И мы потом долго спорили, о ком он сказал — о себе или о «Севере» и о его удивительном конце.

БАНДИТ

I

Небо, и без того темное, еще потемнело, точно свинцом налилось. Ветер налетел, подхватил твердые, как крупа, снежинки, закрутил их, поднял столбом, унес куда-то, и опять стало тихо-тихо кругом.

Володя остановился, глянул на компас и поправил за плечами тяжелый рюкзак. В рюкзаке, в самом низу, лежали консервы и шоколад. Над ними — вяленая рыба, сухари, а на самом верху, тую скатанный, связанный ремешками, теплый спальный мешок. На поясе у Володи с одной стороны висел большой охотничий нож, с другой — пистолет в кобуре.

— Жарко! — сказал Володя.

Он расстегнул ворот меховой куртки, забросил за плечи длинные уши оленьей шапки, глянул на компас и зашагал дальше. Твердый ледяной наст, проламываясь под тяжестью шагов, звонко захрустел у него под ногами.

Володя давно ждал пурги. Низкие тучи весь день ползли по небу. Налетая порывами, подхватывая и крутя снежинки, холодный ветер сразу набирал силу, и тогда казалось, что вот уже началось, понесло... Но ветер так же внезапно затихал, и тысячи снежинок с легким звоном падали на холодный наст.

Тогда Володя оглядывался на след, посматривал на компас и прибавлял шаг. Он очень торопился. Он решил не отдыхать, пока не начнется пурга. Ведь в пургу — хочешь не хочешь — все равно придется отдыхать. Было бы только где.

На гладком ледяному поле может и вовсе замести в пургу. Но тут повсюду по пути попадались ропаки и торосы, и Володя так выбирал путь между ними, чтобы на случай беды было где укрыться. Ропаки он обходил, через торосы приходилось перелезать, карабкаясь на четвереньках, но лучше уж так, чем на голом месте оказаться в пургу.

А Бандит бежал сзади. И он тоже сторонкой обходил ропаки, перебирался через торосы, но ему было легче: он ничего не нес.

Вдруг ветер разом застонал, засвистел, и в ту же секунду все пропало: и ропаки, и торосы, и небо.

Только снег, колючий, жесткий снег, сплошным потоком мчался куда-то, кружась и заывая на лету.

— Бандит, ко мне! — крикнул Володя и бросился туда, где приметил торос повыше.

Тут, под торосом, тоже было не больно уютно: лед, обглоданный ветрами, жесткий холодный снег. Но зато ветер сюда не залетал, и казалось даже, что здесь потеплее. А когда Бандит уселся у ног и принял скусывать лед с широких, как лыжи, лап, Володя почувствовал себя совсем как дома. Он присел на снег, развязал рюкзак, дал Бандиту небольшую вяленую рыбку, а сам съел горсть сухарей и пол-банки консервов.

Потом он расстелил спальный мешок, забрался в него, положил рюкзак под голову и улегся на бок. Бандит устроился рядом, прямо на снегу.

— Ну, Бандит, мы с тобою нынче здорово поработали, — сказал Володя. — Если дальше так пойдет, через неделю будем в Охотске.

Бандит ничего не ответил. Он только посмотрел на Володю умымыми серыми глазами и потеснее прижался к мешку. Володя закрылся теплым меховым клапаном, и скоро они с Бандитом заснули.

II

Как раз в это время на шхуне «Чукотка» собрались к ужину. За длинным столом уселись девять моряков — кто в полосатой тельняшке, кто в легком кителе, кто в сетке.

Маленькая чугунная печурка, привинченная к полу, раскалилась чуть не докрасна. В ней, шипя и гудя, пылали пористые камни, густо смоченные нефтью.

На столе стояло большое блюдо с макаронами. На потолке висела ярко начищенная лампа. Было и тепло и уютно, а ужин все-таки проходил невесело. Семерых товарищев не хватало за столом. Один из них — Володя Ченцов — ушел, а шестеро лежали на койках, больные цингой.

На шхуне больше половины людей плавали недавно. До этого плавания новички только понаслышке знали о цинге, а тут, как пришлось увидеть ее своими глазами, цинга нагнала на них страху. Молодым ребятам непонятно и страшно было, что здоровые люди ни с того ни с сего начинали вдруг жаловаться на слабость, бледнели, стонали по ночам, а наутро вставали вялые, с мешками под глазами. Больным ничего не хотелось: ни есть, ни гулять, ни работать, ни читать. Одна забота была у них — добраться до койки и укрыться потеплее. Потом у больных из десен выступала кровь, и

они даже говорить переставали. А старые моряки, которым не впервой приходилось зимовать на севере, те тревожились еще больше. Они-то не раз видели цингу и знали, что тут хорошего ждать не приходится. Вот так полежит больной, потом у него начнут падать зубы, потом ноги и руки распухнут, одеревенеют, и тогда уж — лечи не лечи — нет от цинги никакого спасения. Тогда один конец — смерть.

Лечить цингу нужно с самого начала, а на шхуне лечить было нечем. От цинги одно лекарство: свежие овощи, зелень, молоко. А тут ни зелени, ни молока не было на много миль кругом.

«Чукотка» зазимовала в крошечной бухточке у маленького скалистого островка в Охотском море. На этом островке не то что овощей, на нем и травы не бывает. На скалах растет один мох, да и тот не очень густой. А звери там не водятся — только птицы гнездятся на скалах в летнее время. Ничего завидного нет на этом островке, и корабли туда редко заходят. А «Чукотку» загнала на этот островок нужда.

Поздним временем вышла «Чукотка» из бухты Нагаева. Туда завезла она полный груз продовольствия и лекарств на зиму, разгрузилась и пошла домой, во Владивосток. И хотя уже бурная холодная осень стояла над морем, но на шхуне и на берегу надеялись, что последний рейс кончится благополучно.

Сначала все и шло по-хорошему. С разных сторон налетали на шхуну ветры, волны качали «Чукотку» на белых гребнях, но прочная, красивая шхуна, точно смеясь над ветрами, танцевала на крутых волнах, кланялась мачтами вправо и влево, а сама шла да шла вперед, оставляя за кормой пенный след.

Так прошли три дня. А на четвертый задул штормовой ветер с севера и такой мороз ударили, что соленые брызги замерзали прямо на лету. Шхуна стала обрасти слоем льда. Палуба превратилась в сплошной каток, на мачтах, на надстройках повисли огромные косые сосульки. Ванты стали толстыми, как бревна. Груз льда увеличивался с каждой минутой. Шхуна глубоко осела в воду, стала качаться медленнее, но зато размахи ее качки с каждым разом становились шире и тяжелее. Казалось, вот-вот она совсем ляжет на борт и уж больше не поднимется над водой.

Тогда вся команда шхуны — кто с топором, кто с тяжелым ножом, кто с железным прутом — вышла воевать со льдом. Люди разбивали лед. Он разлетался на тысячи кусков, волны смывали осколки за борт, но ветер бросал на судно новые тучи брызг, и лед нарастал снова.

Некогда было ни отдохнуть, ни погреться. Проклиная ледяной шторм, люди два дня не сходили с палубы и отстояли шхуну.

Ветер сбавил, волны уменьшились, но зато мороз ударила еще крепче. В каютах зажгли печурки и камельки, и тут, на несчастье, вспыхнул пожар в радиорубке. Его погасили скоро, но огонь успел обгладать передатчик, и шхуна осталась без радиосвязи. Слышать-то землю слышали хорошо. Приемник не пострадал от пожара. А сами на землю не могли передать ни слова и, случись беда, так бы и пропали без вести.

А беда, как назло, караулила шхуну в море. Набежали тучи. Крупный снег повалил с неба, и полчаса не прошло — все море покрылось густым слоем «сала» — мокрой снежной кащей, которая вот-вот могла «схватиться», превратиться в лед, и тогда бы несдобровать «Чукотке». Вот так и случилось, что завернула «Чукотка» к маленькому необитаемому островку. Здесь, в бухте, капитан решил переждать, пока потеплеет, а уж если накрепко, до весны, встанет лед, здесь же решил он и зимовать.

На зимовке всем сначала даже понравилось. После трудного рейса моряки отдыхали кто сколько хотел. Делать было нечего, только по утрам всей командой выходили на лед и со всех сторон окалывали шхуну. Пешнями и топорами разбивали на куски намерзший за ночь лед, железными крючьями вытаскивали осколки и складывали тут же, возле шхуны. Скоро целая стена выросла вокруг «Чукотки»,

и со стороны могло бы показаться, что моряки строят потешную ледянную крепость. Но, конечно, не для потехи трудились люди. Лед окалывали, чтобы он не раздавил шхуну.

После околки завтракали все вместе. Потом читали, играли в домино, слушали радио. Приемник работал исправно, и все слышали, как несколько дней подряд с берега вызывали «Чукотку», разыскивая шхуну в море, спрашивали, где она, что случилось. Но ответить было нечем, и недели через две вызовы прекратились. На берегу решили, должно быть, что шхуна погибла во время шторма.

Когда отдохнули вдоволь, принялись за ремонт. Сменили подгнившие снасти, проконопатили палубу, кое-где заново покрасили надстройки. А механики разобрали машину, промыли керосином, заменили кое-какие части и собрали снова, чтобы весной, как позволит лед, сразу без задержки выходить в море. И, хоть до весны еще далеко было, все на «Чукотке» только и думали о весне.

Когда закончили ремонт, опять стало много свободного времени у людей. Тогда капитан и механик стали заниматься с командой. Капитан учил находить дорогу в море по солнцу и по звездам, разбираться в морских картах и грузить суда. А механик объяснял устройство машины и рассказывал, как она работает и как управлять ею.

Народ на «Чукотке» подобрался дружный. Время проходило незаметно, и не успели моряки по-настоящему заскучать, — прошло два месяца.

И вдруг ни с того ни с сего заболел цингой боцман. На другой день слег еще один матрос, потом через неделю заболело сразу еще двое, и зимовщики приуныли. Вот тогда Володя Ченцов и отправился к капитану.

— Петр Михайлович, — сказал он, — а что, если на берег сходить да оттуда на нартах привезти овощей?

— Что ты, Володя! — ответил капитан. — Здесь до берега с лишним полтораста миль. Кто же в такую даль пойдет?

— Да я бы и сходил, — сказал Володя. — Вы не сомневайтесь, Петр Михайлович, я по льдам ходить привычный. У нас на севере, на зверобойке, другой раз за день-то миль по тридцать оттопаешь.

— И не думай, Володя, — возразил капитан, — заблудишься, замерзнешь, зря пропадешь. Уж как-нибудь перезимуем. До весны-то все-го ничего осталось.

Володя послушался. А на другой день заболел механик. Тогда Володя снова пришел к капитану. Капитан хоть и не так решительно, но все же и на этот раз не отпустил его. И только через два дня, когда слег еще один молодой матрос, капитан наконец сдался.

— И так горько, и так не мед, — сказал он, — ну, да, видно, быть по-твоему. Ступай, Ченцов, только смотри, осторожно. А то, глядишь, и сам пропадешь, и нас не выручишь.

Потом он развернул карту, и они вдвоем с Володей долго обсуждали, как лучше идти, как одеться, что взять с собой, где делать привалы и ночевки. Решили, что Володя пойдет на Охотск, и капитан рассказал, по каким приметам узнать охотские берега.

В тот же вечер все зимовщики собрались в столовой, написали родным телеграммы о том, что живы и зимуют в море. За ночь сшили Володе спальный мешок из капитанской дохи, собрали рюкзак. А утром, когда все было готово и пришло время прощаться, Володя попросил, чтобы с ним отпустили Бандита.

— Харчей как-нибудь хватит, — сказал он, — а вдвоем в дороге все будет веселее.

Потом позавтракали поплотнее, на дорогу, по обычью посидели молча, Володя оделся и пошел не спеша.

Все здоровые вышли его провожать. Володя крепко пожал всем руки и зашагал по льду.

— Прямо на север, так и иди, никуда не сворачивай! — крикнул вдогонку Володе капитан. — Как раз на Охотск и выйдешь. Да на компас почаше поглядывай!

— Есть на север! — ответил Володя. — Бандит, за мной!

Бандит сначала побежал за ним, потом сел на снег, вскочил, кинулся к капитану и, стоя около него, долго смотрел вслед Володе. А когда Володя скрылся за ропаками, Бандит взвизгнул, отбежал немного, опять сел и вдруг сломя голову бросился за Володей.

— Вот что значит друзья-то! — сказал капитан, и, постояв еще, все не спеша пошли назад на шхуну.

III

Никто точно не знал, откуда Бандит взялся на «Чукотке». Известно было только, что Володя первый с ним познакомился.

Однажды в Амурском лимане «Чукотка» стояла на рейде и ждала прилива.

День выдался трудный. С утра выгружали шхуну, потом принимали новый груз, и к вечеру, когда отошли от причала и встали на якорь, все так намаялись, что замертво повалились на койки. А Володе спать не полагалось, он остался стоять на вахте.

Ночь выдалась тихая и темная. На небе ни звездочки, только высоко на мачте светился фонарь да на фарватере далеко-далеко загоралась и гасла мигалка.

От скуки Володя ходил по палубе и считал шаги. Но как-то все получалось, что он сбивался, и приходилось начинать снова. Потом

ему захотелось закурить. Он в темноте набил трубку, чиркнул спичкой и тут заметил у машинной двери какую-то серую груду вроде грязной пакли.

Володя решил, что это механики вытащили из машины грязную обтирку и бросили ее на палубе.

«Ишь, духи нечистые, им палубу не убить, вот и швыряют где попало», — проворчал Володя и пихнул груду ногой.

Но груда вдруг заворчала, поднялась. Володя зажег другую спичку. Перед ним стоял огромный кудлатый пес, махал хвостом и скакался, но не сердито, а ласково.

— Ах ты, бандит, — сказал Володя и протянул руку, чтобы погладить пса. Тот не огрызнулся, не отбежал, наоборот, придинулся к Володе и потерся о его ноги.

— Вон ты какой ласковый, — сказал Володя и погладил собаку. Она была очень тощая.

— Как же ты к нам на шхуну забрался? — допрашивал Володя. — Небось есть хочешь?

Он принес с камбуза большую миску с макаронами. Собака в одну минуту управилась с ними, а потом всю ночь ни на шаг не отходила от Володи. Вахта прошла незаметно. А под утро пес свернулся клубком и заснул.

Когда к концу вахты, потягиваясь и зевая, вышел на палубу сменщик, Володя сказал:

— Ничего такого за ночь не случилось. Все

в порядке, только вот лишний пассажир у нас на судне — Бандит.

— Какой такой бандит? — удивился матрос.

— А вот какой, — ответил Володя и свистнул тихонько.

Пес послушно прибежал, стуча по палубе когтями.

— Вот он какой, Бандит, — повторил Володя и почесал собаку за ушами. — Вот он какой, Бандит. Должно быть, с причала к нам забежал. А знатный пес будет, — добавил он и пошел спать в каюту.

Пес наутро перезнакомился со всей командой, и скоро все на судне его очень полюбили. На сытных судовых харчах он скоро отъелся, шерсть у него стала блестящей и чистой, а кличка Бандит так за ним и осталась. Лапы у Бандита были мохнатые и широкие, как лыжи, морда обросла густой серой бородой, умные глаза смотрели хитро и весело. Красивый вышел пес. И сторож из него получился отличный: другой раз тюленя в море заметит и сразу — лаять. А уж если лодка подойдет поближе или на стоянке ступит на трап посторонний человек — тут Бандита не сразу и успокоишь. Лаял он грозно, вид имел внушительный и характер неплохой: ласковый, послушный и добродушный.

Однажды с Бандитом вышел такой случай: у помощника капитана собрались гости —

моряки с других судов. Они засиделись до поздней ночи. Вспоминали прошлое, рассказывали друг другу разные морские истории. Кто говорил правду, кто выдумывал, а под конец один рассказал страшную небылицу про старого боцмана. Этого боцмана похоронили в море, и вот будто бы после этого он каждую ночь стал являться к кому-нибудь из команды.

В маленькой каюте накурили. Круглое окошечко, выходившее прямо на палубу, открыли настежь. И не успел рассказчик довести до конца свою страшную сказку — глянул в окошко, да так и замер: с палубы в каюту заглядывал старик, обросший густой седой бородой.

И хоть все понимали, что бояться тут нечего, а все-таки как-то не по себе стало. Даже сам помощник капитана и тот немножко испугался, но тут же узнал Бандита, расхохотался и протянул ему кусок колбасы. Бандит колбасу съел, облизнулся и отошел от окошка. А на «Чукотке» с тех пор еще больше полюбили Бандита и хвастали морякам с других судов:

— Ох и страшный зверь у нас на шхуне живет: семерых храбрых моряков до смерти перепутал.

Теперь Володя с Бандитом ушли, и, конечно, на шхуне без них стало как-то тосклинее.

Володя был парень ловкий, веселый и товарищ хороший. Для каждого было у него в запасе доброе словцо, каждому он готов был

помочь, когда трудно приходилось в плавании, никогда не жаловался, а если опасная работа предстояла, Володя всегда первый бесстрашно брался за нее.

Но больше всего любили Володю за то, что слово у него было твердое: если уж скажет — значит, сделает.

И теперь, хоть и жалко было отпускать с зимовки такого человека, все на судне надеялись: как ни труден путь — не сдастся Володя, дойдет до Охотска и пришлет оттуда и овощи, и лекарства.

Об этом только и говорили целый день.

Рассчитывали так и этак, по скольку километров может за день пройти Володя; спорили, какая будет погода; прикидывали, сколько времени будут собирать нарты и сколько им идти из Охотска. И, как ни гадали, выходило, что к концу месяца, не позже, придет помочь с берега.

А на другой день, как раз перед ужином, поднялась пурга. И сразу всем стало невесело и тревожно. Моряки часто поглядывали на темные окна, за которыми бушевали снежные вихри, прислушивались к ветру. И разговаривали вполголоса, будто чем провинились друг перед другом.

— Ишь как завывает, — сказал один матрос. — Вот так покрутит недели две, и пропал наш Володя.

— Да и нам тогда несдобровать. Всех цинга, как котят, передушит. Весной и якорь поднять некому будет, — мрачно откликнулся другой.

— Ну-ну, нечего каркать напрасно! — строго осадил капитан. Он-то знал, что плохое настроение — верный союзник цинги.

А когда ветер завыл особенно жалостно и протяжно, юнга сказал:

— Это наш Бандитка скулит.

И всем вдруг представилось, что Володя лежит холодный, засыпанный снегом, а Бандит стоит над ним, высоко подняв морду, и воет.

IV

Володя спал крепко. Он даже ни разу и не проснулся за ночь. Утром, высунув голову из мешка, он увидел, что пурга улеглась, и сразу вскочил. Бандит тоже проснулся, отряхнулся, запрыгал вокруг хозяина и завилял хвостом.

Володя вытряхнул мешок, сложил его, доел вчерашние консервы, дал Бандиту полрыбки и большой сухарь. Потом он умылся снегом, вытерся шарфом, надел рюкзак на плечи, посмотрел на компас и двинулся в путь.

К обеду они сделали привал. Поели, отдохнули немножко и сразу двинулись в дорогу. Долго шли, опять немножко отдохнули, а потом уже шли без отдыха до темноты. Погода

стояла хорошая, и Володя спешил. Ведь шли они в таких местах, где на погоду никак нельзя рассчитывать.

Ночью опять поднялась пурга. Но к утру небо очистилось, и ветер улегся. Только много снегу навалило за ночь, и идти стало гораздо труднее.

Володя часто проваливался по колено, а то и по пояс. Иногда приходилось выбираться, разгребая снег руками, и бывало так, что Володя за час проходил меньше километра.

А Бандит забегал вперед, стоял, обернувшись к Володе, и словно торопил его и удивлялся, что он так медленно идет.

Иногда он даже лаял. Иди, мол, поскорее!

И Володя отвечал ему как человеку:

— Тебе-то хорошо, у тебя вон лыжи какие. Кабы мне лыжи, пожалуй, и ты бы за мной не угнался.

В этот день прошли они совсем немного, а устал Володя так, что к вечернему привалу пришел совсем без сил. Выбрав надежный ропак, он сбросил рюкзак, сел на него и минут пять сидел — набирался сил, чтобы развязать ремни и расстелить спальный мешок.

Зато потом три дня пути прошли легко. Старый снег поулегся, новый не выпадал, ветра совсем не было, и к концу шестого дня пути, по Володиным расчетам, выходило, что полдороги осталось позади. А продуктов в рюкзаке

было еще порядочно, потому что Володя все время очень экономил.

Седьмой день пути тоже начался хорошо, но к полудню небо обложило тучами, а еще час спустя поднялась пурга. На этот раз она бушевала три дня подряд. И, хоть не терпелось Володе скорее идти дальше, пришлось смириться и три дня сидеть под таросом в крошечной снеговой пещерке. Сперва Володя отоспался, отдохнул, а потом целыми днями играл и разговаривал с Бандитом.

— Ничего, Бандит, — говорил он, оглаживая собаку, — отдохнем тут как следует, а как пурга уляжется, еще быстрее зашагаем. Зато как приDEM, ты у нас героем будешь. Купим тебе серебряный ошейник, на хвост шелковый бант привяжем, колбасы дадим — целый круг.

А Бандит слушал, чуть подняв ухо, скалился и как будто понимал, что ему говорит Володя.

Наконец погода утихла. Надевая рюкзак, Володя вскинул его на руке и встревожился: за эти дни рюкзак заметно полегчал, и Володя подумал о том, что придется уменьшить порции и себе и Бандиту.

Еще через три дня, как ни экономил Володя, они с Бандитом доели последнюю банку консервов, последнюю рыбку, и, поднимаясь с привала, Володя заботливо уложил в рюкзак горсть сухарей и две плитки шоколада — все, что у них осталось.

Но зато и идти осталось совсем недалеко. Несколько раз Володе казалось, что видит горы охотского берега. Но каждый раз, приглядевшись получше, он убеждался, что впереди не сопки, а ледяные валы, а то и просто низкие облака.

Наконец они с Бандитом поделили последний кусочек шоколада. Теперь ничего не осталось у них про запас, нечего было и в рюкзак укладывать. На привале Володя приделал ремни прямо к спальному мешку, а рюкзак бросил, чтобы не тащить лишний груз. Он хотел было бросить и тяжелый пистолет, но передумал и снова пристегнул кобуру к поясу.

Идти по снегу и прежде было нелегко, а тут с голоду и усталости пришлось совсем трудно. Все туже и туже подтягивал Володя ремень, все чаще и чаще приходилось делать привалы. На одном из них Володя прилег, чтобы немножко набраться сил, и незаметно для себя заснул.

Проснулся он от громкого лая. Бандит прыгал вокруг него, лаял и теребил за куртку. А кругом свистел ветер, и, звеня и кружась, неслись миллионы снежинок.

Володя забрался под тороc, развернул мешок и улегся. Но перед тем как заснуть, он крепко обнял Бандита, поцеловал его прямо в морду и сказал:

— Спас ты меня, зверь: еще бы чуть, замело бы меня совсем, тут бы мне и могила!

Тревожно прошла для Володи эта ночь. Сколько продлится пурга? Далеко ли до цели? Сейчас это было важнее всего на свете, а Володя и сам себе не мог ответить на эти вопросы. Одно он знал твердо: каждый день, каждый час отнимает у него силы, а без сил в безбрежных снегах одна судьба у человека — холодная смерть!

Только под утро Володя забылся коротким сном, а когда проснулся, сразу легче стало на душе: пурга улеглась, небо очистилось, кругом лежала морозная тишина.

Очень не хотелось Володе вылезать из теплого мешка, но он поднялся, свернул мешок, забросил его за плечи и упрямо зашагал вперед. И опять показалось ему, что впереди, на горизонте, встают над ледяными полями высокие белые сопки.

— Ну, Бандит, прибавь шагу, пришли! — весело сказал Володя.

И хоть он к Бандиту обратился с этими словами, а сказал-то их больше для себя: уж очень ему хотелось самому поверить, что на этот раз ошибки нет, что впереди — берег.

Так и шли они до самого вечера. На последнем привале Володя совсем обессилел. Он с трудом расстелил мешок, залез в него и сразу заснул. Но проспал он недолго. На этот раз разбудил его пустой желудок, и, сколько ни старался Володя не думать о еде, мысли

упрямо сворачивали на вкусные, жирные, горячие кушанья, и от этих мыслей заснуть было еще труднее. В эту ночь Володя плохо выспался, плохо отдохнул. У него едва хватило сил подняться, а когда он встал, голова у него закружилась, и он долго не решался нагнуться за мешком — боялся, что упадет.

«Все равно, — грустно подумал он наконец, — дойду сегодня — тогда пан. А не дойду — пропал! И так и так мешок мне не нужен».

И, глянув на теплый мешок, он собрал последние силы и зашагал вперед, туда, где неясной грядой виднелись в холодном тумане прибрежные сопки.

Едва передвигая ноги, прошел он часа полтора, с каждым шагом теряя последние силы. В голове шумело от усталости, мысли сбивались, то уносясь в далекое прошлое, то забегая вперед. Но одна мысль, короткая и ясная, как свет маяка в ночной тьме, не оставляла Володю: «Вперед!» И ноги упрямо несли вперед тяжелое, почти уже неживое тело.

Вдруг тонкая льдинка подломилась у Володи под ногой. Он оступился, упал, а подняться уже не смог. С минуту он пролежал лицом вниз, неподвижно, но потом собрался с последними остатками сил и на четвереньках, как маленький, пополз по жесткому насту.

Бандит бежал рядом и с удивлением поглядывал на хозяина. Он решил, наверное, что

Володя затеял новую игру, хотя по голосу и понимал, что ему не до игры сейчас.

А Володя не видел уже ни Бандита, ни дороги. Он об одном помнил: «Вперед!» И он полз вперед, то и дело проваливаясь по грудь и захлебываясь сыпучим снегом. Рукавицы он потерял и раскровенил себе руки. Красные капельки крови яркими пятнами ложились на снегу вдоль следа.

Наконец Володя не выдержал. Он лег на спину, надвинул шапку и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел над собой Бандита. Рядом с ним лежали обе рукавицы — Бандит, должно быть, разыскал их в снегу, принес и теперь, гордый своим подвигом, спешил разбудить хозяина.

Он лизал Володе руки, тихонько тявкал и добился своего: Володя очнулся, сел, обнял Бандита, поцеловал его. Потом он тихонько отстегнул пистолет.

— Бандит, — сказал он, и Бандит уткнулся ему в колени. — Бандит, я бы ни за что не сделал этого. Ты ведь знаешь, зверь, я в долгу перед тобой. Но из нас двоих я сейчас нужнее тем ребятам, которые остались на «Чукотке». Бандюга, милый, ты уж прости меня, отвернись, я тебя застрелю, съем кусочек мяса и тогда пойду как-нибудь. Не смотри, Бандит, отвернись. Ну скорее, — сказал Володя еще раз, но Бандит не отвернулся. Он смотрел своими

умными глазами прямо Володе в лицо, и тому показалось, что Бандит все понял.

Володя опустил пистолет, но тут же снова поднял его, нацелился, отвернулся и сам нажал спуск.

Выстрел далеко прокатился по снежному полю. Володя ясно слышал этот выстрел, но уже не видел и не слышал ничего больше. Он опять потерял сознание. Очнулся Володя в комнате, на чистой койке. В углу жарко топилась печка. К Володе со стаканом в руке подошел человек в военной форме, с зелеными петлицами. Это был начальник пограничного пункта.

— Ну как, товарищ Ченцов, — спросил он, — получше теперь?

Володя от удивления ничего не ответил.

— Ну ничего-ничего. Вот мы вас подкормим немножко — опять молодцом будете. Нате-ка выпейте пока стаканчик кофе.

Володя залпом выпил кофе, и ему сразу стало легче.

— Товарищ начальник, я со шхуны «Чукотка». Она зимует... — начал было он.

— Знаю-знаю, — перебил начальник. — Капитан вместе с телеграммами положил в карман вашей куртки полный рапорт. Нарты уже собраны и, наверное, сейчас пойдут.

— А я-то как же попал сюда? — спросил Володя.

— Да очень просто: наши ребята шли под сопками, услышали ваш выстрел, ну пошли подобрали на нарты да и привезли сюда.

Володя сразу все вспомнил: и последние, самые трудные метры пути, и умные глаза Бандита. Вспомнил и вдруг понял, что зря застрелил Бандита. Он хотел что-то сказать, но слезы комком подступили к горлу. Он чуть не заплакал. Но тут дверь открылась, и вошел пограничник, одетый в оленью малицу.

— Нарты готовы, товарищ начальник, — откозырял он. — Разрешите отправляться?

— Отправляйтесь, счастливого пути. Впрочем, постойте минутку. Вам, товарищ Ченцов, ничего не нужно передать на «Чукотку»?

— Ну что ж, привет передайте, да еще передайте, что я... застрелил Бандита, — тихо проговорил Володя и откинулся лицом в подушку.

— Какого бандита? Это интересно, — сказал начальник, но в это время дверь снова открылась, и в комнату ворвался Бандит.

Он кинулся к койке и громко залаял.

— Бандит, ты жив? — удивился Володя. — Как же так, неужели я промахнулся?

А Бандит уже лизал своему другу руки, тянулся к лицу, и Володя опять поцеловал его в морду.

— Идите, — сказал начальник пограничнику. — Передайте на шхуну, что все благополучно.

Содержание

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

Глава I,

в которой автор знакомит читателя с героем
и в которой нет ничего необычайного 5

Глава II,

в которой капитан Врунгель рассказывает
о том, как его старший помощник Лом изу-
чал английский язык, и о некоторых частных
случаях практики судовождения 13

Глава III

О том, как техника и находчивость могут воз-
местить недостаток храбрости, и о том, как
в плавании надо использовать все обстоятель-
ства, вплоть до личного недомогания 27

Глава IV

О правах скандинавских народов, о непра-
вильном произношении некоторых географи-
ческих названий и о применении белок
в морском деле 47

Глава V

О селедках и о картах 63

Глава VI,

которая начинается недоразумением, а конча-
ется неожиданным купанием 74

<i>Глава VII</i>	
О методах астрономических определений, о военной хитрости и двух значениях слова «фараон»	92
<i>Глава VIII,</i>	
в которой Фукс получает заслуженное воз- мездие, затем считает крокодилов и, наконец, проявляет исключительные способности в области агрономии	109
<i>Глава IX</i>	
О старых обычаях и полярных льдах	129
<i>Глава X,</i>	
в которой читатель знакомится с адмира- лом Кусаки, а экипаж «Беды» — с муками голода	144
<i>Глава XI,</i>	
в которой Врунгель расстается со своим ко- раблем и со своим старшим помощником . . .	156
<i>Глава XII,</i>	
в которой Врунгель и Фукс дают небольшой концерт, а затем торопятся в Бразилию	162
<i>Глава XIII,</i>	
в которой Врунгель ловко расправляется с удавом и шьет себе новый китель	173
<i>Глава XIV,</i>	
в начале которой Врунгель становится жерт- вой вероломства, а в конце снова попадает на «Беду»	183
<i>Глава XV,</i>	
в которой адмирал Кусаки пытается посту- пить на «Беду» матросом	193
<i>Глава XVI</i>	
О дикарях	211
<i>Глава XVII,</i>	
в которой Лом вновь покидает судно	220

<i>Глава XVIII</i>	
Самая печальная, так как в ней «Беда» гибнет, на этот раз уже безвозвратно	228
<i>Глава XIX,</i>	
в конце которой неожиданно появляется Лом и поет про себя	236
<i>Глава XX,</i>	
в которой Лом и Фукс проявляют неосмотрительность в покупках, а Врунгель практически проверяет законы алгебры	243
<i>Глава XXI,</i>	
в которой адмирал Кусаки сам помогает Врунгелю выпутаться из весьма затруднительного положения	250
<i>Глава XXII,</i>	
дополнительная, без которой иной читатель мог бы и обойтись	261
<i>Рассуждение</i>	
капитана дальнего плавания Христофора Бонифатьевича Врунгеля о морской терминологии	265
<i>Толковый морской словарь</i>	
для бестолковых сухопутных читателей Составлен Х. Б. Врунгелем	271

РАССКАЗЫ

<i>Морские сапоги</i>	279
<i>Счастливый старик</i>	299
<i>Бандит</i>	316

Серия «Золотая библиотека»

Для младшего и среднего школьного возраста

Некрасов А.С.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ

Повесть и рассказы

Редактор О. Трифонова

Технический редактор М. Курочкина

Компьютерная верстка

и обработка иллюстраций Е. Ниверт

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.02.00.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 22.
Тираж 10 000 экз. Заказ 381.

ООО «Фирма “Издательство АСТ”»

ЗАО «Издательский Дом ОНИКС»

при участии ООО «Астрель»

ООО «Фирма “Издательство АСТ”»

Лицензия ЛР № 066236 от 22.12.98 г.

366720, РФ, ИР, г. Назрань, ул. Московская, 13а.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST PUB@AHA.RU

ЗАО «Издательский Дом ОНИКС».

Лицензия ЛР № 065803 от 09.04.98 г.,

107066, г. Москва, ул. Доброслободская, 5а.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

ЛУЧШИЕ КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всмирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнат, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дома, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Все обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

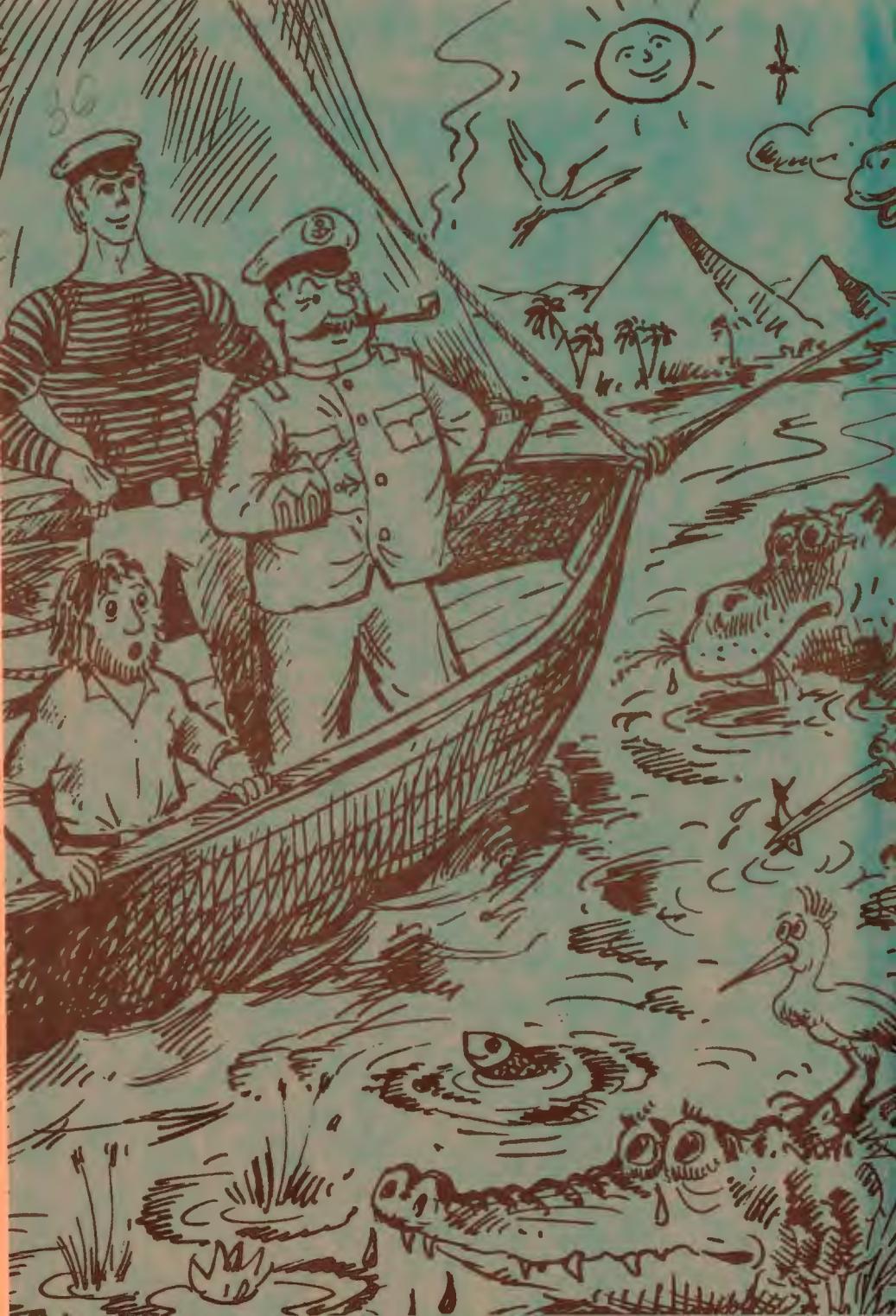
Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Луганская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

9 78527 02100-4
ISBN 5-227-02100-X

Лучшие друзья — преданный Пятачок, сердечный Кролик и неунывающий Винни-Пух, добрый джинн Хоттабыч, самая правильная на свете няня Мэри Поппинс, фантазер и озорник Незнайка, неразлучные приятели Дениска и Мишка и другие любимые книжные герои — ждут вас, дорогие читатели, на страницах книг серии

«Золотая Библиотека»

